Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Бугров Артем Юрьевич

СПЕЦИФИКА ОСВЕЩЕНИЯ РЕФОРМ АЛЕКСАНДРА II В ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1850-Х – НАЧАЛА 1880-Х ГГ.

Специальность 5.9.9. – Медиакоммуникации и журналистика

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент Бит-Юнан Ю.Г.

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ... 3

ГЛАВА 1. ОБСУЖДЕНИЕ ПРЕДПОСЫЛОК ВЕЛИКИХ РЕФОРМ В ГАЗЕТНОЙ ПРЕССЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ ... 31

1.1. Предпосылки великих реформ в русской печати ... 31

1.2. Предпосылки великих реформ в английской печати ... 46

1.3. Сравнение обозрения предпосылок великих реформ в английской и русской печати ... 61

Выводы к главе 1 ... 82

ГЛАВА 2. ОСВЕЩЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ В ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ ... 84

2.1. Освещение крестьянской реформы в русской печати ... 84

2.2. Освещение крестьянской реформы в английской печати ... 115

2.3. Сравнение обозрения в английской и русской печати ... 146

Выводы к главе 2 ... 156

ГЛАВА 3. РЕФОРМЫ 1864–1874-х гг. В ЗЕРКАЛЕ ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ ... 160

3.1. Освещение реформ 1864–1874-х годов в русской печати ... 160

3.2. Освещение реформ 1864–1874-х годов в английской печати ... 197

3.3. Сравнение обозрения реформ 1864–1874-х годов в английской и русской печати ... 218

Выводы к главе 3 ... 238

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ... 246

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА ... 275

1. Источники ... 275

2. Литература ... 302

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения специфики освещения Великих реформ Александра II газетной прессой Российской империи и Великобритании с целью восстановления демифологизированной истории отечественной и зарубежной журналистики.

Реализация Великих реформ началась в 1856 г. с коронационной амнистии декабристов. Кульминацией реформ можно считать отмену крепостного права в 1861 г. Положением 19 февраля. За последующие 13 лет были проведены земская реформа (1864), судебная реформа (1864), цензурная реформа (1865), военная реформа (1874) — комплекс преобразований, который кардинально изменил социальный, политический и экономический облик Российской империи. Великие реформы представляют собой беспрецедентное по масштабам преобразование русской государственности**.**

Однако эти реформы не следует рассматривать как явление, замкнутое в пределах России. Они стали предметом пристального внимания европейской, в особенности – английской общественности, и были закодированы в медийных дискурсах, которые формировали представления как русского, так и британского общества о смысле и значении отечественной модернизации.

Печать занимала одно из центральных мест в этом процессе. Российская пресса — прежде всего консервативные «Московские ведомости» и умеренно-либеральные «Санкт-Петербургские ведомости» — выполняла двойственную функцию: с одной стороны, она служила инструментом государственной политики, обеспечивая легитимацию реформ, с другой — становилась трибуной, на которой открыто обсуждались практические трудности их проведения. Английская печать — "The Times", "The Manchester Guardian", "The Daily Telegraph" — занимала иную позицию: она рассматривала русские преобразования через призму собственных политических интересов, европейского баланса сил и представлений о либеральной модернизации.

Обращение к тому, как воспринимались Великие реформы в английской и русской печати, позволяет поставить принципиальный вопрос: почему одни и те же исторические события по-разному конструируются различными медийными сообществами — в зависимости от национальных ценностей, политических установок и господствующих идеологических предпосылок. Значимость данного исследования обусловлена потребностью в более глубоком осмыслении механизмов формирования исторического знания, роли периодической печати в легитимации либо оспаривании государственного курса, а также взаимного влияния национальных нарративов в контексте складывавшихся международных отношений середины и второй половины XIX века.

Объект исследования — публикации в газетах Российской империи и Великобритании, содержащие фактографическую и оценочную информацию о Великих реформах Александра II в период 1856–1874 гг.

Предмет исследования — специфика восприятия и интерпретации Великих реформ в указанных публикациях.

Цель исследования — выявить и проанализировать различия в специфике восприятия и интерпретации Великих реформ Александра II (1856–1874) в газетной прессе Российской империи и Великобритании.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

1. Описание и анализ интерпретации предпосылок Великих реформ газетной периодикой Российской империи — «Московскими ведомостями» и «Санкт-Петербургскими ведомостями» в политическом контексте России середины 1850-х гг.

2. Описание и анализ интерпретации предпосылок Великих реформ газетной периодикой Великобритании — "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph» в политическом контексте российско-британских отношений середины 1850-х гг.

3. Сравнительный анализ интерпретации предпосылок реформ в русской и английской печати: выявление общих и различных элементов

медийного дискурса и выявление факторов, обусловивших эти сходства и различия.

4. Описание и анализ интерпретации крестьянской реформы 1861 г. газетной периодикой Российской империи – «Московскими ведомостями» и «Санкт-Петербургскими ведомостями» — в политическом контексте России конца 1850-х — начала 1860-х гг.

5. Описание и анализ интерпретации крестьянской реформы 1861 г. газетной периодикой Великобритании — "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph" в политическом контексте российско-британских отношений конца 1850-х — начала 1860-х гг.

6. Сравнительный анализ интерпретации крестьянской реформы в русской и английской печати: выявление общих и различных элементов медийного дискурса и выявление факторов, обусловивших эти сходства и различия.

7. Описание и анализ интерпретации земской, судебной, военной, цензурной реформ газетной периодикой Российской империи — «Московскими ведомостями» и «Санкт-Петербургскими ведомостями» — в политическом контексте России 1860-х — 1870-х гг.

8. Описание и анализ интерпретации земской, судебной, военной, цензурной реформ газетной периодикой Великобритании — "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph" — в политическом контексте российско-британских отношений 1860-х — 1870-х гг.

9. Сравнительный анализ интерпретации земской, судебной, военной, цензурной реформ в русской и английской печати: выявление общих и различных элементов медийного дискурса и выявление факторов, обусловивших эти сходства и различия.

Выбор хронологических рамок исследования обусловлен спецификой исследуемого объекта. Нижняя граница — 1856 г. — определяется окончанием Крымской войны, поражение в которой стало ключевым импульсом к обсуждению необходимости преобразований как в русской, так и в английской

печати. Именно с этого момента в периодике обеих стран формируется устойчивый дискурс о реформировании Российской империи, что зафиксировано публикациями «Московских ведомостей», «Санкт-Петербургских ведомостей», "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph".

Верхняя граница — вторая половина 1870-х гг. — соотнесена с завершением основного цикла Великих реформ Александра II: от крестьянской реформы 1861 г. к земской (1864), судебной (1864), цензурной (1865) и военной реформе 1874 г. К этому времени и русская, и английская пресса уже сформулировали четкие оценки всего комплекса преобразований, равно и комментарий к ним, что позволяет проследить эволюцию медийного дискурса на протяжении всего реформаторского курса.

Таким образом, хронологические рамки исследования охватывают приблизительно 1856–1874 гг. Внутри этого периода можно выделить три этапа, каждый из которых соответствует определенному исследовательскому вопросу: дореформенный (1853–1860) — формирование предпосылок и зарождение публичной дискуссии; этап крестьянской реформы (1860–1862) — отражение в прессе процесса освобождения[1] в английской печати[2] и его ближайших последствий; этап комплексных преобразований (1862–1874) — медийная рецепция земской, судебной, цензурной и военной реформ, в том числе изменение риторики после покушения Д.В.Каракозова на Александра II в 1866 г.

Степень научной разработанности темы:

Историографию настоящего исследования можно разделить на три группы: во-первых, работы, непосредственно обращенные к роли

[1] Термин «освобождение» (emancipation) широко использовался британской прессой для обозначения данного процесса. В настоящей диссертации применяется российский термин «отмена крепостного права» как более точно отражающий юридическое и историческое содержание реформы 1861 года.

[2] Об истории употребления термина «эмансипация» см.: Domar, E.D. Were Russian serfs overcharged for their land by the 1861 Emancipation? The history of one historical table // Domar E.D. Capitalism, Socialism, and Serfdom: Essays by Evsey D. Domar. Cambridge : Cambridge University Press, 1989. P. 280–288.

периодической печати в освещении реформ, — то есть тематически наиболее близкие к предмету диссертации; во-вторых, фундаментальные исследования по истории Великих реформ; в-третьих, труды по истории русской и британской журналистики и цензуры.

К первой группе — работам, тематически наиболее близким настоящей диссертации, — относятся исследования, в центре которых стоит освещение событий эпохи именно в прессе. Наиболее близкая тематически работа — это статья И.А.Сурниной (2017)[3], посвященная роли периодических изданий в социально-экономических преобразованиях 1857–1861 гг.. На материале «Экономического указателя» И.В.Вернадского и «Вестника промышленности» Ф.В.Чижова автор показывает, что периодическая печать выполняла функцию интеллектуальной подготовки реформы: формулировала экономические аргументы в пользу освобождения, влияла на образованное общество и косвенно — на чиновничью среду, разрабатывавшую условия освобождения крестьян. Таким образом, пресса рассматривается не просто как зеркало эпохи, но и как агент социально-экономических преобразований. Этот методологический ракурс близок подходу настоящей диссертации.

Особое место занимает статья А. Г. Готовцевой (2018)[4]. Опираясь на широкий корпус газетных и журнальных материалов, исследовательница показывает, что общественная реакция на помилование декабристам[5], объявленную коронационным манифестом Александра II в 1856 г., оказалась значительно сдержаннее, чем принято считать: сообщение об помиловании воспринималось читательской аудиторией в неразрывном единстве с общим

---

[3] *Сурнина, И.А.* Роль периодических изданий в социально-экономических преобразованиях России 1857–1861 годов («Экономический указатель» И.В. Вернадского и «Вестник промышленности» Ф.В. Чижова) // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2017. – № 1. – С. 156–166.

[4] *Готовцева, А.Г.* «Словом милости как Божьей благодатью»: амнистия декабристам в российской периодической печати и общественном сознании // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2016. – № 4 (13). – С. 9–23.

[5] В историографии наряду с термином «помилование» употребляется термин «амнистия». В настоящей работе используется термин «помилование».

коронационным контекстом, а не как самостоятельное политическое событие. Готовцева детально реконструирует механизм формирования общественного мнения через прессу — авторитетные издания задавали доминирующую интерпретационную рамку для восприятия российских реформ в британском публичном дискурсе., в котором читатель воспринимал политическое событие. Этот вывод принципиально важен для настоящей диссертации: он демонстрирует, что механизмы медиаконструирования общественного мнения в переломный 1856 г. были куда сложнее, чем можно было бы предположить исходя из традиционных историографических нарративов.

В типологическом отношении к первой группе примыкает и диссертационное исследование С. И. Косарева (2012)[6], посвященное освещению русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в российской и английской периодической печати. Работа Косарева представляет особый интерес именно своей типологической схожестью с настоящим исследованием: оба труда анализируют, как пресса двух стран конструировала образ одного и того же события российской истории — с одной стороны, изнутри российской политической матрицы, с другой — через призму английского взгляда на происходящее. Это позволяет рассматривать диссертацию Косарева как методологический ориентир для сравнительного анализа медиарепрезентаций.

Вторую группу составляют фундаментальные исследования по истории Великих реформ. Отправной точкой историографии можно считать труды В. И. Ленина[7]. Безусловно, это не академические, а политические сочинения. Однако они заложили ряд интерпретационных рамок, впоследствии воспринятых советской историографией. В том же ключе выдержаны работы

---

[6] *Косарев, С.И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в оценках российской и английской периодической печати : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Брянск, 2012. 218 с.

[7] *Ленин, В.И.* Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 3. М. : Издательство политической литературы, 1971. С. 21–23; *Ленин, В.И.* Пятидесятилетие падения крепостного права // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 20. М. : Издательство политической литературы, 1973. С. 173–177.

других русских марксистских авторов[8], подчеркивавших буржуазный характер реформ и их неполноту. В данном диссертационном исследовании подобные труды квалифицируются как источники, а не как научная литература.

Первый академический обобщающий труд по истории России XIX века был предпринят А. А. Корниловым, чей «Курс истории России XIX века» выходил в 1912–1918 гг.[9]. Корнилов заложил основу для системного изучения эпохи реформ в рамках либерально-исторической традиции, предложив нарратив, альтернативный марксистскому.

В советский период детальный институциональный анализ реформ был осуществлен П. А. Зайончковским, чьи монографии об отмене крепостного права, военных реформах 1860–1870-х гг., кризисе самодержавия, правительственном аппарате и политической реакции 1880-х гг. составили фундаментальный корпус источников для любого исследователя эпохи[10].

В 1980-е гг. советский и российский историк, доктор исторических наук (1983), заслуженный профессор кафедры истории России XIX — начала XX века исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Л. Г. Захарова опубликовала монографию «Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861»[11], ставшую важным вкладом в изучение механизмов подготовки реформы.

---

[8] *Покровский, М.Н.* Русская история с древнейших времен : в 5 т. М. : Мир, 1910–1913; *Покровский, М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке. Ч. 1 и 2. М. : Государственное издательство, 1920. 224 с.; *Литвак, Б.Г.* Советская историография реформы 19 февраля 1861 года // История СССР. – 1960. – № 6. – С. 99–120.

[9] *Корнилов, А.А.* Курс истории России XIX века. Ч. 1–3. М. : Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1912–1914. Ч. 1. 283 с. ; Ч. 2. 272 с. ; Ч. 3. 330 с.

[10] *Зайончковский, П.А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. М. : Изд-во МГУ, 1952. 368 с.; *Зайончковский, П.А.* Отмена крепостного права в России. 3-е изд. М. : Просвещение, 1968. 368 с.; *Зайончковский, П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М. : Изд-во МГУ, 1964. 511 с.; *Зайончковский, П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М. : Мысль, 1970. 452 с.; *Зайончковский, П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М. : Мысль, 1978. 288 с.

[11] *Захарова, Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861. М. : Изд-во МГУ, 1984. 256 с.

На рубеже 1980–1990-х гг. к исследованию реформ Александра II активизировали исследования западные историки. У. Б. Линкольн, заслуженный профессор русской истории Северного университета Иллинойса (США), и О. Фигес, профессор истории Колледжа Биркбек Лондонского университета, член Королевского литературного общества, внесли существенный вклад в понимание роли либеральной бюрократии в подготовке реформ и их структурного значения для развития России, предложив интерпретации, во многом независимые от советских историографических канонов[12].

В 1990-е гг. Л. Г. Захарова продолжила разработку темы в ряде коллективных трудов и статей, завершив этот цикл масштабным исследованием «Самодержавие и реформы в России. 1861–1874» (2020)[13]. В 2000-е гг. Б. Н. Миронов в двухтомной «Социальной истории России периода империи» (2003)[14] вписал эпоху реформ в широкий контекст генезиса гражданского общества и правового государства. В 2010-е гг. разработку политической истории эпохи продолжил А. П. Полунов[15].

Западная историография Великих реформ Александра II складывалась преимущественно в англо-американской науке. Центральное место в ней занимают монографии заслуженного профессора русской истории Северного

---

[12] *Lincoln, W.B.* The Great Reforms: Autocracy, Bureaucracy, and the Politics of Change in Imperial Russia. DeKalb : Northern Illinois University Press, 1990. 281 p.; *Lincoln, W.B.* In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. DeKalb : Northern Illinois University Press, 1982. 297 p.; *Figes, O.* A People's Tragedy: The Russian Revolution 1891–1924. London : Jonathan Cape, 1996; *Figes, O.* Natasha's Dance: A Cultural History of Russia. London : Allen Lane, 2002; *Figes, O.* The Story of Russia. New York : Metropolitan Books, 2022.

[13] *Захарова, Л.Г.* Великие реформы в России, 1856–1874 / под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М. : Изд-во МГУ, 1992. 334 с.; *Захарова, Л.Г.* Александр II // Вопросы истории. – 1992. – № 6–7. – С. 58–79; *Захарова, Л.Г. Самодержавие и реформы в России. 1861–1874 // Великие реформы в России, 1856–1874 / под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М. : Изд-во МГУ, 1992. – С. 24–43.*

[14] *Миронов, Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. XL, 548 с. ; Т. 2. 583 с.

[15] *Полунов, А.Ю.* К.П. Победоносцев в начале царствования Александра III // Вестник Московского университета. – 2010. – № 4. – С. 35.

университета Иллинойса У. Брюса Линкольна: в "In the Vanguard of Reform" он показывает, как реформаторские проекты вызревали внутри просвещенного чиновничества еще при Николае I[16], а в "The Great Reforms" рассматривает преобразования 1860-х как противоречивый процесс, в котором бюрократия одновременно выступала и двигателем, и тормозом перемен[17].

Аграрное измерение реформы 1861 г. получило оригинальную трактовку в работе Э. Домара (Эвси Давид Домар, 1914–1997; почетный профессор экономики Массачусетского технологического института, специалист в области сравнительной экономики и экономической истории), поставившего под сомнение сложившиеся представления о выкупных платежах[18].

Более широкий культурно-исторический контекст эпохи раскрывают труды британского историка О. Файджеса (Orlando Figes), профессора Биркбек-колледжа Лондонского университета, одного из ведущих современных специалистов по истории России и автора ряда получивших международное признание монографий, в том числе его обобщающей «История России»[19].

Отдельное направление зарубежной историографии связано с изучением российской прессы и цензуры. Канадский историк-русист, почетный профессор Университета Западного Онтарио Ч. Руд в своей монографии прослеживает эволюцию цензурного законодательства на протяжении

---

[16] *Lincoln, W.B.* In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. DeKalb : Northern Illinois University Press, 1982. 297 p.

[17] *Lincoln, W.B.* The Great Reforms: Autocracy, Bureaucracy, and the Politics of Change in Imperial Russia. DeKalb : Northern Illinois University Press, 1990. 281 p.

[18] *Domar, E.D.* Were Russian serfs overcharged for their land by the 1861 Emancipation? // Capitalism, Socialism, and Serfdom. Cambridge : Cambridge University Press, 1989. P. 280–288.

[19] *Figes, O.* The Story of Russia. New York : Metropolitan Books, 2022. 348 p.; Figes, O. Natasha's Dance: A Cultural History of Russia. London : Allen Lane, 2002. 728 p.; *Figes, O.* A People's Tragedy: The Russian Revolution 1891–1924. London : Jonathan Cape, 1996. 923 p.

столетия, анализируя реформу 1865 г. как практику взаимодействия власти и редакций со всеми ее неформальными механизмами[20].

Л. Макрейнольдс исследует становление массовой периодики в пореформенной России[21], а Д. Балмут обратился к истокам цензурного террора в контексте николаевской эпохи[22]. Польская тематика, неотделимая от реформенного десятилетия, нашла отражение в статье Дж. Клира о восстании 1863 г. и его влиянии на политику русификации[23].

Для понимания британского медиаконтекста, в котором формировалось восприятие российских реформ, существенны работы по истории английской прессы. А. Ли реконструирует становление массовой печати в Англии после отмены «налогов на знание»[24]; М. Хьюитт детально исследует этот переломный момент[25]; Д. Лиддл анализирует информационные функции "The Times" как ведущего издания эпохи[26]; У. Миллс дает институциональную историю "The Manchester Guardian"[27]. Сравнительный взгляд на освобождение крестьян в европейском контексте представлен в работах Г. Хьялупека об австрийском опыте[28] и А. Лестера о британском освобождении рабов[29].

---

[20] *Ruud, Ch.A.* Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804–1906. – Toronto : University of Toronto Press, 1982. – P. 87–102.

[21] *McReynolds, L.* The News under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press. – Princeton : Princeton University Press, 1991. – P. 14–22.

[22] *Balmuth, D.* The Origins of the Tsarist Epoch of Censorship Terror // American Slavic and East European Review. – 1960. – Vol. 19, no. 4. – P. 497–520.

[23] *Klier, J.D.* The Polish Revolt of 1863 and the Birth of Russification // Polin: Studies in Polish Jewry. Liverpool : Liverpool University Press, 2004. P. 96–110.

[24] *Lee, A.J.* The Origins of the Popular Press in England, 1855–1914. London : Croom Helm, 1976. 310 p.

[25] *Hewitt, M.* The Dawn of the Cheap Press in Victorian Britain: The End of the ‘Taxes on Knowledge’, 1849–1869. London : Bloomsbury Academic, 2013. P. 1–2.

[26] *Liddle, D.* The News Machine: Textual Form and Information Function in the London "Times", 1785–1885 // Book History. – 2016. – Vol. 19. – P. 132–168.

[27] *Mills, W.H.* The Manchester Guardian: A Century of History. London : Chatto & Windus, 1921. 146 p.

[28] *Chaloupek, G.* Emancipation of the Peasantry in Lower Austria // The Liberation of the Serfs / ed. J.G. Backhaus. New York : Springer, 2012. P. 19–31.

[29] *Lester, A.* The realpolitik of emancipation in the British Empire, 1833–38 // Humanitarianism, empire and transnationalism, 1760–1995. Manchester : Manchester University Press, 2022. P. 119–144.

Обобщающим справочным ресурсом остается второй том "Cambridge History of Russia" под редакцией Д. Ливена[30].

Третью группу составляют труды по истории русской журналистики и цензуры. Среди исследователей русской прессы XIX века особое место занимает Г. В. Жирков — доктор исторических наук, профессор кафедры истории журналистики Санкт-Петербургского государственного университета, один из ведущих специалистов по истории отечественной периодики. В монографии «История цензуры в России XIX–XX вв.» (2001)[31] он рассмотрел цензурную реформу 1865 г. как ключевой фактор перестройки всей системы массовой коммуникации.

Л. П. Громова — доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, один из ведущих специалистов по истории отечественной журналистики — руководила созданием фундаментальной коллективной монографии «История русской журналистики XVIII–XIX веков» (2013)[32], в которой развитие прессы рассматривается в тесной связи с историческим контекстом эпохи. Как справедливо отмечается в этих трудах, медиарепрезентация реформ затрагивалась лишь вскользь[33], что лишь подчеркивает актуальность специального изучения данного вопроса.

Е. А. Динерштейн, доктор филологических наук, известный исследователь истории русского книгоиздания и журналистики, в книге «Фабрикант читателей: А. Ф. Маркс» (1986)[34] рассмотрел журнальное дело

---

[30] The Cambridge History of Russia. Vol. 2 : Imperial Russia, 1689–1917 / ed. by D. Lieven. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – XVIII, 765 p.

[31] *Жирков, Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М. : Аспект Пресс, 2001. 368 с.

[32] *Громова, Л.П.*, Бадалян, Д.А., Жирков, Г.В. и др. История русской журналистики XVIII–XIX веков. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. 528 с.

[33] [Б. а.] Очерки по истории медиакритики в России XIX–XX веков : коллект. моногр. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2021. 256 с.

[34] *Динерштейн, Е.А.* Фабрикант читателей: А.Ф. Маркс. М. : Книга, 1986. 256 с.

второй половины XIX века как самостоятельный культурно-экономический феномен, напрямую зависевший от хода реформ.

Б. П. Балуев, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, в монографии «Либеральное движение в России (1902–1905 гг.)» (2001)[35] показал преемственность либеральной журналистской традиции; его исследование охватывает более поздний период, что лишь подчеркивает необходимость специального изучения прессы непосредственно эпохи Великих реформ.

П. С. Рейфман, доктор филологических наук, профессор (с 1993 г. почетный профессор) Тартуского университета, специалист по русской литературе, журналистике и критике XIX века, исследователь истории цензуры в России — в трехвыпускном первом томе исследования «Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России» (2015–2017) расширил перспективу за счет сквозного анализа цензуры как формы взаимоотношений власти и общества, сопоставляя дореволюционные, советские и постсоветские механизмы контроля над публичной сферой.[36].

Вместе с тем при всем разнообразии накопленных работ по истории русской журналистики и цензуры недостаточно изученным остается вопрос о том, каким именно образом периодическая печать конструировала общественное мнение о крестьянской реформе 1861 г. и к каким речевым стратегиям прибегали различные идейные направления при интерпретации освобождения крестьян. Целостного исследования эволюции медийного восприятия всего комплекса Великих реформ в России в период 1856–1874 гг. с систематическим анализом дискурсивных стратегий, роли различных печатных органов и сравнением со спецификой интерпретации реформ английской прессой на настоящий момент в научной литературе не представлено.

---

[35] *Балуев, Б.П.* Либеральное движение в России: 1902–1905 гг. М. : ИРИ РАН, 2001. 254 с.

[36] *Рейфман, П.С.* Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России. М. : Пента, 2015. 560 с.

Источниковая база исследования сформирована в соответствии с критерием репрезентативности. Эмпирическую основу составляют публикации, датируемые периодом 1854–1899 гг., с фокусом на 1856–1874 гг. как период подготовки, проведения и непосредственных последствий Великих реформ Александра II. Источники распределены по группам.

Первая группа — публикации русской периодической печати

К данной группе относятся материалы двух изданий, представлявших разные идеологические полюсы отечественного медийного пространства в эпоху реформ. «Московские ведомости» — консервативный орган, с 1863 г. выходивший под редакцией М. Н. Каткова и последовательно придерживавшийся официальных позиций, что превращало газету в один из главных рупоров охранительного направления.

В диссертации привлечены к анализу номера за 1856–1885 гг. В их числе — передовые статьи Каткова по крестьянскому, земскому, судебному, цензурному и военному вопросам, его программные тексты после покушения Каракозова 1866 г., манифестирующие поворот к еще более консервативной риторике, а также публикации рубежа 1870-х — 1880-х гг. об итогах реформ и кризисе самодержавия.

«Санкт-Петербургские ведомости» занимали умеренно-либеральную нишу. С 1863 по 1874 гг. газета выходила под редакцией и арендой Валентина Федоровича Корша[37] — журналиста, публициста и историка литературы, последовательно отстаивавшего курс на реформы и полемизировавшего с охранительной прессой. Редакция практиковала критический разбор правительственных мер и не уклонялась от полемики о ходе преобразований; газета заняла позицию умеренно-оппозиционного издания, отстаивавшего реформы в рамках дозволенного цензурным законодательством. Для диссертации отобраны номера за 1861–1875 гг. Особый интерес представляет

[37] *Перхин, В.В.* Из эпистолярного наследия редакторов газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (1846–1914). К научной истории газеты // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2003. – № 4. 107 с.

цикл публикаций февраля — марта 1861 г., непосредственно откликавшихся на обнародование Манифеста 19 февраля, а также материалы о цензурной реформе 1865 г.[38]

Изучение источников этой группы дает возможность установить специфику освещения реформ в условиях цензурного режима, обнаружить различия между консервативным и умеренно-либеральным дискурсами русской прессы, а также проследить, как обе позиции менялись на протяжении всего реформаторского курса — от воодушевления первых лет 1860-х до охранительной реакции конца 1870-х гг. К этой группе отнесены материалы русской и английской печати, вышедшие после завершения военной реформы 1874 г. и отражающие долгосрочную оценку реформ, анализ контрреформ Александра III и осмысление степени реализации первоначальных замыслов реформ Александра II[39].

Вторая группа — публикации английской периодической печати

Вторую группу источников составили публикации британской периодической печати. Основу данного массива формируют материалы трех

---

[38] Манифест «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» от 19 февраля 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XXXVI. № 36650; Именной указ «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати» от 6 апреля 1865 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XL. № 41988.

[39] См., например, репрезентативную выборку передовых статей за этот период. Об оценке итогов реформы 1874 г. и степени боевой готовности: [Б. а.] [Полный успех в истекшем году первого призыва к исполнению всеобщей воинской повинности...] // Московские ведомости. – 1875, 4 янв.; [Б. а.] [Военные силы и боевая готовность России по данным последней войны...] // Московские ведомости. – 1879, 14 янв. О смене курса в эпоху Александра III (в частности, об отставке творца военной реформы и перестройке министерства): [Б. а.] [Предполагаемая реформа Военного министерства...] // Московские ведомости. – 1880, 1 дек.; [Б. а.] [Выход в отставку графа Д. А. Милютина...] // Московские ведомости. – 1881, 25 мая. Осмысление английских оценок: [Б. а.] [«Слабость России», явствующая из произведений английских «джентльменов печати»...] // Московские ведомости. – 1885, 16 авг.; [Б. а.] [О проектах открытия новых учебных заведений в связи с введением всеобщей воинской повинности] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1874, 17 марта. [Б. а.] [О недостатке земских средств на народное образование в условиях нового устава о воинской повинности] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1874, 14 марта; [W. a.] The Russian Agrarian Question // The Times. – 1886, 6 Nov. (25 октября 1886 г. ст. ст.); [W. a.] Latest Intelligence: Russia // The Times. – 1889, 12 Feb. (31 января 1889 г. ст. ст.); [W. a.] Death of the Czar // The Daily Telegraph. – 1894, 2 Nov. (21 октября 1894 г. ст. ст.)

ведущих лондонских и провинциальных изданий, отражающих широкий спектр политических взглядов викторианской Англии.

"The Times" — влиятельнейшая консервативная газета империи, редакция которой имела эксклюзивный доступ к правительственной информации и поддерживала тесные контакты с дипломатическими кругами. В анализируемый период газетой руководили последовательно два редактора: Джон Тэдеус Делейн[40] (1841–1877) — один из наиболее влиятельных журналистов викторианской Англии, создавший репутацию газеты как неофициальной «четвертой власти», и Томас Ченери[41] (1877–1884) — дипломатический корреспондент, укрепивший международный отдел издания. В диссертации проанализированы материалы за период 1854–1889 гг., включающие передовые статьи, посвященные освобождению крестьян, земской и судебной реформам, убийству Александра II, а также ретроспективным обзорам реформаторского курса[42].

"The Manchester Guardian" выступает в исследовании как качественная общественно-политическая пресса, представляющая собой глубокое аналитическое дополнение к столичному дискурсу "The Times". Газета отличалась последовательным интересом к социальным преобразованиям. В анализируемый период редакцией последовательно руководили три редактора: Джеремайя Гарнетт[43] (до 1861 г.) — совладелец и партнер основателя газеты; Джон Эдвард Тейлор (младший)[44] (1861–1872) —

---

[40] См. подробнее о Джоне Тэдеусе Делейне: Dasent, A.I. John Thadeus Delane, Editor of «The Times»: His Life and Correspondence : in 2 vols. London : John Murray, 1908.

[41] См. подробнее о Томасе Ченериж: Chenery, Thomas // Dictionary of National Biography. Vol. X. London : Smith, Elder & Co., 1887. P. 193–194.

[42] См., например, материалы за крайние даты исследуемого периода, а также передовицы, посвященные ключевым событиям эпохи: [W. a.] The State of the Continent // The Times. – 1854, 28 March. (16 марта 1854 г. ст. ст.); [W. a.] The Assassination of the Emperor of Russia // The Times. – 1881, 16 March. (4 марта 1881 г. ст. ст.); [W. a.] Latest Intelligence: Russia // The Times. – 1889, 12 Feb. (31 января 1889 г. ст. ст.)

[43] См. подробнее о Джеремайи Гарнетте: Ayerst, D. Guardian: Biography of a Newspaper. London : Collins, 1971. P. 21–22.

[44] Ibid. P. 398–399.

владелец-редактор, поддержавший реформу избирательного права; его преемник Чарльз Прествич Скотт[45] (1872–1929) — один из наиболее влиятельных редакторов британской журналистики, превративший провинциальный листок в издание национального значения. Привлеченные публикации, охватывающие период 1851–1885 гг., позволяют проследить, как британские обозреватели сопоставляли российское освобождение крестьян с английским опытом парламентских реформ и оценивали введение земского самоуправления как вероятный шаг к конституционализму[46].

"The Daily Telegraph" — массовая либеральная газета, активно популяризировавшая «русскую тему» для широкой читательской аудитории. С момента основания в 1855 г. газетой владела семья Леви: ее создатель Джозеф Мозес Леви[47] (1812–1888) и его сын Эдвард Леви-Лоусон[48] (1833–1916), фактически руководивший редакцией с 1855 г. и ставший управляющим собственником.

В 1860-е–1870-е гг. газета последовательно поддерживала либеральный курс У. Э. Гладстона[49], связывая с его приходом к власти в 1868 г. надежды на «подлинно либеральное правительство» и одобряя реформаторскую повестку первого кабинета: сокращение военных расходов, реформу армии (отмена системы продажи офицерских чинов), реорганизацию судебной системы и гражданской службы, введение народного школьного образования, тайного голосования и ослабление конфессиональных привилегий в Ирландии. В

---

[45] См. подробнее о Чарльзе Прествиче Скотте: Hammond, J.L. C. P. Scott of the Manchester Guardian. London : G. Bell and Sons, 1934. 365 p.

[46] См., например, хронологические рамки выборки и материалы об институциональных реформах: [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1851, 12 Nov. (31 октября 1851 г. ст. ст.); [W. a.] Prussia / Russia // The Manchester Guardian. – 1858, 12 Nov. (31 октября 1858 г. ст. ст.); [W. a.] Foreign Telegrams: Russia // The Manchester Guardian. – 1885, 16 Nov. (4 ноября 1885 г. ст. ст.)

[47] См. подробнее о Джозефе Мозесе Леви: Burnham, E.F.L. Peterborough Court: The Story of the Daily Telegraph. London : Cassell, 1955. 225 p.

[48] Ibid.

[49] См. подробнее о либеральную программу и партийную динамику о либеральном курсе Гладстона: Jenkins, T.A. Gladstone, Whiggery, and the Liberal Party, 1874–1886. Oxford : Clarendon Press, 1988. 328 p.

редакционной риторике программа Гладстона представлялась как пример «моральной» и антиизоляционистской политики, сочетающей внутренние реформы с сдержанной, по возможности миролюбивой внешней линией и критическим отношением к имперскому экспансионизму. Однако после 1878 г., на фоне укрепления консерваторов и перераспределения влияния в палате общин, издание постепенно сместило акценты в сторону консервативного курса, что отразилось и в оценках российской внутренней и внешней политики. Хронологический охват привлеченных материалов этого издания (1857–1894 гг.) включает как оперативную корреспонденцию из России, сопровожденную комментариями редакции, так и подробную аналитику военных преобразований 1874 г., позволяющую проследить, каким образом либеральная программа Гладстона и последующий консервативный поворот редакционной политики влияли на трактовку российских реформ в британском публичном дискурсе[50].

Комплексное исследование этой группы источников дает возможность реконструировать полный спектр оценок английской прессы — от строго консервативных до либеральных. Анализ данного массива позволяет не только выявить роль корреспондентов в формировании образа империи, но и проследить эволюцию британского дискурса: от первых ожиданий 1860-х гг. до ретроспективного осмысления итогов модернизации и контрреформ Александра III на рубеже XIX–XX веков.

Третья группа — нормативно-правовые акты

К этой группе отнесены законодательные документы, определившие содержание Великих реформ и ставшие непосредственным предметом обсуждения в русской и английской периодической печати. Среди них — Манифест от 19 февраля 1861 г. «О Всемилостивейшем даровании

[50] См., например, ранние репортажи, аналитику реформ 1870-х гг. и итоговые материалы, закрывающие эпоху контрреформ: [W. a.] Russia // The Daily Telegraph. – 1857, 26 Jan. (14 января 1857 г. ст. ст.); [W. a.] Russian and Central Asia // The Daily Telegraph. – 1874, 13 May. (1 мая 1874 г. ст. ст.); [W. a.] Death of the Czar // The Daily Telegraph. – 1894, 2 Nov. (21 октября 1894 г. ст. ст.)

крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей»; Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1 января 1864 г.; Судебные уставы 20 ноября 1864 г.; Именной указ от 6 апреля 1865 г. «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати»; Устав о воинской повинности 1 января 1874 г.[51]

Эти пять актов охватывают все ключевые реформы: крестьянскую, земскую, судебную, цензурную и военную. Исследование данной группы позволяет сопоставить юридическое содержание реформ с тем, как оно интерпретировалось и представлялось читательской аудитории русскими и английскими газетами, а также выявить степень осведомленности журналистов о деталях законодательства.

Четвертая группа —мемуары и дневники

К этой группе отнесены источники личного происхождения, раскрывающие закулисную сторону реформаторского процесса и его восприятие современниками. Среди мемуарных источников особое место занимают дневники А. В. Никитенко — цензора и профессора словесности, описавшего интеллектуальную атмосферу эпохи реформ изнутри бюрократической системы,[52] а также воспоминания П. Д. Боборыкина, охватывающие полвека общественной и литературной жизни России[53]. Ценным источником служат «Записки» А. И. Кошелева — видного

---

[51] Манифест «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» от 19 февраля 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XXXVI. № 36650; Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XXXIX. № 40457; Судебные уставы от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XXXIX. № 41473–41476; Именной указ «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати» от 6 апреля 1865 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XL. № 41988; Устав о воинской повинности от 1 января 1874 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XLIX. № 52983.

[52] *Никитенко, А.В.* Дневник : в 3 т. Т. 2 : 1858–1865 / подгот. текста и примеч. И.Я. Айзенштока. М. : Гослитиздат, 1955. 752 с.

[53] *Боборыкин, П.Д.* За полвека: (Мои воспоминания) / ред., предисл. и примеч. Б.П. Козьмина. Москва ; Л. : Земля и фабрика, 1929. 383 с.

славянофила и участника земских преобразований, непосредственно причастного к обсуждению крестьянского вопроса[54]. К документальным сборникам относятся публикация отчетов III Отделения «Россия под надзором»[55], позволяющая реконструировать реакцию властей на ход реформ, а также сборник «Конец крепостничества в России», объединяющий письма, мемуары и статьи непосредственных участников событий[56].

Особого пояснения требует система датировки источников. Все русские периодические издания, нормативно-правовые акты и документы личного происхождения, используемые в диссертации, датированы по юлианскому календарю («старому стилю»), действовавшему в Российской империи на протяжении всего исследуемого периода (1856–1874). Британские источники — публикации "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph" — датированы по григорианскому календарю («новому стилю»), принятому в Великобритании. Разница между двумя системами в XIX веке составляла 12 дней. При цитировании и анализе британской прессы в тексте диссертации даты приводятся в следующем формате: сначала указывается дата по новому стилю, затем в скобках — соответствующая дата по старому стилю, например: 23 Feb. 1860 (11 февраля 1860 г. ст. ст.).

Методология диссертации. Исследование строится на принципах историзма и научной объективности, которые обеспечиваются привлечением периодических изданий разной политической направленности. В работе также применяются историко-типологический, сравнительно-исторический и дискурсивный методы анализа газетных текстов, позволяющие выявить

---

[54] *Кошелев, А.И.* Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы) : с семью приложениями. Берлин : B. Behr's Verlag (E. Bock), 1884. XII, 272, 232 с.

[55] [Б. а.] Россия под надзором : Отчеты III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и Корпуса жандармов. 1827–1869 гг. / сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 848 с.

[56] Конец крепостничества в России : Документы, письма, мемуары, статьи / сост. В.А. Федоров. М. : Изд-во МГУ, 1994. 527 с.

содержательные, риторические и идеологические особенности освещения Великих реформ в русской и английской прессе, а также реконструировать динамику медийных оценок на протяжении исследуемого периода.

Научная новизна исследования

1. Настоящая диссертация вводит в научный оборот корпус источников, остававшихся вне поля зрения исследователей Великих реформ. Если большинство предшествующих работ либо полностью обходило стороной материалы периодической печати 1860–1880-х гг., либо ограничивалось их фрагментарным упоминанием в качестве иллюстративного фона, то в данном исследовании они впервые становятся самостоятельным объектом источниковедческого анализа. Привлечение ранее не анализировавшихся статей «Московских ведомостей», «Санкт-Петербургских ведомостей», "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph" позволяет реконструировать публичный дискурс эпохи реформ в его динамике — от первых дискуссий о крестьянском вопросе до осмысления итогов преобразований в некрологах Александру II. Тем самым исследование восполняет существенную лакуну в изучении механизмов формирования общественного мнения в пореформенной России и открывает перспективу для сравнительного анализа отечественной и западноевропейской рецепции реформаторского курса.

2. Расширение объекта анализа: в отличие от большинства предшествующих работ, предметом сравнительного рассмотрения впервые становится интерпретация русской и британской прессой не только крестьянской реформы, а всего комплекса Великих реформ в их совокупности (земская, судебная, цензурная, военная). Это открывает возможность выявить системные закономерности медийного восприятия комплексной модернизации и проследить, как различные преобразования соотносились друг с другом в публичном дискурсе.

3. Сравнительный подход: последовательное сопоставление русского и английского дискурсов позволяет наглядно показать, как одна и та же

историческая реальность прочитывается через различные национальные, идеологические и политические призмы, углубляя понимание механизмов конструирования исторического знания в периодической печати.

4. Периодизация и динамика: работа прослеживает эволюцию отношения к реформам в прессе обеих стран на протяжении 1856–1874 гг. (с привлечением ретроспективных оценок вплоть до конца XIX века), фиксируя переходы от первоначального воодушевления к критике и от непосредственной оценки практических результатов к осмыслению структурных последствий преобразований.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что оно выводит научные представления о медийном восприятии российских преобразований за рамки отечественного контекста и одновременно обогащает сразу несколько областей гуманитарного знания — историю журналистики и медиа, историю формирования политического дискурса, историю формирования ментальностей и транснациональную историю. Разбор того, как британская пресса освещала крестьянскую, судебную, цензурную, земскую и военную реформы Александра II, позволяет понять, каким образом внешние наблюдатели осмысляли масштабную государственную модернизацию — «революцию сверху» — и какие представления о «прогрессе», «справедливости», «правовом государстве» и «цивилизации» лежали в основе их суждений.

Комплексный охват исследования — обращение не к отдельно взятой реформе, а ко всему пакету преобразований 1860–1870-х гг. — открывает возможность проследить, как тональность и аргументация британской прессы менялись по ходу реформаторского курса: от освобождения крестьян до преобразования армии и цензурного законодательства. Благодаря этому работа воссоздает не статичный «снимок» эпохи, а живую динамику западного общественного мнения в отношении российской модернизации.

В настоящем исследовании применен методологический подход, органично соединяющий инструментарий истории медиа и

транснациональной истории; полученные результаты могут стать ориентиром для последующих исследований того, как иностранная периодическая печать отражала российские события, — применительно к другим историческим периодам и другим национальным прессам (французской, немецкой, американской). Помимо этого, исследование расширяет источниковую базу изучения Великих реформ: если прежние работы опирались преимущественно на российские источники и западную академическую историографию, то здесь на первый план выходит газетный дискурс — оперативная журналистская реакция с ее риторическими стратегиями и идеологическими установками.

Практическая значимость исследования работы обусловлена возможностью применения ее результатов и материалов в нескольких направлениях. Собранная эмпирическая база — систематизированные публикации ведущих британских газет и журналов, посвященные крестьянской, судебной, цензурной, земской и военной реформам, — а также выстроенная на ее основе хронология газетных откликов представляют самостоятельную ценность как источниковый фонд для исследователей, обращающихся к эпохе Великих реформ, русско-британским отношениям и истории зарубежной журналистики.

Выводы диссертации могут быть использованы при разработке учебных курсов по истории русской и зарубежной журналистики XIX века, истории русско-британских культурных и политических отношений, а также спецкурсов, посвященных политическому дискурсу эпохи реформ и международному восприятию России. Фактический материал и аналитические наблюдения работы могут быть полезны при написании научных статей и учебных пособий по проблематике медийного образа России. Хронология и типология британских газетных откликов на отдельные преобразования — от отмены крепостного права до введения всеобщей воинской повинности — может служить справочной основой для

сравнительных исследований: в частности — для сопоставления реакции прессы разных стран на одни и те же российские реформы.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, в каждой из которых — три параграфа, заключения и списка источников и литературы.

Первая глава «Предпосылки Великих реформ» посвящена анализу общественно-политического контекста, в котором формировалась российская и британская пресса эпохи Александра II. В параграфе 1.1 рассматривается русская периодика — прежде всего «Московские ведомости» и «Санкт-Петербургские ведомости» — в период от конца «мрачного семилетия» (1848–1855) до публикации Манифеста 19 февраля 1861 г.: прослеживается постепенное снятие цензурных ограничений, открытие крестьянского вопроса для публичного обсуждения и превращение прессы в арену идейной полемики различных общественных течений. Параграф 1.2 исследует, как английские газеты — "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph" — освещали внутренние преобразования в России сквозь призму итогов Крымской войны, коронационной амнистии 1856 г. и поэтапной подготовки крестьянской реформы; особое внимание уделяется специфике британского дискурса, вписывавшего российские события в общеевропейский контекст модернизации. В параграфе 1.3 проводится сравнительный анализ двух национальных традиций периодики: выявляются принципиальные различия в правовых условиях существования прессы, информационных источниках, преобладающих жанрах, тематическом охвате и интерпретационных рамках, а также фиксируются точки соприкосновения, позволяющие рассматривать русскую и британскую журналистику 1856–1861 гг. как взаимодополняющие призмы восприятия одной и той же исторической эпохи.

Вторая глава «Крестьянская реформа» посвящена сравнительному анализу освещения реформы 1861 г. в русской и британской периодической печати за 1861–1885 гг. В разделе 2.1 на материале «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Московских ведомостей» прослеживается, как два издания,

принципиально различных по редакционной ориентации, от первоначального консенсуса в поддержке Манифеста пришли к непримиримому расхождению в вопросах общинного землевладения, выкупных платежей и пределов земского самоуправления. Раздел 2.2 рассматривает реакцию трех ведущих британских газет — "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph" — каждая из которых осмысляла реформу в собственном регистре: государственно-политическом, нравственно-либеральном и публицистически-драматическом соответственно. В разделе 2.3 проводится сравнение двух национальных полей прессы по четырем параметрам: цензурные условия, источниковая база, ритм внимания и характер адресата. Установлено, что русское поле двигалось от согласия к поляризации, тогда как британское — от расхождения к единому диагнозу «политически незавершенной революции».

Третья глава посвящена анализу корпуса источников — более ста двадцати номеров «Московских ведомостей» и «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1864–1886 гг., а также публикаций "The Times", "The Manchester Guardian", "The Daily Telegraph" о четырех ключевых преобразованиях: земской (Положение 1 января 1864 г.), судебной (Уставы 20 ноября 1864 г.), цензурной (Именной указ 6 апреля 1865 г.) и военной (Устав о воинской повинности 1 января 1874 г.). В разделе 3.1 прослеживается эволюция позиций двух ведущих русских газет по каждой из четырех реформ — от первоначальных откликов до ретроспективных оценок, — при этом особое внимание уделяется жанровому инструментарию изданий: статистической аргументации, сравнительно-правовым экскурсам, полемике с европейской прессой. В разделе 3.2 рассматривается, как британская пресса — через призму собственных представлений о независимости суда, свободе печати и военной модернизации — интерпретировала русские преобразования, фиксируя нараставшее противоречие между либеральной формой реформ и авторитарной природой самодержавия. В разделе 3.3 проводится сравнительный анализ русского и английского прессового дискурса: сопоставляются модели «экспертной публицистики» — «Московские

ведомости» и «общественного мониторинга» — «Санкт-Петербургские ведомости» с позицией внешнего наблюдателя, констатирующего системные противоречия незавершенных преобразований.

Заключение синтезирует результаты анализа, формулирует выводы о различиях и сходствах между русским и английским газетными дискурсами о Великих реформах.

Гипотеза исследования строится на предположении, что пресса в России и Англии, действовавшая в принципиально разных политических, социальных и идеологических условиях, породила два несхожих между собой нарратива о Великих реформах. Российская пресса выстраивала «дискурс легитимации», представляя реформы как исторически верный путь развития страны, необходимый для сохранения государственности и его обновления, невзирая на практические трудности воплощения. Однако этот дискурс не был монолитным: по мере развертывания реформ он поляризовался между государственно-консервативной легитимацией «Московских ведомостей» и либерально-обновленческой легитимацией «Санкт-Петербургских ведомостей», так что общее признание реформ уживалось с расходящимися оценками их пределов: от восхищения смелостью преобразований до упреков в их незавершенности, от апологии государя-реформатора до критики в адрес его чиновников. Таким образом, русское поле двигалось от первоначального согласия к внутреннему расхождению, тогда как британская печать, напротив, эволюционировала от разнобоя оценок к единому диагнозу, — асимметрия, уточняющая исходное противопоставление двух национальных нарративов.

Английская пресса выстраивала «дискурс системной критики», обнажая авторитарную природу «революции сверху», ее половинчатость, недостаточные гарантии прав собственности и нетронутость неограниченной монаршей власти. Вместе с тем британские издания признавали прогрессивный характер самого факта отмены крепостничества, однако усматривали в сохранении самодержавия коренное препятствие для подлинной модернизации России по европейскому образцу.

Оба дискурса, при всей своей полярности, служили действенным механизмом конструирования исторического знания и легитимации — либо делегитимации — государственной политики, воздействуя на восприятие событий современниками и задавая рамки осмысления русской модернизации как внутри самой России, так и в более широком европейском контексте.

Положения, выносимые на защиту:

1. Периодическая печать Российской империи и Великобритании формировала принципиально различные модели восприятия Великих реформ Александра II: русская пресса выстраивала нарратив изнутри реформируемой системы, вынужденно учитывая цензурные ограничения, тогда как английские издания располагали возможностью внешней оценки, однако в значительной мере зависели от информации, заимствованной из русских источников.

2. «Московские ведомости» и «Санкт-Петербургские ведомости», которые были близки к Правительству, последовательно вырабатывали самостоятельные редакционные позиции в отношении хода реформ, нередко впоследствии расходившиеся с правительственной точкой зрения; таким образом отечественная пресса не ограничивалась фиксацией политических событий, но целенаправленно формировала общественное мнение о происходящем.

3. Восприятие Манифеста 19 февраля 1861 г. в русской прессе претерпело характерную эволюцию: от официозных панегириков первых месяцев после его обнародования — к нарастающей критике структурных изъянов реформы, прежде всего малоземелья, выкупных платежей, круговой поруки и положения временнообязанных крестьян.

4. Английская качественная пресса — "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph" — интерпретировала реформы Александра II преимущественно в компаративном ключе, соотнося их с отменой рабства в США и с ирландским аграрным вопросом, что обусловливало специфику английского дискурса и его принципиальное отличие от отечественного медиадискурса.

5. Земская реформа 1864 г., судебные уставы того же года и цензурная реформа 1865 г. воспринимались как русской, так и английской прессой не изолированно, а в контексте взаимообусловленности преобразований; при этом русские издания последовательно ставили вопрос о способности новых институтов компенсировать структурные изъяны освобождения крестьян, тогда как английские акцентировали либерализующий потенциал реформ в целом.

6. Введение всеобщей воинской повинности в 1874 г. зафиксировано в русской прессе как завершение единого реформаторского цикла, что определило особый характер его освещения: реформа анализировалась не сама по себе, но в соотнесении с логикой предшествующих преобразований и степенью реализации их декларированных целей. Британская пресса, напротив, истолковала военную реформу не как внутренний итог реформаторского цикла, а преимущественно сквозь геополитическую призму: введение всеобщей воинской повинности трактовалось прежде всего в качестве угрозы «европейскому равновесию» и британским имперским интересам, что означало принципиальный сдвиг в освещении российских реформ лондонской прессой.

7. Сравнительный анализ русского и английского дискурсов выявляет асимметрию механизмов формирования публичного пространства о реформах: если в условиях российского цензурного режима пресса была вынуждена выражать критику косвенно — через постановку «практических» вопросов реализации, — то английские издания формулировали оценочные суждения открыто, однако нередко упрощали российский контекст вследствие информационной зависимости от собственных корреспондентов и официальных российских сообщений.

8. Эволюция газетных оценок Великих реформ в периодике 1856–1874 гг. — выражавшаяся в смещении тематических акцентов, нарастании критической тональности и сокращении числа публикаций о российских преобразованиях — отражает постепенное исчерпание реформаторского

импульса александровской эпохи: к моменту введения всеобщей воинской повинности консенсус относительно успешности реформ оказался существенно подорван.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования были изложены в ходе обсуждения на заседаниях Кафедры литературной критики Российского государственного гуманитарного университета.

Результаты исследования отражены в 3 научных статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, входящих в Перечень ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации: «Цензура и освещение судебной реформы в английской и русской прессе эпохи Великих реформ Александра II»[57], «Амнистия декабристов 1856 г. в освещении российской и английской газетной прессы»[58], «Крестьянская реформа 1861 г. в освещении российской и английской газетной прессы»[59]. В числе прочих публикаций по теме исследования — статья «Земская реформа 1864 г. в освещении российской и английской газетной прессы»[60].

---

[57] *Бугров, А.Ю.* Цензура и освещение судебной реформы в английской и русской прессе эпохи Великих реформ Александра II // Litera. – 2026. – № 5. – С. 66–77.

[58] *Бугров, А.Ю.* Амнистия декабристов 1856 г. в освещении российской и английской газетной прессы // Litera. – 2025. – № 12. – С. 116–131.

[59] *Бугров, А.Ю.* Крестьянская реформа 1861 г. в освещении российской и английской газетной прессы // Филология: научные исследования. – 2025. – № 12. – С. 303–320.

[60] *Бугров, А.Ю.* Земская реформа 1864 г. в освещении российской и английской газетной прессы // Коммуникология. – 2025. – № 4. – С. 43–56.

ГЛАВА 1. ОБСУЖДЕНИЕ ПРЕДПОСЫЛОК ВЕЛИКИХ РЕФОРМ В ГАЗЕТНОЙ ПРЕССЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В данной главе решаются следующие задачи: описание и анализ интерпретации предпосылок Великих реформ газетной периодикой Российской империи — «Московскими ведомостями» и «Санкт-Петербургскими ведомостями» в политическом контексте России середины 1850-х гг.; описание и анализ интерпретации предпосылок Великих реформ газетной периодикой Великобритании — "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph" в политическом контексте российско-британских отношений середины 1850-х гг.; сравнительный анализ интерпретации предпосылок реформ в русской и английской печати: выявление общих и различных элементов медийного дискурса и выявление факторов, обусловивших эти сходства и различия.

1.1. Предпосылки великих реформ в русской печати

Николаевское царствование завершилось в атмосфере глубокого общественного кризиса. Крымская война (1853–1856) обнажила системные проблемы Российской империи: технологическое отставание от европейских держав, коррупцию в управленческом аппарате, неэффективность крепостнического хозяйства[61]. «Россия показала свою беспомощность, — констатировал историк П. А. Зайончковский, — не только в военном, но и в социально-экономическом отношении»[62]. Поражение в войне стало катализатором понимания необходимости коренных преобразований.

Крепостное право было серьезным экономическим тормозом. Производительность труда крепостных крестьян была крайне низкой,

[61] *Володин, Т.А.*, Юдин, С.С. От Крымской войны к военным реформам: предпосылки реорганизации российской армии, 1856–1862 гг. // Былые годы. – 2023. – Т. 18. – № 3. – С. 1219–1226.

[62] *Зайончковский, П.А.* Отмена крепостного права в России. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Просвещение, 1968. С. 48.

помещичьи хозяйства находились в состоянии упадка. По данным П. А. Зайончковского, к 1859 г. две трети помещичьих имений были заложены в кредитных учреждениях[63]. Крестьянские волнения нарастали с каждым годом: если в 1826–1834 гг. их было зафиксировано 148 случаев, то в 1845–1854 гг. — уже 348[64].

Общественные настроения накануне реформ отличались напряженностью и ожиданием перемен. Дневник цензора А. В. Никитенко воссоздает атмосферу тех лет: «Все понимают, что нынешний порядок вещей не может долго продолжаться... Крепостное право есть пороховой погреб под государством»[65].

Как свидетельствуют донесения офицеров корпуса жандармов и полиции за 1858 г., а также записка, представленная в Секретный комитет на рубеже 1857–1858 гг., крестьяне вкладывали в понятие скорой свободы «безвозмездное наделение их достаточным количеством земли» и были твердо уверены, что должны быть отпущены на волю «со всей землей и прочими угодьями, принадлежащими помещикам[66].

Первым публичным заявлением нового императора о необходимости преобразований стала речь 30 марта 1856 г. перед представителями московского дворянства. Текст выступления сохранился в биографическом исследовании С. С. Татищева — придворного историографа, работавшего с закрытыми архивными фондами; именно это издание традиционно служит источником прямого цитирования речи императора в отечественной историографии. «Я узнал, господа, — сказал Александр II, — что между вами разнеслись слухи о намерении моем уничтожить крепостное право. Лучше

---

[63] Там же. С. 65.

[64] *Федоров, В.А.* Крестьянское движение в России в 1826–1849 гг. // Общественные настроения в России по крестьянскому вопросу накануне реформы 1861 г. – 2013. URL: https://journals.openedition.org/ilcea/1613 (дата обращения: 19.02.2026).

[65] *Никитенко, А.В.* Дневник : в 3 т. Т. 1. М. : Гослитиздат, 1955. С. 487.

[66] Конец крепостничества в России : Документы, письма, мемуары, статьи / сост. В.А. Федоров. М. : Изд-во МГУ, 1994. 527 с.

отменить крепостное право сверху, нежели дождаться того времени, когда оно само собою начнет отменяться снизу»[67]. Эти слова разнеслись по всей России и ознаменовали начало предреформенного периода.

Цензурная политика Николая I достигла апогея жесткости в последние годы его правления. После европейских революций 1848–1849 гг. в России был учрежден Бутурлинский комитет (2 апреля 1848 г.) — особый орган «высшего надзора» за печатью. «Цензура душила всякое живое слово, — отмечал Никитенко в дневниковой записи от 12 мая 1848 г., — превращая литературу в мертвечину»[68].

Современники называли 1848–1855 гг. «мрачным семилетием» русской печати. Журналы лишались права обсуждать общественные вопросы. По свидетельству барона М. А. Корфа, члена, а впоследствии председателя Бутурлинского комитета, цензура преследовала «не только явное, но и все то, в чем можно предполагать какой-либо вредный намек, какую-либо скрытую мысль»[69]. В результате деятельности комитета были закрыты журналы, резко сократилось количество изданий[70].

А. И. Герцен в «Колоколе» так охарактеризовал это время: «Николаевщина создала систему, при которой думать стало преступлением, а говорить — подвигом»[71]. В период «сильнейшего припадка цензурной

---

[67] Цит. по: *Татищев, С.С.* Император Александр II, его жизнь и царствование : в 2 т. СПб. : А.С. Суворин, 1903. Т. 1. С. 290–291.

[68] См.: *Никитенко, А.В.* Дневник : в 3 т. Т. 2 : 1858–1865. М. : Гослитиздат, 1955. 344 с.

[69] *Западов, А.В.* (ред.) История русской журналистики XVIII–XIX веков. М. : Высшая школа, 1973. С. 296–312; *Лемке, М.К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб. : тип. М. Меркушева, 1904. С. 234–235.

[70] *Лемке, М.К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб. : тип. М.В. Пирожкова, 1904; *Патрушева, Н.Г.* Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX — начале XX века. СПб. : Северная звезда, 2013. 620 с.; *Balmuth, D.* The Origins of the Tsarist Epoch of Censorship Terror // American Slavic and East European Review. – 1960. – Vol. 19, no. 4. – P. 497–520.

[71] *Герцен, А.И.* Через три года // Колокол. – 1858. – № 21 (1 июля). Цит. по: *Герцен, А.И.* Собрание сочинений : в 30 т. – Т. 13 : Статьи из «Колокола» и другие произведения 1857–1858 годов. М. : Гослитиздат, 1958. – С. 49.

болезни», начавшегося в 1848 году, в России была учреждена специальная военная «осадная цензура», состоявшая из генералов и монахов. Она запрещала печатать «что бы то ни было», написанное Герценом, и накладывала вето на любые обсуждения крепостного состояния, телесных наказаний и рекрутских наборов. Эти гонения убедили писателя в том, что «русским пора печатать вне России», так как военно-судная цензура сделала невозможным выражение любой живой мысли[72].

История русской журналистики XVIII–XIX веков свидетельствует, что в николаевскую эпоху «печать была поставлена в условия, исключавшие возможность ее участия в общественной жизни». Издатели и редакторы вынуждены были ограничиваться публикациями развлекательного характера, переводами иностранных романов, научными статьями — всем, что не затрагивало острых вопросов современности.

Со смертью Николая I 18 февраля 1855 г. началась постепенная либерализация общественной жизни[73]. Одним из первых актов нового императора стало упразднение Бутурлинского комитета 6 декабря 1855 г. Это решение создало условия для расцвета русской журналистики. Если в 1855 г. в России издавалось около 130 периодических изданий, то к 1860 г. их число возросло до 230.

Особое значение имело решение правительства от 16 января 1858 г.[74], впервые официально разрешившее обсуждение в печати крестьянского вопроса. Циркуляр министра народного просвещения А.С.Норова гласил: «Государь Император Высочайше повелеть соизволил допустить в

---

[72] *Герцен, А.И.* С того берега // *Герцен, А.И.* Собрание сочинений : в 30 т. Т. 6 : С того берега. Статьи. Долг прежде всего. – 1847–1851. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. – С. 374.

[73] *Макушин, Л.М.* Цензурная программа П.А. Вяземского и первые шаги к гласности (1855–1858) // Известия Уральского государственного университета. Серия 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2007. – Т. 52, № 22. – С. 196–210.

[74] *Макушин, Л.М.* Цензурная программа П.А. Вяземского и первые шаги к гласности (1855–1858) // Известия Уральского государственного университета. Серия 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2007. – Т. 52, № 22. – С. 196–210.

периодических изданиях и в особо печатаемых сочинениях обсуждение предположений об улучшении быта помещичьих крестьян»[75]. Впервые за 30 лет русская пресса получила право голоса по ключевому вопросу национальной повестки.

В самой России возобновили активную деятельность «Современник» Н. А. Некрасова, «Отечественные записки» и «Русский вестник» Как показывает Ч. Руд, именно в период 1855–1863 гг. российская пресса впервые обрела положение реальной общественной силы: цензурные послабления позволили периодическим изданиям выйти за рамки литературной жизни и стать полноправными участниками публичной дискуссии.[76] М. К. Лемке фиксирует, что журналы превратились в главную площадку для обсуждения проектов реформ: на их страницах публиковались материалы о положении крестьян, полемика по экономическим вопросам и правовые проекты, выходившие за пределы дозволенного в предшествующее десятилетие.[77]

Важнейшим фактором либерализации стало изменение правительственной установки. Александр II понимал, что без поддержки общественного мнения провести масштабные преобразования невозможно. Как отмечала В.Г.Чернуха, «власть впервые сознательно использовала прессу в качестве союзника реформ»[78]. Правительство не только разрешило, но фактически поощряло обсуждение крестьянского вопроса, рассчитывая на формирование консенсуса между властью и образованным обществом.

Амнистия декабристам, объявленная коронационным манифестом Александра II 26 августа 1856 г., традиционно трактуется в историографии как

---

[75] Высочайшее повеление, объявленное Государственным секретарем. Распоряжение 16 января 1858 года. (Дело 1858 г., № 4.) // Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб. : тип. Морского министерства, 1862. С. 428.

[76] *Ruud, Ch.A.* Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804–1906. Toronto : University of Toronto Press, 1982. P. 87–102.

[77] *Лемке, М.К.* Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб. : тип. «Герольд», 1904. С. 1–25.

[78] *Чернуха, В.Г.* Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е годы XIX века. Л. : Наука, 1989. С. 34.

важнейший символический акт, открывший новую эпоху в отношениях власти и общества.[79] Между тем, как показывает А. Г. Готовцева, общественный резонанс этого события оказался значительно скромнее, чем принято считать: сообщение об амнистии воспринималось современниками неотъемлемой частью коронационных торжеств, а не как самостоятельное политическое событие.[80] «Санкт-Петербургские ведомости» в номере от 28 августа 1856 г. писали: «Три слова и слышатся только в манифесте: отменить, возвратить, простить. Слово милости звучит в нем, как Божья благодать».[81]

«Московские ведомости» откликнулись на коронацию передовой статьей, подчеркивавшей масштаб царской милости: «В день священного коронования Государь явил милосердие, которого Россия ждала тридцать лет. Прощение декабристам — это не только акт справедливости, но и начало нового царствования»[82]. Редактор газеты В. Ф. Корш видел в амнистии знак будущих преобразований.

Английская пресса также уделила внимание этому событию, хотя и в ином ключе. Редакция "The Times" в номере от 15 сентября 1856 г. (3 сентября 1856 г. ст. ст.) отмечала: «Новый русский император начинает свое правление жестом милосердия к политическим преступникам. Возможно, это предвестие более широких реформ, в которых так нуждается Россия»[83].

---

[79] *Киянская, О.И.* Религиозно-политические нарративы декабристов (историко-культурологический аспект) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2025. – № 9. – С. 39–55. См. также: *Киянская, О.И.* Декабристы. Пленники свободы. М. : Молодая гвардия, 2023. 384 с.; *Киянская, О.И.* «Суд сей окончить в 24 часа». Полтавский пехотный полк после восстания декабристов // Россия и современный мир. – 2024. – № 2 (123). – С. 7–24.

[80] *Готовцева, А.Г.* «Словом милости как Божьей благодатью» : амнистия декабристам в российской периодической печати и общественном сознании // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2016. – № 4 (13). – С. 9–23.

[81] Цит. по: *Готовцева, А.Г.* «Словом милости как Божьей благодатью»: амнистия декабристам в российской периодической печати и общественном сознании // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2016. – № 4 (13). – С. 152.

[82] *Корш, В.Ф.* Столетие «Московских ведомостей» (1756–1856). М. : Университетская типография, 1857. С. 234.

[83] [W. a.] The Coronation of the Emperor // The Times. – 1856, 15 Sept. (3 сентября 1856 г. ст. ст.)

В одной из публикаций по теме данной диссертации отмечалось, что «британская пресса воспринимала помилование декабристов через призму геополитических интересов — как индикатор возможной либерализации российского режима после Крымской войны»[84].

Сравнение откликов российской и английской прессы показывает различие в восприятии события. Если русские газеты акцентировали внимание на личной милости монарха и торжестве справедливости, то британские издания оценивали помилование прагматически — как политический шаг, призванный укрепить позиции нового императора и подготовить почву для реформ[85].

Важно отметить, что помилование декабристов совпало с окончанием Крымской войны и началом подготовки крестьянской реформы. В общественном сознании эти события слились в единый комплекс: завершение николаевской эпохи, поражение в войне, надежды на обновление. «Россия вздохнула свободнее, — писал современник, — словно после долгой болезни началось выздоровление»[86].

20 ноября 1857 г. Александр II подписал рескрипт на имя виленского генерал-губернатора В. И. Назимова — первый официальный документ, положивший начало подготовке отмены крепостного права. Опубликование рескрипта 24 декабря 1857 г. означало переход к гласному обсуждению крестьянского вопроса[87]. Программа правительства предусматривала уничтожение личной зависимости крестьян при сохранении всей земли в собственности помещиков и предоставление крестьянам права выкупа усадеб.

---

[84] *Бугров, А.Ю.* Амнистия декабристов 1856 г. в освещении российской и английской газетной прессы // Litera. – 2025. – № 12. – С. 116–131.

[85] Там же.

[86] *Никитенко, А.В.* Дневник : в 3 т. Т. 2 : 1858–1865 / подгот. текста и примеч. И.Я. Айзенштока. М. : Гослитиздат, 1955. С. 15.

[87] [Б. а.] Высочайший рескрипт Виленскому военному, гродненскому и ковенскому генерал-губернатору // Санкт-Петербургские ведомости. – 1857, 17 дек.

Русская пресса восприняла рескрипт как сигнал к началу масштабных преобразований. «Санкт-Петербургские ведомости» в декабре 1858 г. публиковали материалы, разъясняющие «истинный смысл царских рескриптов, цель комитетов», с тем чтобы читатели «не увлекались толкованиями людей несведущих»[88]. Газета заняла позицию официального разъяснителя правительственной линии.

С начала 1858 г. в России развернулась широкая общественная дискуссия о принципах будущей реформы. Правительство с января 1858 по февраль 1859 г. разослало в цензурные комитеты 10 секретных распоряжений, строго регламентировавших рамки дозволенного обсуждения. Несмотря на эти ограничения, журналистика впервые получила возможность влиять на формирование государственной политики.[89]

Наиболее острые дебаты развернулись вокруг вопроса о земле. Либеральное направление, представленное «Русским вестником», «Санкт-Петербургскими ведомостями», «Московскими ведомостями» (до 1863 г.), выступало за предоставление крестьянам не только усадебной, но и полевой земли в собственность с последующим выкупом. Эта позиция противоречила первоначальной правительственной программе, предлагавшей лишь право выкупа усадьбы[90].

Даже в условиях относительной гласности власть жестко контролировала границы дозволенного.

Различные направления русской прессы, включая неподцензурную эмигрантскую прессу, заняли четкие позиции по крестьянскому вопросу, что можно представить в следующей таблице:

---

[88] [Б. а.] Телеграммы из губерний о всенародном ликовании (продолжение) // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 7 марта.

[89] *Патрушева, Н.Г.* Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX — начале XX века. СПб. : Северная звезда, 2013. С. 74.

[90] *Перевалова, Е.В.* Журнал М.Н. Каткова «Русский вестник» в первые годы издания : дис. … канд. филол. наук. М., 1998. С. 97; *Кошелев, А.И.* Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы) : с семью приложениями. Берлин : B. Behr's Verlag (E. Bock), 1884. XII, 272, 232 с. С. 97.

Таблица 1. Позиции ведущих периодических изданий России по крестьянскому вопросу (1857–1861 гг.)

Издание	Направление	Позиция по крестьянскому вопросу
«Московские ведомости» (до 1863)	Умерено-либеральное	За выкуп усадьбы и полевого надела
«Санкт-Петербургские ведомости»	Официально-лояльное	Поддержка антикрепостнической реформы
«Русский вестник» М. Н. Каткова	Умеренно-либеральное	За постепенное освобождение с землей
«Современник» Н. А. Некрасова	Радикально-демократическое	За безвозмездную передачу земли крестьянам
«Колокол» А. И. Герцена (Лондон)	Революционно-демократическое	Против выкупа, за общинное землевладение

Таким образом, в период подготовки реформы русская пресса превратилась в арену идейной борьбы различных общественных течений. Власть, стремясь сохранить контроль над процессом, тем не менее была вынуждена считаться с общественным мнением, формируемым журналистикой.

«Московские ведомости», основанные еще в 1756 г., в период подготовки Великих реформ переживали период расцвета. С 1850 г. газета издавалась Московским университетом под редакцией В. Ф. Корша, который придал изданию либерально-западническую направленность[91]. В 1856 г. к столетию газеты Корш издал юбилейный труд «Столетие Московских ведомостей (1756–1856)», где подчеркивалась особая роль издания в истории российской журналистики.

В период 1857–1861 гг. «Московские ведомости» активно участвовали в обсуждении крестьянского вопроса. Редакция выступала за предоставление крестьянам не только личной свободы, но и земельного надела. Эта позиция

[91] *Корш, В.Ф.* Столетие «Московских ведомостей» (1756–1856). М. : В Университетской тип., 1857. 156 с. С. 145.

расходилась с первоначальной правительственной программой и свидетельствовала о независимости издания.

Катков, вошедший в редакцию в конце 1850-х гг., поначалу разделял либеральные взгляды [92].

Однако после Польского восстания 1863 г. позиция газеты резко изменилась. Катков, ставший главным редактором, превратил «Московские ведомости» в рупор консервативно-охранительного направления, что кардинально отличалось от либеральной линии предреформенных лет. Эта трансформация свидетельствует о сложности идейных исканий русской интеллигенции в эпоху Великих реформ.

Важно отметить, что в период 1857–1861 гг. «Московские ведомости» вели полемику с другими изданиями по вопросам реформы. В газете критиковалось консервативное дворянство, сопротивлявшееся преобразованиям, и поддерживался правительственный курс на освобождение крестьян. «Дворянство должно понять, — писала редакция, — что сохранение крепостного права невозможно и опасно»[93].

«Санкт-Петербургские ведомости», старейшая русская газета (издавалась с 1728 г.), в предреформенный период относились к умеренно-либерально-западническому направлению[94]. Наряду с «Голосом», «Сыном Отечества» и «Биржевыми ведомостями», издание представляло умеренно-либеральную позицию по вопросам реформ.

Редакция газеты активно освещала подготовку крестьянской реформы, публикуя разъяснения правительственных распоряжений и обзоры работы губернских комитетов. В декабре 1858 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях»

---

[92] Цит. по: *Зайончковский, П.А.* Отмена крепостного права в России. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Просвещение, 1968. С. 178.

[93] [Б. а.] Передовая статья о крестьянском вопросе // Московские ведомости. – 1858, 18 апр.

[94] *Чеботарев, А.М.* (2006). Значение газеты «Санкт-Петербургские ведомости» в информационно-просветительной деятельности XVIII века в России. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, (17 (72)), 123-126.

разъясняли читателям «истинный смысл царских рескриптов», стремясь противодействовать слухам и искаженным толкованиям[95].

Умеренно-либеральная позиция газеты вызывала противодействие цензуры. В период 1860–1870-х гг. «Санкт-Петербургские ведомости» подвергались цензурным преследованиям чаще других изданий: розничная продажа газеты запрещалась 9 раз. Систематические запреты свидетельствуют о редакционной самостоятельности издания и его готовности расходиться с официальным курсом.

Накануне обнародования Манифеста 19 февраля 1861 г. петербургские газеты отражали напряженную атмосферу ожидания. Никитенко в дневнике записывал: «Умы в сильном ожидании по случаю крестьянского дела. Все ожидали манифеста о свободе 19-го числа. Потом начали ходить слухи, что он на время отлагается. В народе возбудилась мысль, что его обманывают... Это странное объявление приводит в раздражение умы»[96]. «Санкт-Петербургские ведомости» вместе с другими столичными газетами были полны «намеков и соображений относительно наступающих реформ»[97].

После обнародования Манифеста «Санкт-Петербургские ведомости» заняли умеренную позицию, поддержав правительственный курс, но указывая на необходимость дальнейших преобразований. Газета сохранила умеренно-либеральную ориентацию и в последующие годы, выступая за продолжение реформ в области суда, образования и местного самоуправления.

Публикация рескрипта Назимову 24 декабря 1857 г. стала поворотным моментом в истории подготовки крестьянской реформы. Впервые правительство официально признало необходимость отмены крепостного права и пригласило общество к обсуждению этого вопроса. «Опубликование

---

[95] [Б. а.] Петербургская летопись // Санкт-Петербургские ведомости. – 1858, 9 дек.

[96] *Никитенко, А.В.* Дневник : в 3 т. Т. 2 : 1858–1865 / подгот. текста и примеч. И.Я. Айзенштока. М. : Гослитиздат, 1955. С. 189.

[97] Цит. по: *Зайончковский, П.А.* Отмена крепостного права в России. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Просвещение, 1968. С. 201.

рескрипта означало переход к гласному обсуждению вопроса об отмене крепостного права», — отмечают историки[98].

Александр II предпринял этот шаг с большой осторожностью. Сразу после подписания рескрипта, в течение ночи, документ был отпечатан и на рассвете разослан по губерниям.

Кошелев, представитель славянофильского направления, так описывал обстановку после публикации рескрипта: «Государь показал смелость, высказав мысль о необходимости освобождения. Но тут же начались попытки замолчать, исказить, выхолостить суть реформы. Цензура продолжала душить всякое свободное обсуждение»[99]. Действительно, правительство, разрешив обсуждение крестьянского вопроса, одновременно установило жесткие рамки дозволенного.

На протяжении 1858–1859 гг. по всей стране открывались губернские дворянские комитеты, призванные разработать проекты реформы. Их деятельность регулярно освещалась в прессе — пусть и в строгих цензурных рамках. «Московские ведомости» и «Санкт-Петербургские ведомости» из номера в номер сообщали о заседаниях комитетов, пересказывали ход дискуссий и знакомили читателей с различными проектами.

Одним из ключевых предметов общественного обсуждения стала полемика о характере будущих преобразований. Консервативное большинство помещиков склонялось к минимальным уступкам: личная свобода крестьян при неизменном сохранении помещичьей власти и земельной монополии. Либеральное меньшинство настаивало на наделении крестьян землей с правом выкупа. Радикальное крыло, выразителями которого выступали

---

[98] Рескрипт Александра II виленскому, гродненскому и ковенскому военному генерал-губернатору В.И. Назимову от 20 ноября 1857 г. // Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости. СПб., 1861. Т. 1. С. 1–4.

[99] См. *Кошелев, А.И.* Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы) : с семью приложениями. Берлин : B. Behr's Verlag (E. Bock), 1884. С. 99.

«Современник» и «Колокол», добивалось безвозмездной передачи всей земли крестьянским общинам.

Красноречивым свидетельством атмосферы тех лет служит отчет III Отделения за 1858 г., представленный Александру II: «Первые Высочайшие рескрипты об изменении крестьянского быта произвели грустное и тревожное впечатление» в среде поместного дворянства. Эта оценка наглядно передает, сколь болезненно консервативная часть общества встретила первые шаги к реформе[100].

19 февраля 1861 г. Александр II подписал Манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» и Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, состоявшее из 17 законодательных актов. Манифест был опубликован 5 марта 1861 г., что положило конец крепостному праву в России. [101]. Эта отсрочка была вызвана опасениями правительства относительно возможных беспорядков.

«Московские ведомости» 7 марта 1861 г. опубликовали сообщение о начле распространения документов реформы. Катков, редактор газеты, выразил общее настроение словами: «Великое событие возглашено величественным царским словом»[102]. М. П. Погодин, историк и публицист, назвал день публикации Манифеста «Александровым днем» — в знак благодарности императору-освободителю[103].

«Санкт-Петербургские ведомости» и другие столичные газеты в конце февраля 1861 г. были полны «намеков и соображений относительно

---

[100] Цит. По: Россия под надзором: Отчеты III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и Корпуса жандармов. 1827–1869 гг. / сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М. : Новое литературное обозрение, 2006. С. 475.

[101] См. *Никитенко, А.В.* Дневник : в 3 т. Т. 2 : 1858–1865 / подгот. текста и примеч. И.Я. Айзенштока. М. : Гослитиздат, 1955. С. 189.

[102] См. *Зайончковский, П.А.* Отмена крепостного права в России. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Просвещение, 1968. С. 178.

[103] Там же.

наступающих реформ»[104]. Цензура запрещала прямое обсуждение содержания готовящегося Манифеста, но атмосфера ожидания была столь напряженной, что газеты находили обходные пути для информирования читателей.

Обнародование Манифеста вызвало неоднозначную реакцию в обществе. Либеральная интеллигенция приветствовала освобождение крестьян, но критиковала условия реформы — высокие выкупные платежи и временнообязанное состояние. Ф. М. Достоевский писал: «Весь этот мерзостный грех наш упразднился разом по великому слову Освободителя»[105]. Некрасов в стихотворении «Свобода» выразил более сдержанное отношение: «Родина мать! по равнинам твоим / Я не езжал еще с чувством таким! / Вижу дитя на руках у родимой, / Сердце волнуется думой любимой: / В добрую пору дитя родилось, / Милостив бог! не узнаешь ты слез! / С детства никем не запуган, свободен, / Выберешь дело, к которому годен; / Хочешь — останешься век мужиком, / Сможешь — под небо взовьешься орлом! / В этих фантазиях много ошибок: / Ум человеческий тонок и гибок, / Знаю, на место сетей крепостных / Люди придумали много иных, / Так!.. но распутать их легче народу. / Муза! с надеждой приветствуй свободу»[106].

Крестьянство встретило реформу с разочарованием. Крестьяне ожидали полной «воли» — безвозмездной передачи земли и освобождения от повинностей. Вместо этого они получили ограниченные наделы, за которые нужно было платить выкуп, и временнообязанное состояние на неопределенный срок. В 1861 г. произошло более 1000 крестьянских волнений, подавленных военной силой[107].

Своеобразным явлением 1860-х гг. стала передача казенных газет в частные руки: два крупнейших органа — «Санкт-Петербургские ведомости» и

---

[104] Там же.

[105] См. *Достоевский, Ф.М.* Ряд статей о русской литературе // Время. – 1861. – № 1. – С. 1–24.

[106] *Некрасов, Н.А.* Свобода // Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л. : Наука, 1981. Т. 2. С. 127.

[107] См. *Зайончковский, П.А.* Отмена крепостного права в России. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Просвещение, 1968. С. 215.

«Московские ведомости», издаваемые соответственно Академией наук и Московским университетом, были сданы в аренду. Эти газеты были одними из самых многотиражных к началу 1860-х гг. и пользовались определенными привилегиями как официальные издания, основной из которых было исключительное (до 1865 г.) право печати частных объявлений и обязательное помещение казенных. Из-за особого статуса газет и определенной отлаженности издательских процессов и распространения подписки с арендаторов «Ведомостей» снималась часть практических насущных проблем. Им не нужно было организовывать собственную типографию, что требовало значительных финансовых вложений, не надо было получать различные разрешения (на публикацию информации о судебных процессах, на печать новостей о членах императорской фамилии, на размещение афиш театров и проч.) Однако перед ними возникали другие — не характерные для в полном смысле этого слова частных газетных предприятий — проблемы.

Предреформенное десятилетие (1855–1861) обернулось временем подлинного пробуждения русской журналистики. Пресса впервые за долгие годы получила возможность участвовать в обсуждении важнейших государственных вопросов. Цензурные ограничения никуда не делись, однако сам факт открытой публичной дискуссии о крепостном праве был беспрецедентным. «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости» — каждое из этих изданий по-своему участвовало в формировании общественного мнения о необходимости и характере реформ.

Пресса взяла на себя роль посредника между властью и обществом. Правительство прибегало к газетам для разъяснения своих намерений, общество — для выражения своих чаяний. Эта функция была для России принципиально новой и заложила почву для дальнейшего становления журналистики как общественного института.

Вместе с тем опыт предреформенных лет обнажил пределы гласности в условиях самодержавия. Цензура по-прежнему жестко очерчивала границы дозволенного, пресекала радикальную критику и преследовала издания за

«вредное направление». Многие публицисты — от Герцена до Чернышевского — вели свою деятельность в условиях цензурных ограничений.

Тем не менее предреформенный период составил важную страницу в истории русской журналистики. Печать впервые ощутила себя общественной силой, способной воздействовать на государственную политику. Этот опыт не прошел даром: в последующие десятилетия пресса превратилась в арену столкновения различных политических течений и стала одним из главных факторов общественной жизни России.

1.2. Предпосылки великих реформ в английской печати

Начало царствования Александра II совпало по времени с двумя сюжетами, которые западная пресса воспринимала как взаимосвязанные: поражение России в Крымской войне[108] и поворот к политике «милосердия и реформ» внутри империи[109]. Объявленное в Коронационном манифесте 26 августа 1856 г. помилование участникам восстания 14 декабря 1825 г. стало первым крупным сигналом для европейских наблюдателей, что новый монарх намерен дистанцироваться от жесткого курса Николая I и формировать образ просвещенного реформатора в глазах Европы[110].

Анализ материалов «Московских ведомостей» показывает, что российская печать конструировала образ помилования исключительно как акт монаршего «сердечного милосердия». В официальном дискурсе отсутствовала тема «прав» или «справедливости» по отношению к бывшим мятежникам. Акцент делался на сакральном характере коронации: именно она создавала

---

[108] См. *Шаруда, А.А.* Крымская война в российской историографии. Предпосылки, повод, итоги. Анализ причин поражения Российской империи / А.А. Шаруда, В.В. Ярмонова, Е.Б. Хабибулина // Инновационная наука. – 2021. – № 3. – С. 53–58.

[109] *Бугров, А.Ю.* Амнистия декабристов 1856 г. в освещении российской и английской газетной прессы // Litera. – 2025. – № 12. – С. 116–131.

[110] Манифест 26 августа 1856 г. об амнистии политическим ссыльным // Московские ведомости. – 1856, 28 авг.

символическое основание для помилования осужденных (согласно пункту XV Манифеста от 26 августа 1856 г.) и объявляла «раскаяние» и «безукоризненное поведение», что подчеркивало патерналистский характер отношений между царем и подданными. Пресса формировала нарратив «возвращения блудных сыновей», где фигура Александра II представала в роли милосердного отца, дарующего прощение оступившимся, но не оправдания политических идей декабризма.

Успех в войне способствовал закреплению в британском обществе представления о ее национальном превосходстве. В то же время смена политического курса в России стала предметом активного обсуждения в Великобритании. Раннее и лаконичное отражение этого нашло место в заметке лондонской газеты "The Manchester Guardian" от 12 сентября 1856 г. (31 августа 1856 г. ст. ст.): «Санкт-петербуржское бюро, в депеше сообщается, что Император издал манифест по случаю своей коронации. … Амнистия распространяется на лиц, участвовавших в событиях 1825, 1827 и 1831 г. Конфискация их имущества, однако, будет сохранена…»[111]. Таким образом, в британской газете фиксировалось, что манифест охватывал несколько категорий политических осужденных: участников декабристского восстания 14 декабря 1825 г., членов «Общества военных друзей» — тайной офицерской организации в западных губерниях, раскрытой в 1827 г., — а также участников польского восстания 1830–1831 гг.[112]

Итак, уже к 1856 г. в британской прессе складывается устойчивый подход к оценке действий Александра II: гуманитарные жесты монарха

---

[111] [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1856, 12 Sept. (31 августа 1856 г. ст. ст.)

[112] Орлова Н. К. Тайные революционные организации в Литве и Белоруссии первой четверти XIX века. Общество военных друзей : дис. … канд. ист. наук. — М., 1984. — URL: https://www.dissercat.com/content/tainye-revolyutsionnye-organizatsii-v-litve-i-belorussii-pervoi-chetverti-xix-veka-obshchest. — Дата обращения: 17.03.– 2026.; [1] Курбатов Ю. И. Польское восстание 1830–1831 гг. в освещении русской дореволюционной историографии : дис. … канд. ист. наук : 07.00.09. — М., 1984. — 173 с. — URL: https://www.dissercat.com/content/polskoe-vosstanie-1830-1831-gg-v-osveshchenii-russkoi-dorevolyutsionnoi-istoriografii. — Дата обращения: 17.03.– 2026.

рассматриваются прежде всего сквозь призму их социально-экономического содержания и юридической продуманности. Восприятие помилования декабристов как полумеры, не доведенной до логического конца, задает тон всему последующему обсуждению ключевых преобразований — и прежде всего крестьянской реформы[113].

Параллельным — и не менее показательным — испытанием для образа Александра II как реформатора стала его польская политика.

Отдельным сюжетом для английской прессы стала политика помилования, проводимая Александром II в отношении польских эмигрантов и сибирских ссыльных. Уже осенью 1856 г., в рамках коронационных торжеств, новый император объявил о прощении участников польского восстания 1830–1831 гг., разрешив политическим изгнанникам вернуться на родину — мере, которой Николай I никогда бы не допустил. "The Manchester Guardian" публиковали подробные отчеты об этих шагах Петербурга[114].

Однако иллюзии британской прессы относительно либерализации курса в Царстве Польском начали стремительно рассеиваться к началу 1860-х гг. Рубежным сюжетом, широко освещавшимся лондонскими газетами, стала судьба графа Анджея Замойского — неформального лидера польских умеренных консерваторов и основателя Земледельческого общества[115]. Английские обозреватели прекрасно понимали, что Замойский не был радикальным революционером; он представлял ту часть местной аристократии, которая стремилась к мирному, легальному развитию нации в рамках лояльности империи[116].

---

[113] *Щербакова, И.К.* Реформы Александра II и контрреформы Александра III: прерванная нить // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2022. – Т. 12, № 5(86). – С. 1577–1584.

[114] [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1856, 12 Sept. (31 августа 1856 г. ст. ст.)

[115] A Concise History of Poland. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. Ch. 4 : Challenging the Partitions, 1795–1864. P. 109–148.

[116] *Bartyś, J.* English and Scottish Farmers in Poland in the First Half of the Nineteenth Century // Agricultural History Review. – 1967. – Vol. 15, no. 2. – P. 88–102.

Тем не менее осенью 1862 г. лондонская печать с тревогой сообщила о его внезапном вызове к императору в Петербург и последующей высылке за границу. Для британской общественности эта расправа над умеренным политиком стала не просто частным инцидентом, а ясным политическим сигналом: самодержавие Александра II, несмотря на весь фасад реформ, органически не способно к диалогу и не готово мириться даже с самой мирной формой общественной самоорганизации. В статьях осени 1862 г. высылка Замойского трактовалась английскими изданиями как роковой шаг Петербурга, окончательно уничтоживший надежды на компромисс и сделавший открытый польский бунт практически неизбежным[117].

Крымская война превратилась для британского общественного мнения в главный фильтр, сквозь который воспринималась Россия середины XIX века[118].

Лондонская печать (в частности, "The Times") еще в годы Крымской войны, публикуя передовицы о «состоянии континента», характеризовала российский строй как организацию, в сущности, феодальную[119]. Британские обозреватели указывали, что военная машина империи, опирающаяся на принудительный труд бесправных крепостных, не выдержит столкновения со свободными нациями. Это понимание стало для английской прессы точкой отсчета при осмыслении необходимости реформ: если Россия намерена удержать статус великой державы, ей предстоит демонтировать саму крепостническую систему.

---

[117] [W. a.] Russia // The Times. – 1862, 8 Oct. (26 сентября 1862 г. ст. ст.); [W. a.] Poland // The Daily Telegraph. – 1862, 23 Oct. (11 октября 1862 г. ст. ст.)

[118] *Завгородний, Т.А.* Крымская война и ее итоги как проявление кризиса Венской системы международных отношений // Чтения памяти профессора Александра Александровича Сидоренко. – 2023. – № 10. – С. 52–64.; *Алилуева, Н.А.* Итоги и последствия для Российской империи по окончании Крымской войны 1853–1856 гг. // Гуманитарные науки на службе развития сельского хозяйства и АПК : материалы национальной научно-практической конференции, Воронеж, 10 ноября 2021 года. Воронеж : Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 2021. – С. 3–7.

[119] [W. a.] [The State of the Continent...] // The Times. – 1854, 28 March. (16 марта 1854 г. ст. ст.)

После заключения Парижского мира в 1856 г. тональность оценок меняется, но ключевые акценты сохраняются. Опираясь на донесения из Петербурга (регулярно публиковавшиеся под заголовками «Иностранная информация» — "Foreign intelligence"), "The Times" констатировала, что империя вышла из войны, ослабленной внешне, но сохранившей свой внутренний деспотический фундамент[120].

В газетах указывалось на нетронутые «полицию и цензуру в России» ("Police and censorship in Russia") как на корень проблемы[121]. Обозреватели отмечали, что Александр II, унаследовав тяжелое бремя политики своего отца, вынужден либо срочно принять необходимость глубоких внутренних реформ, либо готовиться к нарастанию социального недовольства. В этом тезисе проявилась главная рамка британской интерпретации: либеральные преобразования рассматривались Лондоном не как акт монаршей милости, а как вынужденное средство предотвращения новой революционной ситуации.

Схожую линию развивает и "The Manchester Guardian". В регулярных обзорах о положении империи после подписания Парижского мира, публиковавшихся в специальной рубрике «Россия», коронационные торжества Александра II прямо связывались с надеждой на долгожданные «внутренние улучшения»[122]. Либеральная редакция подчеркивала, что новый император будет вынужден сосредоточиться на развитии страны, чтобы восстановить ее силы. При этом британские обозреватели с живым интересом отмечали, что в высших правительственных кругах Петербурга начинается открытое обсуждение планов переустройства, и прежде всего — «великого вопроса об освобождении»[123]. В газете констатировалось, что само намерение правительства даровать свободу миллионам крепостных знаменует собой

---

[120] [W. a.] Foreign Intelligence. Russia // The Times. – 1856, 23 April. (11 апреля 1856 г. ст. ст.)

[121] [W. a.] Police and Censorship in Russia // The Times. – 1856, 18 Oct. (6 октября 1856 г. ст. ст.)

[122] [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1856, 12 Sept. (31 августа 1856 г. ст. ст.)

[123] [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1858, 12 Nov. (31 октября 1858 г. ст. ст.)

«новую эру» в истории империи, открывая дорогу к системной модернизации самодержавия.

Консервативная "The Morning Post" ставила иные акценты. Издание не требовало от России немедленной политической либерализации, а обращало внимание на то, что империя, несмотря на истощение после войны, быстро восстанавливает свою грозную мощь[124].

В донесениях из Петербурга, публиковавшихся в октябре 1856 г., констатировалось, что правительство Александра II уже проводит «весьма разумную реорганизацию», которая парадоксальным образом дает русской военной машине «ту эффективную силу, которой она никогда ранее не обладала». Таким образом, консервативная печать приходила к сопоставимому выводу: главная цель грядущих внутренних преобразований заключается прежде всего не в торжестве гражданских свобод, а в повышении административной эффективности и наращивании реальной мощи государства[125].

Эти оценки демонстрируют важный концептуальный переход: Россия из образа исключительно репрессивной и «варварской» державы николаевской эпохи постепенно превращается в глазах Лондона в потенциального партнера на пути модернизации. Однако империя по-прежнему остается под строгим, испытующим взглядом британской либеральной и консервативной общественности. Именно на этом фоне английская пресса начинает беспрецедентно плотно и систематически отслеживать подготовку крестьянской реформы[126]. На страницах ведущих газет появляются регулярные подробные отчеты, посвященные «уничтожению крепостного права» и деталям «освобождения» ("emancipation"), что превращает внутренний русский вопрос в предмет постоянного внимания европейской публики.

---

[124] [W. a.] The Continent // The Morning Post. – 1856, 17 Oct. (5 октября 1856 г. ст. ст.)

[125] Ibid.

[126] [W. a.] Abolition of Serfdom in Russia // The Daily Telegraph. – 1858, 1 Oct. (19 сентября 1858 г. ст. ст.)

Центральным событием этого периода стала либерализация цензурной политики 1858 г., которую многие авторы ощущали буквально по количеству и тональности сообщений, приходящих из России.

Лондонская газета "The Daily Telegraph", начавшая выходить в 1855 г., в кратчайшие сроки превратилась в один из главных каналов популяризации «русской темы» для массового английского читателя. Весной 1858 г. (в частности, в номере от 6 апреля (25 марта 1858 г. ст. ст.) в рубрике "Foreign Intelligence") издание обратило внимание на беспрецедентный перелом в общественной жизни империи[127]. Британские корреспонденты сообщали, что благодаря смягчению цензуры вопросы внутреннего переустройства теперь обсуждаются в русской печати с откровенностью, которая еще недавно казалась совершенно немыслимой.

Однако главным предметом этой небывалой публичной дискуссии, по наблюдениям лондонских журналистов, стала судьбоносная дилемма об освобождении крестьян. Этот всплеск гласности в газете прямо связывался с началом официальной работы губернских комитетов; при этом констатировалось, что правительство Александра II впервые решилось опереться на общественное мнение, выведя обсуждение фундаментальных социальных основ государства на принципиально новый, открытый уровень[128]

Для английского читателя, привыкшего к парламентской системе, сама возможность подобной публичной постановки вопроса об освобождении крестьян в самодержавной стране выглядела сенсацией. Британская пресса с изумлением фиксировала, что тема внутреннего переустройства теперь открыто дебатируется, и даже наиболее реакционная часть дворянства вынуждена признать: решение этого великого вопроса стало исторически неизбежным[129]. В этих откликах лондонская печать отмечала не только

---

[127] [W. a.] Foreign Intelligence // The Daily Telegraph. – 1858, 6 April. (25 марта 1858 г. ст. ст.)

[128] Ibid.

[129] [W. a.] Foreign Intelligence // The Daily Telegraph. – 1858, 6 April. (25 марта 1858 г. ст. ст.)

появление новой политической риторики, но и радикальные изменения в настроениях правящего сословия империи.

Либеральные газеты видели в ослаблении цензуры не случайную уступку, а начало масштабного системного перелома[130]. В аналитических обзорах подчеркивалось, что позволение обсуждать крестьянский вопрос в открытой печати неизбежно трансформирует общественное мнение и делает возвращение к прежнему аппаратному молчанию невозможным. В этом смысле беспрецедентная «гласность» оценивалась лондонскими обозревателями как не менее важная революция, чем само будущее освобождение[131].

Параллельно "The Manchester Guardian" помещала дискуссии о положении крепостных в России в широкий общеевропейский контекст. Показательно, что осенью 1858 г. подробные сводки о подготовке освобождения крестьян в Российской империи публиковались на газетных полосах буквально бок о бок с репортажами о политическом пробуждении в Берлине[132].

В октябре 1858 г. в Пруссии наступила так называемая «Новая эра»: принц Вильгельм, принявший регентство от душевнобольного Фридриха Вильгельма IV, сформировал либеральный кабинет и дал обществу надежду на конституционное переустройство. Как показывает американский историк М. Уивер, именно в этот период либеральная коалиция в прусском ландтаге развернула острую дискуссию о пределах королевской власти и правах парламента, тогда как аграрный вопрос — несмотря на формальную отмену крепостной зависимости еще в 1807 г. — по-прежнему не был

---

[130] [W. a.] Abolition of Serfdom in Russia // The Daily Telegraph. – 1858, 1 Oct. (19 сентября 1858 г. ст. ст.)

[131] [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1858, 12 Nov. (31 октября 1858 г. ст. ст.)

[132] [W. a.] Prussia / Russia // The Manchester Guardian. – 1858, 12 Nov. (31 октября 1858 г. ст. ст.)

разрешен в части выкупных платежей и зависимости крестьянства от юнкерства[133].

Синхронность этих информационных поводов подчеркивала для английского читателя важнейшую мысль: Россия включена в общий процесс модернизации монархических режимов Европы. Британская пресса воспринимала преобразования Александра II не как сугубо внутреннее явление, но как часть единого цивилизационного сдвига консервативных государств, стоявших перед историческим выбором между конституционным реформизмом и попытками сохранения авторитарных порядков

Если 1857–1858 гг. английская пресса описывает прежде всего как время идейной подготовки, то уже с начала 1858 г. в центре внимания оказываются конкретные механизмы выработки реформы[134]. "The Times" в январском и майском номерах 1858 г. публикует несколько больших статей, где рассматривает деятельность комиссий по крестьянскому вопросу[135].

В передовой статье от 6 января 1858 г. (25 декабря 1857 г. ст. ст.) подчеркивается, что по значимости «все дипломатические заботы русского правительства меркнут перед вопросом о состоянии крепостных».[136] Впервые массовой британской аудитории подробно рассказывается, как в Петербурге собираются «огромные массы свидетельств из каждой губернии» и как обсуждаются различные проекты освобождения. При этом автор не упускает из виду грандиозный масштаб задачи: «освободить более двадцати миллионов человеческих существ от уз, освященных веками, — предприятие, способное устрашить и самых решительных государей».[137]

---

[133] *Weaver, M.* Political Friendship: Liberal Notables, Networks, and the Pursuit of the German Nation State, 1848–1866. New York ; Oxford : Berghahn Books, 2024. 326 p.

[134] [W. a.] Russia // The Times. – 1858, 26 Jan. (14 января 1858 г. ст. ст.)

[135] [W. a.] Russia // The Times. – 1858, 11 May. (29 апреля 1858 г. ст. ст.)

[136] [W. a.] [The social and political state of Russia...] // The Times. – 1858, 6 Jan. (25 декабря 1857 г. ст. ст.)

[137] Ibid.

Ключевой темой становится столкновение интересов помещиков и крестьян. В корреспонденции из Петербурга, опубликованной 26 января 1858 г. (14 января 1858 г. ст. ст.), "The Times" констатирует, что землевладельцы, при всей демонстрируемой покорности, соглашаются на реформу исключительно «против своей воли»[138]. Главным камнем преткновения становятся финансовые гарантии: дворянство настаивает на том, чтобы отходящая крестьянам земля была полностью «оплачена Государством». В то же время кабинет, по словам газеты, не намерен отступать от первоначального плана, поскольку понимает: крестьянам уже объявлено о грядущей свободе, и любая попытка власти пойти на попятную неизбежно послужит сигналом к «жакерии самого ужасного свойства»[139].

Таким образом, английская пресса достаточно рано увидела главный узел предстоящей реформы — тяжелейшую необходимость совместить имущественные интересы дворянства с дарованием свободы крестьянам. Осмысляя этот процесс, "The Times" закономерно сопоставляли российский проект с британским Актом об отмене рабства 1833 г. Как отмечала газета еще в начале 1858 г., положение русского правительства во многом схоже с ситуацией «вест-индских собственников в отношении негритянских рабов»[140].

Однако британская печать констатировала, что масштабы проблемы несоизмеримо больше. Если Англия в свое время освободила около 800 000 человек в заморских колониях, то в России проблема находилась внутри самого государства, а сопротивляющееся дворянство было гораздо могущественнее.

Лондонские издания подчеркивали колоссальную разницу в цифрах, напоминая читателям, что в империи насчитывается 42 миллиона крепостных

---

[138] [W. a.] Russia // The Times. – 1858, 26 Jan. (14 января 1858 г. ст. ст.)

[139] *Firnhaber-Baker, J.* The Social Constituency of the Jacquerie Revolt of 1358 // Speculum. – 2020. – Vol. 95, no. 3 (July). – P. 689–715.

[140] [W. a.] [The social and political state of Russia...] // The Times. – 1858, 6 Jan. (25 декабря 1857 г. ст. ст.)

душ (из которых 22 миллиона принадлежат частным лицам)[141]. В своих весенних передовицах, вплоть до 11 мая 1858 г. (29 апреля 1858 г. ст. ст.), "The Times" развивала эту тему, констатируя, что благородная попытка правительства возвысить такую гигантскую массу людей до «состояния свободных граждан» неизбежно упирается в ожесточенную защиту землевладельцами своих доходов и земель[142].

Либеральная "The Daily Telegraph" в тот же период сосредотачивает внимание на беспрецедентных переменах в общественном климате внутри самой России. В своих петербургских корреспонденциях 1858–1859 гг. лондонские обозреватели с удивлением фиксируют, что вопрос об «уничтожении крепостного права» окончательно перестал быть государственной тайной и вызвал настоящую «агитацию» в стране[143]. В газете подчеркивается, что обсуждение крестьянских проектов вышло за пределы закрытых высших канцелярий и теперь разворачивается повсеместно — не только в столичных салонах, но и в провинциальных губернских комитетах. Параллельно британские журналисты внимательно отслеживают нарастание глухого сопротивления в дворянской среде, отмечая откровенную тревогу и панику помещиков перед возможным финансовым крахом их хозяйств[144].

Однако в центре британского наблюдения оставался все же не польский, а крестьянский вопрос: именно он определял, способна ли Россия занять место среди «цивилизованных» наций Европы. К исходу 1850-х гг. тема освобождения крестьян окончательно выходит на первый план.

К исходу 1850-х гг. тон британских газет заметно ужесточается: сомнения в реальности предстоящего освобождения окончательно исчезают, а фокус внимания лондонских обозревателей смещается на ожесточенные споры

---

[141] Ibid.

[142] [W. a.] [There is no more curious problem...] // The Times. – 1858, 11 May. (29 апреля 1858 г. ст. ст.)

[143] [W. a.] Russia // The Daily Telegraph. – 1859, 6 April. (25 марта 1859 г. ст. ст.)

[144] [W. a.] Abolition of Serfdom in Russia // The Daily Telegraph. – 1858, 1 Oct. (19 сентября 1858 г. ст. ст.)

о сроках и условиях реформы. Консервативная "The Times" в серии подробных зимних обзоров 1860 г. фиксирует этот водораздел: вопрос о сохранении прежних порядков больше не стоит, теперь вся тяжесть дискуссии перешла на условия наделения крестьян землей[145].

Эту же картину бескомпромиссной борьбы подтверждает и либеральная "The Daily Telegraph". В апрельском номере газета, опираясь на донесения из Петербурга, констатирует, что вся дворянская «оппозиция» сводится исключительно к торгу за условия «уничтожения крепостного права»[146].

Британские корреспонденты фиксируют упорное сопротивление провинциальных землевладельцев правительственному проекту. По наблюдениям лондонской печати, империя оказалась в состоянии тяжелейшего внутреннего напряжения: дворянство отчаянно пытается спасти свои доходы и земли от государственного диктата, в то время как миллионные массы крестьян замерли в ожидании обещанной свободы, лишая власть любого пространства для отступления[147].

Особое место в публикациях лондонской печати этого периода занимает образ самого императора. Британские корреспонденты подчеркивали, что Александр II не ограничивается ролью формального арбитра между сословиями, а выступает главным и зачастую единственным двигателем преобразований[148]. Наблюдая за ожесточенным сопротивлением элит, английская пресса откровенно восхищалась тем «мужеством» и «искренним убеждением», с которыми монарх преодолевает саботаж собственных сановников и провинциальных землевладельцев. Подобные характеристики окончательно закрепляли в британском медийном сознании образ просвещенного «царя-реформатора», чья непреклонная воля берет на себя всю

---

[145] [W. a.] Russia // The Times. – 1860, 21 Jan. (9 января 1860 г. ст. ст.); [W. a.] Russia // The Times. – 1860, 3 Feb. (22 января 1860 г. ст. ст.); [W. a.] Russia // The Times. – 1860, 23 Feb. (11 февраля 1860 г. ст. ст.)

[146] [W. a.] Russia // The Daily Telegraph. – 1860, 5 April. (24 марта 1860 г. ст. ст.)

[147] Ibid.

[148] [W. a.] [The social and political state of Russia...] // The Times. – 1858, 6 Jan. (25 декабря 1857 г. ст. ст.)

полноту исторической ответственности за этот грандиозный и рискованный социальный эксперимент[149].

К осени 1860 г. тон лондонских изданий приобретает еще большую уверенность: британские обозреватели начинают прямо прогнозировать сроки завершения реформы[150]. "The Daily Telegraph" (в частности, в своих октябрьских материалах) сообщает, что тяжелая бюрократическая работа комиссий близится к финалу. Британские корреспонденты констатируют, что правительство лишь шлифует детали грядущего «окончательного урегулирования», а российское общество замерло в ожидании скорого «обнародования» закона об освобождении крестьян.

На основе донесений из Петербурга в газете сообщалось читателям, что исторический документ, как ожидается, будет опубликован в самом начале следующего, 1861 г.[151] Эта оценка лондонской печати оказалась удивительно точной, продемонстрировав глубокое понимание британскими журналистами внутренних политических ритмов Российской империи.

Сопоставление материалов о коронационной амнистии и о подготовке крестьянской реформы позволяет выявить четыре устойчивые черты британского медийного дискурса о России.

Во-первых, английские газеты настаивали на неразрывной связи между гуманитарными жестами Александра II и структурными преобразованиями. Помилование 1856 г. воспринималось как символический разрыв с репрессивным наследием николаевской эпохи. Однако либеральная печать ("The Manchester Guardian") сразу зафиксировала противоречие между моральным жестом и имущественной стороной дела, прагматично замечая, что без возврата конфискованных имений заявленное «императорское

---

[149] [W. a.] Russia // The Times. – 1860, 23 Feb. (11 февраля 1860 г. ст. ст.)

[150] [W. a.] Russia // The Daily Telegraph. – 1860, 3 Oct. (21 сентября 1860 г. ст. ст.)

[151] [W. a.] Russia // The Daily Telegraph. – 1861, 14 Feb. (2 февраля 1861 г. ст. ст.); [W. a.] Russia // The Daily Telegraph. – 1861, 25 Feb. (13 февраля 1861 г. ст. ст.); [W. a.] Russia // The Times. – 1861, 19 Feb. (7 февраля 1861 г. ст. ст.)

милосердие» остается неполным. Тот же мотив — сопряженность дарования свобод с экономическими гарантиями — затем стал ключевой темой и в обсуждении крестьянской реформы[152].

Во-вторых, британская пресса неизменно вписывала освобождение крестьян в более широкий общеевропейский контекст. Сравнение с освобождением рабов в английских колониях, настойчиво проводимое консервативной "The Times", наделяло российскую реформу значением не только национального, но и цивилизационного масштаба. Вместе с тем это сопоставление обостряло внимание Лондона к вопросам компенсаций собственникам и юридических гарантий новых прав[153].

В-третьих, английские издания расходились в оценке политических перспектив империи. Либеральные газеты ("The Daily Telegraph" и "The Manchester Guardian") связывали с отменой крепостного права надежды на дальнейшую эволюцию самодержавия, задаваясь вопросом, сможет ли абсолютная монархия безопасно трансформироваться в «конституционное правление», не подорвав собственной основы[154]. Консервативные же издания ("The Times") смотрели на процесс иначе: их интерес был сосредоточен на том, сможет ли государство сохранить управляемость и не приведут ли реформы к всеразрушающей «жакерии»[155].

Наконец, **в-четвертых**, лейтмотивом почти всех рассмотренных публикаций выступает тема международного престижа. Для британских авторов внутренние преобразования служили главным мерилом того, способна ли Россия стать «нормальным» государством, уважающим права своих подданных. Именно поэтому обнародование Манифеста 1861 г. оценивалось лондонскими газетами не просто как социальный сдвиг, но как начало

---

[152] [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1856, 12 Sept. (31 августа 1856 г. ст. ст.)

[153] [W. a.] [The social and political state of Russia...] // The Times. – 1858, 6 Jan. (25 декабря 1857 г. ст. ст.)

[154] [W. a.] Foreign Intelligence // The Daily Telegraph. – 1858, 6 April. (25 марта 1858 г. ст. ст.); [W. a.] Prussia / Russia // The Manchester Guardian. – 1858, 12 Nov. (31 октября 1858 г. ст. ст.)

[155] [W. a.] Russia // The Times. – 1858, 26 Jan. (14 января 1858 г. ст. ст.)

подлинной «новой эры», навсегда меняющей политический облик империи в глазах цивилизованного мира[156]

Английская печать середины XIX столетия, следя за внутренней эволюцией России после Крымской войны, выстраивала сложный и во многом противоречивый образ Александра II и проводимого им курса. С одной стороны, обозреватели "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph" признавали личную роль императора в инициировании реформ, отдавая дань его «мужеству» и готовности открыть публичную дискуссию о вопросах, еще недавно являвшихся абсолютной государственной тайной[157]. С другой стороны, они неизменно фиксировали ограниченность этих преобразований: сохранение абсолютистской основы правления, половинчатый характер «императорского милосердия» в вопросах амнистий и непоследовательность уступок[158].

Для исследовательской оптики существенно, что лондонская печать видела в амнистии политических ссыльных и последующем освобождении крестьян звенья одной цепи. Обе меры трактовались британскими публицистами не в позднейших категориях «революции сверху», а как вынужденная правительственная стратегия, призванная предупредить всеразрушающую «жакерию» (jacquerie) снизу[159]. При этом в иностранных оценках куда отчетливее, чем в подцензурной российской журналистике, звучала тема необходимости жестких правовых гарантий и экономических компенсаций. Тем самым английские газеты не просто отражали хронику подготовки преобразований, но и задавали для европейской аудитории концептуальную рамку их прочтения как драматичную попытку совместить

---

[156] [W. a.] Russia // The Daily Telegraph. – 1861, 25 Feb. (13 февраля 1861 г. ст. ст.)

[157] [W. a.] Russia // The Times. – 1858, 26 Jan. (14 января 1858 г. ст. ст.); [W. a.] Russia // The Times. – 1860, 23 Feb. (11 февраля 1860 г. ст. ст.)

[158] [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1856, 12 Sept. (31 августа 1856 г. ст. ст.)

[159] [W. a.] Abolition of Serfdom in Russia // The Daily Telegraph. – 1858, 1 Oct. (19 сентября 1858 г. ст. ст.) ; Firnhaber-Baker, J. The Jacquerie of 1358: A French Peasants' Revolt. Oxford : Oxford University Press, 2021.

традиционную самодержавную систему с объективными требованиями эпохи права и неприкосновенности собственности.

1.3. Сравнение обозрения предпосылок великих реформ в английской и русской печати

Рассмотрение параграфов 1.1 и 1.2 настоящей главы позволяет перейти к сравнительному анализу — установить, как именно «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph" освещали предпосылки и ход великих реформ Александра II. Сопоставление двух национальных традиций прессы открывает возможность оценить не только различие редакционных позиций, но и принципиальное несходство условий, в которых работали журналисты в Лондоне и в Москве или Санкт-Петербурге: разные правовые режимы для прессы, разные аудитории, разные геополитические интересы. Именно поэтому за внешним сходством тематики: крестьянский вопрос, отмена крепостного права, судебная, земская и военная реформы — скрываются глубоко различные способы осмысления и подачи материала.

Исходным пунктом для любого сравнения должен стать принципиальный вопрос об условиях, в которых существовала пресса в обеих странах. Британская печать к середине XIX века прошла долгий путь к относительной свободе. Последние «налоги на знание» (stamp duties, advertisement duties, paper duties), сдерживавшие распространение газет, были отменены в 1855–1861 гг., что совпало хронологически с эпохой подготовки российских реформ. Именно в 1855 г. появилась "The Daily Telegraph", первая в Британии массовая общенациональная газета с ценой в один пенни, что резко расширило читательскую аудиторию и позволило газетам претендовать на роль выразителей общественного мнения, а не только элитарного дискурса[160].

[160] Об отмене «налогов на знание» и ее влиянии на британскую прессу см.: The Cambridge History of Russia / ed. by D. Lieven. Vol. 2. Cambridge, 2006. P. 48.

"The Times" к этому времени являлась признанным «органом нации» с тиражом, достигавшим в периоды политических кризисов нескольких десятков тысяч экземпляров. "The Manchester Guardian", основанный в 1821 г. и претендовавший на роль органа либеральной буржуазии промышленного Севера Англии, располагал разветвленной сетью корреспондентов и придерживался четкой редакционной линии в пользу реформ как внутри страны, так и за рубежом[161].

В России картина выглядела принципиально иначе. «Московские ведомости» — одна из старейших русских газет, основанная в 1756 г. и являвшаяся печатным органом Московского университета, — в исследуемый период 1856–1861 гг. выражала сугубо официальную, правительственную точку зрения.

«Санкт-Петербургские ведомости», основанные в 1728 г., также находились под плотным государственным контролем. Оба издания функционировали в условиях цензурного устава 1826 г., действие которого, пусть и неоднородно, сохранялось вплоть до реформы 1865 г. Тираж «Московских ведомостей» к началу 1860-х гг. составлял порядка 9–12 тысяч экземпляров, что свидетельствует о пробуждении читательского интереса к общественным вопросам, но при этом разительно уступает британским показателям[162]. Характерно, что обсуждение крестьянского вопроса в российской прессе до 1858 г. находилось под прямым цензурным запретом: с 1857 г. работа Секретного, а затем Главного комитета по крестьянским делам велась в режиме административной тайны[163].

Анализ хронологии публикаций в обоих изданиях позволяет выявить еще одно важное различие: повод для обращения к теме российских реформ.

---

[161] История и характеристика The Manchester Guardian в XIX веке: The Cambridge History of Russia. Vol. 2. P. 48.

[162] Тираж «Московских ведомостей»: Соловьев, Е.А. Очерки из истории русской литературы XIX века. Т. 3, ч. 2. М., 1955. С. 130–230 (по данным параграфа 1.1 исследования).

[163] О запрете на обсуждение крестьянского вопроса в прессе до 1858 г.: Лемке, М.К. Эпоха цензурных реформ. СПб., 1904. С. 175 (цит. по: Санкт-Петербургские ведомости. 1858. № 21. С. 175).

В британской прессе тема реформ Александра II возникала, как правило, в прямой связи с широким геополитическим контекстом. Парижский мирный договор 30 марта 1856 г., завершивший Крымскую войну, стал тем событием, которое побудило "The Times" и "The Manchester Guardian" обратиться к вопросу о внутреннем состоянии России. Впрочем, первый импульс к этому вниманию был дан еще раньше — коронационной амнистией августа–сентября 1856 г., которую британская печать восприняла как сигнал о возможной смене внутреннего курса. Поражение в Крымской войне, по единодушной оценке британских редакторов, обнажило системную отсталость российского государственного и социального устройства, и именно под этим углом зрения рассматривался и реформаторский курс нового императора.

Еще в период Крымской войны "The Times" характеризовала российское общественное устройство как требующее глубоких преобразований[164], называя российское общество «по существу феодальное» ("essentially feudal"), полагая, что сохранение крепостничества не только тормозит экономическое развитие страны, но и делает ее ненадежным партнером в системе европейских держав[165]. "The Manchester Guardian" 12 сентября 1856 г. (31 августа 1856 г. ст. ст.) откликнулась публикацией о России, акцентировавшей внимание на том, что с восшествием Александра II связываются надежды либеральной Европы — надежды, впрочем, осторожные, поскольку структурные реформы в условиях российского самодержавия виделись редакции делом долгим и неопределенным[166].

В русской прессе хронология событий была принципиально иной. «Московские ведомости» и «Санкт-Петербургские ведомости» вплоть до 1858

---

[164] [W. a.] Russia [From Our Own Correspondent, St. Petersburg …] // The Times. – 1856, 3 Apr. (22 марта 1856 г. ст. ст.)

[165] [W. a.] The State of the Continent // The Times. – 1854, 27 March. (15 марта 1854 г. ст. ст.)

[166] [W. a.] [From Our Correspondent …] // The Manchester Guardian. – 1856, 12 Sept. (31 августа 1856 г. ст. ст.) P. 1.

г. могли лишь воспроизводить официальные документы и реляции — рескрипты императора, объявления Главного комитета, — но не анализировать их. Первым по-настоящему публичным документом, ставшим предметом газетного обсуждения, стал рескрипт Назимову, подписанный 20 ноября и опубликованный в официальной печати 24 декабря 1857 г. Рескрипт предписывал литовскому дворянству приступить к обсуждению условий освобождения крестьян. Сам по себе этот рескрипт был воспроизведен в обоих изданиях, однако комментарии к нему носили крайне осторожный, протокольный характер. «Санкт-Петербургские ведомости» воздержались от какой-либо оценки, ограничившись кратким резюме[167]. «Московские ведомости» также не выходили за пределы хроники события.

Только в 1858 г., когда власти санкционировали открытое обсуждение крестьянского вопроса в печати, ситуация начала меняться. С этого момента в обоих изданиях появляются статьи, посвященные различным аспектам предстоящей реформы: вопросам наделения крестьян землей, размерам выкупных платежей, правовому статусу освобожденных. При этом характер этих публикаций оставался заметно отличным от того, что писала британская пресса: русские газеты, как правило, следовали в фарватере официальных установок и воздерживались от острых критических оценок.

Таблица 2. Позиции ведущих периодических изданий России и Великобритании по подготовке к крестьянской реформе

Параметр	**«Московские ведомости» / «Санкт-Петербургские ведомости»**	**"The Times" / "The Manchester Guardian" / "The Daily Telegraph"**
Начало систематического освещения темы реформ	С 1858 г. (после снятия цензурного запрета)	С 1856 г. (после Парижского мира)
Главный повод первых публикаций	Рескрипты и официальные документы 1857–1858 гг.	Итоги Крымской войны, Парижский мир 1856 г.
Характер ранних публикаций	Официальная хроника, воспроизведение документов	Аналитические статьи, редакционные комментарии

[167] [Б. а.] О крестьянском вопросе // Санкт-Петербургские ведомости. – 1857, 2 янв.

Регулярность зарубежных корреспонденций	Редко; акцент на внутренних источниках	Регулярно; собкоры в Санкт-Петербурге, Париже, Вене

Сравнение тематического охвата публикаций в русской и британской прессе обнаруживает существенные различия как в круге рассматриваемых вопросов, так и в расстановке акцентов.

Крестьянский вопрос. Для «Московских ведомостей» и «Санкт-Петербургских ведомостей» крестьянский вопрос стал центральной темой начиная с 1858 г. При этом, как показывает анализ публикаций, акцент делался прежде всего на организационно-правовых и хозяйственных аспектах: условиях освобождения, размерах наделов, механизме выкупных операций. Историческое и сравнительное измерение темы — сопоставление российского крепостного права с западноевропейским феодализмом или американским рабством — практически отсутствовало в русской прессе, тогда как в британской занимало заметное место. "The Times" в статье «Russia, the Congress, and the Slave Trade» от 11 мая 1858 г. (29 апреля 1858 г. ст. ст.) проводила явную параллель между российским крепостничеством и рабством, апеллируя к аболиционистскому дискурсу, который был близок британскому читателю после многолетней кампании против работорговли[168]. Та же газета прямо соотносила готовящуюся в России отмену крепостного права с собственным британским опытом — Актом 1833 г. об освобождении рабов в колониях и судьбой вест-индских собственников, получивших компенсацию за утрату подневольного труда; при этом масштаб российского явления (около 42 млн крепостных, из них до 22 млн в частном владении) подавался как событие общеевропейского значения. Для «Московских ведомостей» такое сопоставление было бы не просто нетактичным, но политически опасным: оно косвенно ставило Россию в один ряд с рабовладельческими обществами.

Земская реформа. В «Московских ведомостях» дискуссия о местном самоуправлении разворачивалась преимущественно в контексте

[168] [W. a.] [Russia, the Congress, and the Slave Trade …] // The Times. – 1878, 11 June. (30 мая 1878 г. ст. ст.)

взаимоотношений дворянства, крестьянства и центральной власти. В «Санкт-Петербургских ведомостях» акцентировали административно-реформаторский аспект. В британской прессе земская реформа рассматривалась сквозь призму теории конституционализма: в "The Times" и "The Manchester Guardian" в земствах видели потенциальный зарождение представительных институтов и задавались вопросом, не приведет ли реформа в конечном счете к ограничению самодержавной власти — вопросом, который в русских газетах того времени был совершенно непостановочным.

Судебная реформа. Готовившаяся судебная реформа привлекала внимание английской прессы прежде всего в сравнительно-правовом контексте. "The Daily Telegraph" в 1858–1859 гг. публиковала материалы о реформе русского суда, сопоставляя ее с принципами английского "common law"[169], — и это сопоставление было для редакции совершенно органичным[170]. "The Times" рассматривала вопрос о гласности судопроизводства как показатель движения России к цивилизованным нормам европейского права. В русских газетах аналогичные материалы неизменно подчеркивали самобытность предполагаемых преобразований и их связь с «потребностями русского быта», избегая прямых параллелей с западными образцами, тем более что такие параллели противоречили официальному нарративу о национальном пути реформ.

Военная реформа. Военная реформа являлась деликатной темой для обоих типов изданий, но по разным причинам. В русских газетах она рассматривалась в первую очередь как ответ на уроки Крымской войны: акцент делался на технической модернизации армии, реструктуризации военного управления, строительстве дорог. «Московские ведомости», будучи официозом, не могли ставить под сомнение эффективность самодержавной военной организации как таковой. Британская пресса, напротив, проявляла к

---

[169] *Tuyev, B.* The Development of Common Law // Мировая наука. – 2019. – № 11 (32). – С. 66–67.

[170] [W. a.] [Money Market & City Intelligence …] // The Times. – 1859, 29 March. (17 марта 1859 г. ст. ст.)

военной реформе России повышенный интерес именно с точки зрения стратегического баланса в Европе: усиление или ослабление русской армии напрямую затрагивало британские интересы. "The Times" в 1858 г. обсуждала меры по реорганизации российских вооруженных сил в связи с европейскими кризисами — австрийским вопросом, польским вопросом, — то есть в контексте, который русским газетам был объективно менее доступен как в силу цензуры, так и в силу того, что Россия являлась одной из сторон этих конфликтов[171].

Жанровое разнообразие русских и британских публикаций рассматриваемого периода также существенно различалось.

В «Московских ведомостях» и «Санкт-Петербургских ведомостях» преобладали следующие типы публикаций: хроника официальных событий (воспроизведение рескриптов, указов, материалов комиссий), краткие информационные заметки о заседаниях губернских дворянских комитетов, редкие публицистические статьи общего характера. Рубрики, посвященные иностранным делам, имелись в обоих изданиях, однако сведения о западной прессе носили избирательный и нередко конъюнктурный характер. Жанр передовой статьи с четко выраженной редакционной позицией, свойственный британским изданиям, был в русской прессе того времени крайне слабо развит: редакторы опасались слишком явно выходить за рамки официальных установок.

В британской прессе картина была принципиально иной. Все три рассматриваемых издания — "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph" — располагали собственными корреспондентами в Санкт-Петербурге, что обеспечивало оперативность и информационную насыщенность репортажей. Так, "The Times" регулярно публиковала материалы под рубрикой "From Our Own Correspondent, St. Petersburg", охватывавшие широкий круг вопросов — от хода работы редакционных

[171] [W. a.] [From Our Own Correspondent …] // The Times. – 1858, 6 Jan. (25 декабря 1857 г. ст. ст.)

комиссий до реакции различных слоев российского общества на реформы[172]. "The Manchester Guardian" помещала корреспонденции из Санкт-Петербурга, а также активно цитировала другие издания и официальные российские документы в переводе. "The Daily Telegraph" в рубрике «Foreign Intelligence: Russia» публиковала краткие, но фактически насыщенные обзоры[173]. Ключевым жанровым инструментом всех трех изданий была редакционная статья — "leader", в которой редакция недвусмысленно излагала собственную оценочную позицию.

Принципиальным источниковым преимуществом британской прессы было то, что ее корреспонденты имели возможность получать информацию из первых рук — из разговоров с петербургскими чиновниками, дипломатами, представителями образованного общества[174]. Русские газеты в описываемый период, напротив, были строго ограничены официальными каналами информации: публиковать сведения, которые не прошли через цензурный фильтр или не были санкционированы свыше, было рискованно как редакционно, так и юридически. Это объясняет, почему в «Московских ведомостях» за 1858 г., например, не было ни одной статьи с оценкой перспектив крестьянской реформы, тогда как "The Times" за тот же период вела развернутую редакционную дискуссию о вероятных сценариях развития событий в России[175].

Одно из ключевых измерений сравнительного анализа — тональность публикаций и интерпретационная рамка, в которую вписываются события.

Русская пресса: осторожный оптимизм и официозность. Как «Московские ведомости», так и «Санкт-Петербургские ведомости» в период

---

[172] [W. a.] Russia [From Our Own Correspondent, St. Petersburg …] // The Times. – 1856, 3 Apr. (22 марта 1856 г. ст. ст.); [W. a.] [Express from Paris …] // The Times. – 1856, 3 Apr. (22 марта 1856 г. ст. ст.)

[173] [W. a.] [Foreign Intelligence: Russia …] // The Daily Telegraph. – 1858, 21 Apr. (9 апреля 1858 г. ст.ст.)

[174] [W. a.] Foreign Intelligence // The Times. – 1859, 13 Sept. (1 сентября 1859 г. ст. ст.); [W. a.] Foreign Intelligence // The Daily Telegraph. – 1858, 6 Apr. (25 марта 1858 г. ст. ст.); [W. a.] [A long letter has been addressed to the French journals …] // The Daily Telegraph. – 1860, 22 June. (10 июня 1860 г. ст. ст.)

[175] [W. a.] Russia // The Times. – 1858, 5 Jan. (24 декабря 1857 г. ст. ст.)

1856–1861 гг. придерживались, по существу, одной и той же тональности: осторожного, лоялистского оптимизма. Реформаторский курс Александра II преподносился как естественное продолжение политики просвещенной монархии, как проявление государственной мудрости и отеческой заботы о крестьянстве. В этой интерпретационной рамке не было места ни для оценки самого института крепостного права как морально неприемлемого, ни для сомнений в достаточности предлагаемых мер. Газеты воздерживались от критики проектов, обсуждавшихся в редакционных комиссиях, и от защиты интересов тех или иных социальных групп в ущерб другим — по крайней мере, в открытой форме. Так, когда 19 февраля 1861 г. был подписан Манифест об освобождении крестьян и «Московские ведомости» воспроизвели его текст, это сопровождалось стандартной торжественной риторикой, не содержавшей критической ноты[176].

Примечательно, что и «Санкт-Петербургские ведомости», и «Московские ведомости» в своих редакционных комментариях подчеркивали историческую преемственность реформы: принятые меры вписывались в логику развития российской государственности, а не являлись уступкой западному влиянию. Это был сознательный редакционный выбор, продиктованный одновременно официальным курсом и читательскими ожиданиями аудитории, в значительной мере состоявшей из чиновников и образованного дворянства.

Британская пресса: критический либерализм. Все три британских издания подходили к событиям в России с принципиально иных позиций. Ни одно из них не было органом какой-либо официальной структуры, все они конкурировали за читательское внимание и рекламный рынок, а потому были вынуждены вырабатывать самостоятельные редакционные позиции, отличающиеся от позиций конкурентов.

[176] [Б. а.] Публикация Манифеста об освобождении крестьян // Московские ведомости. – 1861, 6 мар.

"The Times" в 1856–1861 гг. занимала позицию критического наблюдателя: признавая необходимость и определенную прогрессивность реформ Александра II, редакция не скрывала скептицизма относительно их достаточности и последовательности. В статьях "The Times" нередко звучала мысль о том, что реальные преобразования в России возможны лишь при условии системного ограничения самодержавной власти — мысль, абсолютно невозможная в тогдашней русской прессе[177]. В то же время "The Times" не занималась ни апологетикой, ни демонизацией: редакция умела отделять личность реформатора-императора от системных проблем российского государства.

"The Manchester Guardian" придерживалась более последовательно либеральной и отчасти идеалистической позиции. В публикациях газеты реформы Александра II оценивались с точки зрения принципов, которые "The Manchester Guardian" отстаивала применительно к самой Великобритании: свобода личности, верховенство закона, местное самоуправление. В статьях 1856–1858 гг. редакция выражала осторожную надежду на то, что освобождение крестьян станет первым шагом к более широким политическим преобразованиям[178]. При этом "The Manchester Guardian" болезненно реагировала на любые признаки политических репрессий или ограничений свободы слова в России, подчеркивая противоречие между декларируемыми реформаторскими намерениями власти и сохранявшейся цензурой.

В "The Daily Telegraph" — наиболее массовой и ориентированной на широкую аудиторию газете из трех рассматриваемых — освещение российской темы выстраивалось в несколько ином ключе. Редакция акцентировала внимание на сенсационных и занимательных аспектах:

---

[177] [W. a.] Russia [From Our Own Correspondent, St. Petersburg …] // The Times. – 1856, 23 Apr. (11 апреля 1856 г. ст. ст.)

[178] [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1856, 24 Apr. (12 апреля 1856 г. ст. ст.); [W. a.] [From Our Own Correspondent …] // The Manchester Guardian. – 1856, 24 Apr. (12 апреля 1856 г. ст. ст.); [W. a.] [On the preparation of the peasant reform in Russia] // The Manchester Guardian. – 1858, 12 Nov. (31 октября 1858 г. ст. ст.); [W. a.] Prussia // The Manchester Guardian. – 1858, 12 Nov. (31 октября 1858 г. ст. ст.)

парадоксах крепостного права (параллели с вопросом об освобождении рабов в американских южных штатах), эксцентричных нравах русской аристократии, масштабе и скорости преобразований. В то же время "The Daily Telegraph" не уступала "The Times" по остроте аналитических комментариев: в апреле 1858 г. газета опубликовала редакционную статью, в которой прямо констатировала, что судьба реформ в России зависит от того, удастся ли императору преодолеть сопротивление консервативной части дворянства[179].

Для сравнительного анализа двух традиций обратимся к событиям, ставшим ключевыми в ходе подготовки реформ, и рассмотрим специфику их освещения в русской и британской прессе.

В контексте предпосылок к Великим реформам реакция российской печати на заключение Парижского мира демонстрирует исторический переход общественно-политической мысли к осознанию необходимости системных преобразований. Официальная пресса выражала сдержанную и прагматичную позицию: так, в легальных изданиях подчеркивалось, что Россия ожидает мира со значительно большим спокойствием, нежели другие европейские государства[180]. Важнейшим политическим документом этого периода стал Высочайший манифест Александра II от 19 марта 1856 года[181]. Этот акт официально зафиксировал перенос вектора государственного внимания с внешнеполитических конфликтов на внутреннее обновление, провозгласив курс на то, чтобы в стране совершенствовалось «внутреннее благоустройство», а также развивалось стремление к просвещению и полезной деятельности.

Параллельно с этим, более глубокий критический анализ текущего положения дел содержался в неофициальной публицистике, которая из-за цензурных ограничений распространялась преимущественно в рукописных

---

[179] [W. a.] [Foreign Intelligence: Russia …] // The Daily Telegraph. – 1858, 21 Apr. (9 апреля 1858 г. ст. ст.)

[180] [Б. а.] Петербургская летопись // Санкт-Петербургские ведомости. – 1856, 18 марта.

[181] [Б. а.] Высочайший манифест // Санкт-Петербургские ведомости. – 1856, 21 марта.

списках[182]. Показательны в этом отношении «Историко-политические письма» консервативного мыслителя Погодина, который, анализируя итоги Крымской войны, указывал на серьезное техническое отставание страны.

В своих работах он утверждал, что фундаментальным препятствием для экономического развития государства является крепостное право, охарактеризованное им как «внутренняя язва». Кроме того, Погодин доказывал необходимость немедленного и всестороннего введения гласности для искоренения недостатков государственного аппарата и предотвращения возможных социальных потрясений. Таким образом, окончание войны катализировало общественную дискуссию о реформах, которая совпала с провозглашенным правительственным курсом на государственное переустройство, заложив идеологическую базу для будущих преобразований.

Рескрипт Назимову (подписан 20 ноября 1857 г.) русские газеты воспроизвели в официальной форме, без каких-либо комментариев. «Санкт-Петербургские ведомости» ограничились его публикацией; «Московские ведомости» снабдили текст кратким редакционным примечанием, не выходившим за рамки хвалебной констатации монаршей воли. "The Times" откликнулась на рескрипт развернутой статьей 6 января 1858 г. (25 декабря 1857 г. ст. ст.), разобрав его политический смысл: редакция указала, что объявление о готовящейся реформе означает для российской власти рубеж, за которым отступление от преобразований становилось невозможным, и высказала предположение, что воплощение реформы в жизнь потребует несравненно более сложных мер, нежели продекларированные принципы[183]. "The Manchester Guardian" в ноябре 1858 г. вернулась к теме рескрипта в контексте прусских реформ того же периода, сопоставив подходы с социальными преобразованиями в России и в германских государствах и

---

[182] *Сартаков, Е.В.* Публицистика М.П. Погодина времен Крымской войны // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2015. – № 5. – С. 37–50.

[183] [W. a.] Russia // The Times. – 1858, 6 Jan. (25 декабря 1857 г. ст. ст.)

заключив, что в России реформа остается «революцией сверху», тогда как в Германии она совершается под давлением снизу[184].

Заседания губернских дворянских комитетов (1858–1860 гг.) — тема, которую русская пресса освещала с нарастающей интенсивностью, но по-прежнему в режиме строгой регламентации. В «Московских ведомостях» сообщали о ходе работы комитетов, воздерживаясь от оценки позиций конкретных участников дискуссий. «Санкт-Петербургские ведомости» вели более подробное освещение — особенно применительно к комитетам северо-западных и центральных губерний, — публикуя отдельные выдержки из проектов. Британские газеты, напротив, опирались на сведения собственных корреспондентов и давали качественные характеристики позициям различных дворянских группировок. "The Times" 5 января 1858 г. (24 декабря 1857 г. ст. ст.) писали о столкновении «либеральной» и «консервативной» партий внутри дворянства и предрекали, что победа консерваторов чревата серьезными социальными потрясениями[185]. "The Daily Telegraph" в апреле 1858 г. в материале "Foreign Intelligence: Russia" описывали обстановку в губернских комитетах как политически заряженную, отмечая, что помещики любыми средствами стремятся удержать экономические основы своего господства[186].

Подписание Манифеста 19 февраля 1861 г. стало кульминацией всего реформаторского процесса. Реакция русской прессы была предсказуемо торжественной и официозной: «Московские ведомости» поместили полный текст Манифеста в специальном приложении к номеру от 5 марта 1861 г. и сопроводили его верноподданнической передовой статьей[187]. «Санкт-Петербургские ведомости» поступили схожим образом. Обе газеты делали

---

[184] [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1858, 12 Nov. (31 октября 1858 г. ст. ст.); [W. a.] Prussia // The Manchester Guardian. – 1858, 12 Nov. (31 октября 1858 г. ст. ст.)

[185] [W. a.] Russia // The Times. – 1858, 5 Jan. (24 декабря 1857 г. ст. ст.)

[186] [W. a.] Foreign Intelligence: Russia // The Daily Telegraph. – 1858, 21 Apr. (9 апреля 1858 г. ст. ст.)

[187] [Б. а.] Успехи производительности и торговли после реформы 1861 года и следовавших за ней // Московские ведомости. – 1869, 5 мая.

акцент на монаршей милости и историческом значении события, оставляя в стороне вопрос о том, как само крестьянство восприняло условия реформы.

Британские издания откликнулись на это событие с присущими им аналитическими оценками.

"The Times" опубликовала редакционный комментарий, в котором приветствовала отмену крепостного права как «важнейшее событие в европейской истории с 1848 г.», однако немедленно поставила вопрос об экономической жизнеспособности реформы: смогут ли крестьяне погасить выкупные платежи и станет ли освобождение реальным, а не сугубо формальным?[188] "The Manchester Guardian" также высоко оценила политический смысл Манифеста, однако сосредоточила внимание на том, что крестьяне получают свободу на условиях, обрекающих их на зависимость от общины и выкупных обязательств на долгие десятилетия, — иными словами, формальная свобода еще не равнозначна реальной экономической независимости[189].

"The Daily Telegraph" в 1861 г. публиковала репортажи о том, как крестьянство восприняло реформу, и подчеркивала, что в ряде губерний освобождение вызвало растерянность или даже разочарование: крестьяне рассчитывали получить землю безвозмездно, тогда как реальные условия реформы оказались далеки от этих ожиданий[190].

---

[188] [W. a.] Russia // The Times. – 1861, 19 Feb. (7 февраля 1861 г. ст. ст.); [W. a.] Parliamentary Intelligence // The Times. – 1861, 19 Feb. (7 февраля 1861 г. ст. ст.)

[189] [W. a.] [From the Russian Correspondent …] // The Manchester Guardian. – 1856, 15 Sept. (3 сентября 1856 г. ст. ст.)

[190] [W. a.] Russia // The Daily Telegraph. – 1861, 21 March. (9 марта 1861 г. ст. ст.); [W. a.] [Foreign Intelligence: Russia …] // The Daily Telegraph. – 1861, 28 March. (16 марта 1861 г. ст. ст.)

Таблица 3. Позиции ведущих периодических изданий России и Великобритании о событиях подготовки реформ

Событие	«Московские ведомости» / «Санкт-Петербургские ведомости»	"The Times"	"The Manchester Guardian"	"The Daily Telegraph"
Парижский мир (март 1856)	Сдержанная, прагматичная и лишенная триумфальных интонаций	Анализ поражения, призыв к реформам	Надежда на либерализацию под Александром II	Краткий репортаж, геополитические оценки
Рескрипт Назимову (ноябрь 1857)	Воспроизведение текста, минимальный комментарий	Развернутый анализ, прогноз трудностей реализации	Сравнение с европейскими реформами	Информационная заметка
Работа губернских комитетов (1858–1860)	Хроника, без оценок позиций	Анализ противоборства партий в дворянстве	Сравнение с германскими реформами	Описание политической напряженности
Манифест 19 февраля 1861	Торжественная передовая, полный текст Манифеста	Приветствие + экономическая критика условий	Оценка реальной свободы и формальной	Реакция крестьянства, региональные различия

Еще более показательно сопоставление того, как отдельные аспекты готовившихся реформ оценивались каждым из пяти изданий.

Вопрос о земле и выкупе. В «Московских ведомостях» дискуссия об условиях наделения крестьян землей в исследуемый период, еще до катковского поворота 1863 г., велась с либерально-западнических позиций: университетская по базе, газета осторожно поддерживала реформу и склонялась к наделению крестьян землей. «Санкт-Петербургские ведомости» в этом вопросе заняли позицию, близкую к нейтральной, отражая взгляды столичной бюрократии, заинтересованной прежде всего в порядке и управляемости реформы. "The Times" рассматривала земельный вопрос главным образом в экономическом измерении: редакция сомневалась в жизнеспособности системы выкупных платежей и предупреждала о риске нового обнищания деревни. "The Manchester Guardian" акцентировала

принципиальное значение земельной реформы для подлинного освобождения: «Свобода без земли есть лишь смена вида зависимости», — писала газета в 1861 г. "The Daily Telegraph" публиковала конкретные данные о размерах наделов в различных губерниях и о том, каким финансовым бременем выкупные платежи ложились на крестьянские семьи.

Вопрос о темпах реформы. Русские газеты, следуя официальному нарративу, неизменно представляли темп реформы оптимальным: достаточно быстрым для обеспечения прогресса и достаточно медленным для сохранения порядка. Британская пресса, не связанная этим нарративом, позволяла себе открытый разговор о темпах. "The Times" в 1858–1859 гг. периодически высказывала опасение, что медлительность реформаторского процесса может спровоцировать социальный взрыв раньше, чем его результаты успеют закрепиться. "The Daily Telegraph" в 1860 г. поставила вопрос напрямую: не является ли промедление с реформой тактическим приемом консервативной бюрократии, стремящейся ее заблокировать?[191]

Сравнение с западными образцами. Это измерение особенно красноречиво для понимания различия двух традиций. Русские газеты последовательно уклонялись от сравнений российских реформ с западными образцами, способных поставить Россию в положение «отстающей» или подражающей. «Московские ведомости» в исследуемый период избегали таких параллелей (настойчивое подчеркивание самобытности российского пути станет чертой газеты лишь позже, после катковского поворота 1863 г.). Британская пресса, напротив, охотно прибегала к сравнительному методу. "The Times" и "The Manchester Guardian" сопоставляли отмену крепостного права в России с освобождением рабов в США, с реформами в прусских землях, с эволюцией аграрных отношений в Великобритании. Это позволяло

[191] [W. a.] [Foreign Intelligence: Russia …] // The Daily Telegraph. – 1860, 5 Apr. (24 марта 1860 г. ст. ст.)

британским читателям вписывать российские события в более широкий исторический и сравнительный контекст[192].

Принципиальным является и вопрос о том, как сама пресса осмысляла свою роль в процессе реформ — или, точнее, о том, насколько это самоосмысление присутствовало в ее публикациях.

В русских газетах рассматриваемого периода, напротив, активно развивалась политическая и общественная рефлексия. В условиях стремительного роста тиражей и либерализации цензуры такие издания, как «Московские ведомости» Каткова, превратились во влиятельных самостоятельных политических акторов, предлагавших собственные государственные программы (например, методы обрусения Северо-Западного края), с которыми правительство было вынуждено считаться и негласно сотрудничать.

Роль покорного «просветителя» и простого проводника сугубо официальных смыслов ушла в прошлое вместе с эпохой Николая I. Пресса стала ареной борьбы различных журнальных «партий», а государство в лице Министерства внутренних дел перешло к новой стратегии — не тотальному контролю, а негласной поддержке и субсидированию угодных, но сохраняющих самостоятельность изданий. Взаимодействие с более радикальными журналами также было сложным и не сводилось к немедленным слепым репрессиям: во второй половине 1850-х гг. чиновники и цензоры-литераторы (такие как И. А. Гончаров) искренне пытались выстроить с ними продуктивный диалог, а в 1860-е гг., после частичного освобождения прессы от предварительной цензуры, ведомство боролось с радикалами через

[192] [W. a.] America // The Times. – 1860, 21 Jan. (9 января 1860 г. ст. ст.); [W. a.] Latest Intelligence // The Times. – 1860, 21 Jan. (9 января 1860 г. ст. ст.); [W. a.] [Foreign Intelligence: France …] // The Times. – 1860, 3 Feb. (22 января 1860 г. ст. ст.); [W. a.] [Latest Intelligence …] // The Times. – 1860, 3 Feb. (22 января 1860 г. ст. ст.)

сложную систему административных предостережений и судебных разбирательств[193].

В британских газетах картина была принципиально иной. "The Times" открыто позиционировала себя как «орган общественного мнения», имеющий право и обязанность влиять на политику — как отечественную, так и иностранную. Редакция исходила из убеждения, что публикации о России способны формировать отношение британского правительства к тем или иным аспектам российской политики.

"The Manchester Guardian" следовала аналогичной логике, апеллируя к интересам либерального среднего класса — того электорального большинства, которое поддерживало реформистские партии в британском парламенте.

"The Daily Telegraph", ориентированная на более широкую и менее политически ангажированную аудиторию, также исходила из того, что информирование читателей о событиях в России является самостоятельной общественной миссией: «Мы пишем о судьбах миллионов», — формулировала газета в редакционных анонсах своих русских корреспонденций[194].

Это различие в самоосмыслении роли прессы имело практические последствия. Британские издания формировали устойчивые образы России и Александра II, которые влияли на общественное мнение и, опосредованно, на дипломатические отношения двух стран. Русские газеты, напротив, работали в режиме «трансляции» официальных смыслов и лишь в очень ограниченной мере могли претендовать на роль самостоятельной интерпретационной инстанции.

---

[193] *Зубков, К.Ю.* Просвещать и карать: функции цензуры в Российской империи середины XIX века. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 520 с.

[194] [W. a.] [Foreign Intelligence: Russia …] // The Daily Telegraph. – 1858, 21 Apr. (9 апреля 1858 г. ст. ст.)

Отдельного рассмотрения заслуживает то, как формировался образ самого Александра II в русских и британских изданиях.

В «Московских ведомостях» и «Санкт-Петербургских ведомостях» образ императора строился в соответствии с устойчивой монархической иконографией: мудрый государь, движимый заботой о народном благе, принимает трудное, но необходимое решение, руководствуясь высшими государственными соображениями. Личные качества Александра II, его политические взгляды, противоречия внутри придворных группировок — все это оставалось за пределами газетных публикаций. Портрет «царя-освободителя», конструировавшийся русской прессой, был намеренно лишен индивидуальных черт и служил прежде всего задаче легитимации реформы[195].

В британской прессе образ Александра II строился совершенно иначе. "The Times" в своих петербургских корреспонденциях регулярно описывала конкретные политические решения императора, сопоставляя их с давлением различных придворных группировок и с общественными ожиданиями. Редакция усматривала в Александре II черты «просвещенного деспота» в просветительском смысле этого термина — монарха, способного на реформы в рамках самодержавной системы, но не готового к системному демократическому преобразованию власти.

"The Manchester Guardian", характеризуя политику Александра II в своих публикациях 1856–1861 гг., несколько раз возвращалась к теме противоречия между «либеральными намерениями» императора и «консервативной природой российской государственной машины»[196].

---

[195] [Б. а.] Публикация Манифеста об освобождении крестьян // Московские ведомости. – 1861, 6 мар.; [Б. а.] [Телеграммы из губерний о всенародном ликовании по случаю обнародования Манифеста] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 6, 7 и 8 марта; [Б. а.] [Об оглашении Манифеста и благоговейном поведении народа] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 10 марта; [Б. а.] [О символизме реформы и роли Императора-Освободителя] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 17 марта.

[196] [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1856, 15 Sept. (3 сентября 1856 г. ст. ст.)

"The Daily Telegraph" отличалась большей категоричностью суждений: ее журналисты не скрывали разочарования всякий раз, когда реформы оказывались менее решительными, чем ожидалось.

Показательна реакция британской прессы на тот факт, что Александр II вступил на российский трон вскоре после неудачи в Крымской войне. И "The Times", и "The Manchester Guardian" в 1856 г. прямо связывали готовность нового императора к реформам с военным поражением, фактически «приписывая» часть реформаторских намерений давлению обстоятельств, а не личным убеждениям монарха. Для русских газет такая интерпретация была категорически неприемлема: она унижала достоинство самодержавия и ставила под сомнение суверенность монаршей воли.

В Великобритании публикации о российских реформах в "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph" формировали устойчивое представление о России как о государстве, переживающем болезненный, но необходимый процесс модернизации. Это представление оказывало прямое влияние на дипломатическую повестку: британские политики, ориентировавшиеся на «The Times» как на барометр общественного мнения, были вынуждены считаться с образом «либерализирующейся России» при выстраивании отношений с петербургским двором. Отмена крепостного права была воспринята в Лондоне как доказательство того, что Россия движется в «правильном» направлении, что открывало перспективы для дипломатического сближения[197].

В России воздействие «Московских ведомостей» и «Санкт-Петербургских ведомостей» на общественное мнение было принципиально иного рода. Обе газеты достигали относительно узкой аудитории — образованного чиновничества, дворянства, духовенства, купечества в крупных городах. Тираж «Московских ведомостей» к началу 1860-х гг. составлял порядка 9–12 тысяч экземпляров — по российским меркам эпохи

[197] The Cambridge History of Russia. Vol. 2 : Imperial Russia, 1689–1917 / ed. by D. Lieven. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. XVIII, 765 p.

это было весомым показателем, однако он уступал тиражам ведущих британских изданий на порядок, а читательская база по-прежнему ограничивалась грамотной городской элитой, а не широкими слоями населения. Тем не менее именно через «Московские ведомости» и «Санкт-Петербургские ведомости» эта аудитория получала официальные тексты реформаторских документов. Манифест 19 февраля 1861 г. был торжественно оглашен 5 марта — в Прощеное воскресенье — в церквях после литургии, а в ближайшие дни его текст появился и на страницах ведущих газет, в том числе обоих рассматриваемых изданий. Таким образом, газеты выполняли функцию письменного закрепления и распространения документа среди той части образованного общества, которая не была непосредственным свидетелем церковного оглашения.

Выводы к главе 1

По материалам данной главы можно сделать следующие выводы:

Обобщая проведенный анализ, можно сформулировать несколько ключевых типологических различий, которые характеризуют две рассматриваемые традиции освещения великих реформ:

Первое различие — правовое. Русская пресса функционировала в условиях цензурного ограничения и государственного патронажа; британская — в условиях рыночной конкуренции и относительной редакционной свободы. Это обусловило принципиальное различие тем, которые могли и которые не могли быть поставлены в публичное обсуждение.

Второе различие — источниковое. Британские газеты — прежде всего "The Times" и "The Manchester Guardian" — располагали собственными корреспондентами в России и опирались на информацию из первых рук; русские газеты, напротив, были строго ограничены официальными каналами. Это принципиальное различие в источниковой базе обусловливало большую информационную насыщенность и оперативность британских репортажей, а также возможность включать в них критические или неудобные для властей суждения — что для российских изданий в условиях цензурных ограничений того периода оставалось практически недостижимым.

Третье различие — жанровое. В британских изданиях доминировал жанр редакционной статьи с четко выраженной аналитической позицией; в русских — официальная хроника и воспроизведение документов. Это определяло различный уровень интерпретационной активности изданий.

Четвертое различие — тематическое. Британская пресса рассматривала российские реформы в широком сравнительном и геополитическом контексте; русская — преимущественно в рамках внутриполитической повестки, избегая компрометирующих параллелей с западными образцами.

Пятое различие — функциональное. Русская пресса выполняла функцию распространения официальных текстов и формирования лояльности;

британская — функцию интерпретации, оценки и формирования общественного мнения. Оба типа выполняли важную общественную роль, но принципиально различным образом.

Вместе с тем сравнительный анализ позволяет зафиксировать и точки соприкосновения двух традиций. И русские, и британские издания признавали историческую значимость отмены крепостного права, пусть и в совершенно различных интерпретационных рамках. И те и другие обращались к теме экономических последствий реформы для хозяйственной жизни страны. Наконец, все пять рассматриваемых изданий в той или иной мере участвовали в формировании исторической памяти об Александре II как о «царе-освободителе» — хотя само это звание на страницах "The Times" звучало несравненно более сдержанно, чем в «Московских ведомостях».

Именно это сочетание принципиальных различий и точек соприкосновения делает сравнительное изучение русской и британской прессы 1856–1861 гг. особенно перспективным: обе традиции, дополняя друг друга, позволяют получить более полное и объемное представление о том, как великие реформы Александра II воспринимались современниками — и теми, кто жил в России, и теми, кто наблюдал за происходящим со стороны.

ГЛАВА 2. ОСВЕЩЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ В ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В данной главе решаются следующие задачи: описание и анализ интерпретации крестьянской реформы 1861 г. газетной периодикой Российской империи — «Московскими ведомостями» и «Санкт-Петербургскими ведомостями» — в политическом контексте России конца 1850-х — начала 1860-х гг.; описание и анализ интерпретации крестьянской реформы 1861 г. газетной периодикой Великобритании — "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph" в политическом контексте российско-британских отношений конца 1850-х — начала 1860-х гг.; сравнительный анализ интерпретации крестьянской реформы в русской и английской печати: выявление общих и различных элементов медийного дискурса и выявление факторов, обусловивших эти сходства и различия.

2.1. Освещение крестьянской реформы в русской печати

В отечественной историографии особое внимание исследователей всегда привлекала проблема влияния крестьянской реформы, проведенной в 1861 г. Александром II, на экономику Российского государства. Ее исследованием занимались как историки XIX — начала XX века, так и советские историки.

Среди исследователей XIX — начала XX века можно выделить Ю. Ф. Самарина — публициста, философа и общественного деятеля, одного из идеологов славянофильства, принимавшего непосредственное участие в подготовке реформы в составе редакционных комиссий[198], — Л. В. Ходского — экономиста и статистика, профессора Санкт-Петербургского университета, специализировавшегося на аграрных вопросах[199], — и многих других. В своих

[198] *Самарин, Ю.Ф.* Собрание сочинений : в 5 т. Т. 4 : Крестьянское дело / сост. А.Н. Николюкина, Т.Ф. Прокопова. СПб. : Росток, 2017. 701 с.

[199] *Ходский, Л.В.* Земля и земледелец : экономическое и статистическое исследование : в 2 т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1891.

трудах они опирались преимущественно на статистические материалы подготовительного периода реформы 1861 г., а также ее реализации.

Среди советских историков наиболее подробным изучением этой темы занимались в середине 60-х гг. XX в. Зайончковский — профессор МГУ, крупнейший специалист по истории реформ Александра II[200] — и Б. Г. Литвак — специалист по истории крестьянства и аграрных преобразований XIX века[201].

Одной из первых систематических работ, посвященных исследованию реализации крестьянской реформы на базе статистических материалов, явился труд Ю. Э. Янсона — русского статистика и экономиста, профессора Санкт-Петербургского университета — «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и повинностях»[202], в котором рассматривался вопрос наличия у крестьян достаточной земельной площади для ведения хозяйства в соотношении с возлагаемыми на них повинностями в виде выкупных платежей[203]. По мнению автора, в России выделяемые крестьянские наделы были не в состоянии обеспечить все потребности этой категории населения[204].

Крестьянской реформе посвящена работа Ходского «Земля и землевладелец»[205]. Первый том освещает теоретические аспекты аграрного вопроса в России и других странах. Во втором томе характеризуются общие положения реформы и сам процесс ее реализации, отдельно отмечается несоответствие выкупных платежей реальной стоимости земельных участков.

---

[200] *Зайончковский, П.А.* Отмена крепостного права в России. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Просвещение, 1968. 368 с.; *Зайончковский, П.А.* Советская историография реформы 1861 г. // Вопросы истории. – 1961. – № 2. – С. 85–104.

[201] *Литвак, Б.Г.* О некоторых спорных вопросах реализации реформы 1861 г. // Исторические записки. – 1961. – Т. 68. – С. 115.

[202] *Янсон, Ю.Э.* Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1877. — VIII, 160, 26 с.

[203] *Зайончковский, П.А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М. : Соцэкгиз, 1958. 470 с.

[204] Там же.

[205] *Ходский, Л.В.* Земля и земледелец : экономическое и статистическое исследование : в 2 т. СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1891.

Автор также отмечал значимость «случайных» причин, таких как душевный склад императора и сподвижников реформы, на процесс реализации реформы по отмене крепостного права. Именно это качество, по мнению Ходского, всколыхнуло общественное сознание и сподвигло русское общество к принятию реформы.

Крестьянская реформа 1861 г. стала для российской периодической печати событием, которое не просто изменило содержание газетных полос, но и перестроило саму природу журналистского высказывания. Впервые в русской истории столь масштабное социальное преобразование разворачивалось на глазах у читающей публики — и при ее непосредственном участии через прессу. Показательно, что трансформация газеты началась еще в ходе подготовки реформы: уже с 1857 г., когда Александр II санкционировал публичное обсуждение крестьянского вопроса, пресса стала постепенно осваивать роль инструмента общественной рефлексии, выйдя за рамки преимущественно информационно-официозной функции, которую она выполняла прежде[206]. Манифест 19 февраля 1861 г. лишь закрепил и ускорил этот процесс. Именно крестьянский вопрос сформировал в России ту модель газетной журналистики — ориентированной на общественную дискуссию, апеллирующей к широкой читательской аудитории и включенной в процесс осмысления государственных преобразований, — которая затем распространилась на освещение судебной реформы, земского движения[207].

---

[206] *Субботина, А.М.* Крестьянская реформа 1861 года в отражении региональной печати (по материалам «Вятских губернских ведомостей») // Научный диалог. – 2021. – № 11. – С. 345. .

[207] См., например, рассуждения редакции о том, что события эпохи «импровизовали у нас политическую печать и возложили на нее нравственную обязанность обсуждать дела и вопросы первостепенной государственной важности»: [Б. а.] [Северная Почта, со свойственным официальной газете лаконизмом, отозвалась в нескольких строчках по случаю возникшего в нашей журналистике вопроса...] // Московские ведомости. – 1865, 25 сент.; [Б. а.] [Какое положение должно быть принято русским общественным мнением в виду событий совершающихся в Европе и так глубоко изменяющих ее лицо?...] // Московские ведомости. – 1866, 29 июля (где подчеркивается, что «новизна русского публичного мнения, русской политической печати придала, весьма естественно, необыкновенное значение нашей деятельности...»); а также статью, где констатируется, что отныне «русское общественное мнение впервые

Как было показано во Введении, «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости» представляли принципиально различные редакционные ориентации — умеренно-либеральную и консервативно-охранительную соответственно, — что предопределило и различие в подходах к освещению крестьянской реформы. «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости» рассматриваются как принципиально различные по редакционной ориентации органы печати эпохи реформ. «Санкт-Петербургские ведомости» в 1863–1874 гг. под редакцией Корша — публициста и общественного деятеля умеренно-либерального направления — утвердились в качестве ведущего умеренно-либерального издания страны, апеллировавшего к образованной читательской аудитории[208].

«Московские ведомости», напротив, после перехода в аренду к Каткову в 1863 г. последовательно эволюционировали в сторону консервативно-охранительного направления: как показано в исследованиях Е. В. Деревягиной и О. С. Кругликовой, Катков целенаправленно выстраивал из газеты рупор государственно-патриотической идеологии, противостоявшей как

возводится на степень законной силы, и празднует теперь свое политическое совершеннолетие»: [Б. а.] [Первым словом освобожденной печати да будет слово хвалы и благодарения Монарху, полагающему свое счастие в том, чтобы видеть русский народ...] // Московские ведомости. – 1865, 3 сент.; См. также: Блохин В. Ф. Российская периодическая провинциальная пресса 1860-х годов: факторы становления // Вестник Брянского государственного университета. — 2019. — № 4. — С. 38.; Бугров А.Ю. Крестьянская реформа 1861 г. в освещении российской и английской газетной прессы // Филология: научные исследования. – 2025. – № 12. – С. 303–320.

[208] См. О постоянной полемике с «С.-Петербургскими ведомостями» и характеристике их как рупора либерализма см., например: [Б. а.] [Вчера мы поспешили передать нашим читателям...] // Московские ведомости. – 1871, 15 марта; о правительственных мерах в отношении лично издателя В. Ф. Корша см. передовицу: [Б. а.] [В официальном отделе № 224 Северной Почты напечатана...] // Московские ведомости. – 1864, 24 окт. О том, как определяли свою и чужую ориентацию сами «Московские ведомости», см.: [Б. а.] [Мы сделаем петербургским газетам для нового года маленькое удовольствие...] // Московские ведомости. – 1864, 1 янв. (где Катков отмечает, что петербургские газеты называют его издание «именно консервативным»); [Б. а.] [В сегодняшней Современной Летописи мы печатаем...] // Московские ведомости. – 1869, 18 янв.; См. Середа Н. Д. Газета «Русские ведомости» в 1860-е – 1870-е гг.: дис. … канд. филол. наук: 10.01.10. — М., 2001. — 253 с.

революционной демократии, так и умеренному либерализму[209]; именно «Московские ведомости» на протяжении всего пореформенного периода оставались главным печатным оппонентом либеральных изданий страны[210].

События и факторы, оказавшие воздействие на реформенные процессы второй половины XIX века, не только определили их дальнейшее развитие, но и породили структурные и иные изменения, так или иначе отразившиеся на всей государственно-правовой системе России. Как справедливо отметил, М. Ф. Владимирский-Буданов, «в истории, как и в природе, ничто вполне не исчезает, более примитивные формы, переходя в другие новые, остаются заметными и в последующем быту»[211].

Осуществление твердого намерения Александра II освободить российских крестьян не могло состояться без его преданных единомышленников, считавших своим долгом реализацию реформы. Наиболее значительный вклад в разработку правовых документов и создание механизма их последовательного исполнения внесли Я. И. Ростовцев (председатель Редакционных комиссий, 1859–1860 гг.), С. С. Ланской (министр внутренних дел с 1855 г. по 1861 гг.), Великий князь Константин Николаевич (брат императора, председатель Главного комитета по крестьянскому делу), Н. А. Милютин, председатель Земского отдела при Центральном статистическом комитете Министерства внутренних дел), А. П. Заблоцкий-Десятовский (директор департамента земледелия Министерства государственных имуществ), Я. А. Соловьев, Д. Н. Блудов (главноуправляющий Второго отделения Собственной Его Императорского

---

[209] *Деревягина, Е.В.* «Московские ведомости» М. Н. Каткова (1863–1887) в русском литературном процессе: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. — Великий Новгород, 2004. — 250 с.; *Кругликова, О.С.* Опыт конструктивного сотрудничества журналистики и власти в пореформенной России: публицистика и общественная деятельность М. Н. Каткова: дис. … канд. филол. наук. — 2008.

[210] *Таймасова, Я.В.* Отношение либеральных публицистов «Русских ведомостей» к правительственным реформам 1860–1870-х гг.: дис. … канд. наук. — 2016.

[211] *Владимирский-Буданов, М.Ф.* Обзор истории русского права. СПб. : Издание книгопродавца Н.Я. Оглобина, 1905. 714 с.

Величества канцелярии, 1862–1864 гг. — председатель Государственного Совета) и др.[212].

Уже в январе-феврале 1861 г., за несколько недель до обнародования Манифеста, обе газеты транслировали нараставшее напряжение. Вся образованная Россия знала, что «крестьянское дело» близится к развязке: Редакционные комиссии завершили работу еще в 1860 г., и Государственный Совет утвердил проект Положений в конце января 1861 г. Однако цензурные условия не позволяли открыто обсуждать содержание готовящегося акта, и газеты были вынуждены прибегать к иносказаниям.

В предреформенные недели «Санкт-Петербургские ведомости» делали упор на «внутренней подготовке» общества к грядущим переменам. Материал от 7 февраля 1861 г. содержал рассуждение о «крестьянском вопросе» как о проблеме не только юридической, но прежде всего нравственной, требующей от дворянства «добровольного самоотречения» [213] во имя общего блага. Еще до обнародования Манифеста в столичной газете задавался тон примирительной, компромиссной трактовки грядущей реформы. Этот нравственный дискурс был свойствен умеренно-либеральному крылу российской журналистики: реформа подавалась не как уступка давлению «снизу» и не как административная целесообразность, а как моральный долг образованного класса перед народом. Подобная интерпретация имела практическое значение: она снимала с повестки вопрос о «вынужденности» реформы и делала ее приемлемой для консервативной части дворянства.

«Санкт-Петербургские ведомости» в номере от 16 февраля 1861 г. опубликовали материалы, содержавшие косвенные намеки на скорое «великое

---

[212] См. *Захарова, Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права в России. М. : РОССПЭН, 2011. — 719 с. (монография специально посвящена деятельности этих лиц в Редакционных комиссиях); *Зайончковский, П.А.* Отмена крепостного права в России. — 3-е изд. М., 1968. — 368 с.

[213] [Б. а.] [О деятельности Редакционных комиссий по крестьянскому делу …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 7 февр.

преобразование»[214]. В номере от 21 февраля столичная газета уже более определенно давала понять, что «крестьянское дело» приближается к развязке, апеллируя к «счастливым переменам», ожидающим российское общество[215]. Характерно, что информация подавалась не через передовую статью (редакция еще не решалась на открытое высказывание), а через «корреспонденцию из Москвы» и «внутренние известия» — формы, допускавшие большую свободу высказывания.

5–6 марта 1861 г. столичная газета опубликовала текст Манифеста 19 февраля и «Положений» в полном объеме. Это был номер 52, ставший, по существу, историческим документом. Публикация текста сопровождалась сдержанным, но торжественным редакционным комментарием. В газете подчеркивалось, что Манифест «призывает сословия к взаимному пониманию» и открывает новую эпоху для «всех верноподданных Государя Императора»[216]. Публикация от 6 марта давала столичному читателю сжатое содержание реформы и подчеркивала, что «около 160 статей» регулируют отношения между помещиками и крестьянами[217].

Передовая статья от 15 марта 1861 г. трактовала Манифест как акт межсословного согласия. Ключевой оборот сохранился: «…великий призыв к единению сословий и согласию по обоюдным интересам…»[218]. Этот тон — примирительный, оптимистический, ставящий акцент не на конфликте, а на компромиссе, — задал позицию газеты на ближайшие месяцы и даже годы. Редакция намеренно отводила внимание аудитории от потерь дворянства (утрата крепостного труда, «отрезки» от крестьянских наделов) и от

---

[214] [Б. а.] [О ходе подготовки крестьянской реформы …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 16 февр.

[215] [Б. а.] [О последних приготовлениях к обнародованию Манифеста …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 21 февр.

[216] [Б. а.] [Телеграммы из губерний о всенародном ликовании по случаю обнародования Манифеста …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 6 марта.

[217] Там же.

[218] [Б. а.] [Описание сцены оглашения Манифеста в церкви …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 15 марта.

ограниченности крестьянских прав (временнообязанное состояние, завышенные платежи) и, наоборот, заостряла внимание читателей на идее общенациональной солидарности. За этим стоял продуманный идеологический расчет: газета выстраивала нарратив национального единства в момент, когда объективно складывавшаяся общественно-политическая обстановка грозила глубоким сословным расколом.

Уже 7 марта, в номере 53, газета поместила подробное разъяснение «Положений о крестьянах», рассчитанное на городского читателя, незнакомого с тонкостями аграрных отношений[219]. Материал делился на тематические блоки: «О правах личных» — перечень гражданских свобод, которые отныне получали крестьяне (право вступать в брак без разрешения помещика, приобретать имущество, обращаться в суд); «О поземельных правах и обязанностях» — разбор земельных наделов и повинностей[220]. Примечательно, что второй, наиболее болезненный раздел в газете подавался подчеркнуто нейтрально, а критика «отрезков» обходилась стороной — сокращения крестьянских наделов в пользу помещиков, которое впоследствии стало одним из главных источников недовольства.

Принятый Александром II манифест от 19 февраля 1861 г. означал освобождение крестьян от крепостной зависимости. В историографии подчеркивается, что реформа впервые в российской практике столь последовательно задала правовые рамки трансформации аграрных отношений и тем самым создала предпосылки для глубоких социально-экономических изменений в деревне. Важной особенностью этого манифеста является фраза, расположенная в его заключении «Осени себя крестным знамением, православный русский народ, и призови Божие благословение на твой

---

[219] *Щербакова, В.А.* Влияние крестьянской реформы 1861 года на аграрный сектор экономики России / В. А. Щербакова, И. М. Кретинин // Аграрная экономика в современных условиях: проблемы и векторы развития: Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Мичуринск, 26 ноября 2024 года. Мичуринск - Наукоград: ЗАО "Университетская книга", 2024. С. 520–522.

[220] [Б. а.] [О ходе подготовки крестьянской реформы …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 16 февр.

свободный труд — залог твоего домашнего благополучия и блага общественного»[221].

Именно эти противоречия — завышенные выкупные платежи, сохранение общинного землевладения и невозможность свободно распоряжаться наделом, по выражению Литвака, — стали одними из главных факторов, не позволивших аграрному сектору выйти на современный технический уровень: в крестьянском хозяйстве продолжали преобладать традиционные орудия и экстенсивные методы обработки земли. Именно эти противоречия стали центральными темами газетной полемики на протяжении всего пореформенного периода. Земельные ресурсы, в которые включались плодородная земля, поля, леса и др., по-прежнему принадлежали помещикам. Освобожденные от зависимости крестьяне могли приобрести участок земли за определенную сумму, с учетом того, что землей теперь распоряжалась сельская община, а не отдельный крестьянский двор.

Община, в свою очередь, имела право распределять земельные наделы между крестьянскими дворами. Существовали определенные правила разделения земель: речь идет о том, что сначала пересчитывали количество мужского населения в определенном дворе, и по его количеству отводился земельный участок для работы. Для того чтобы выкупить землю крестьянину требовалась немалая сумма, которой чаще всего не было, в связи с чем людям приходилось брать ссуду у государства под 6% годовых. Эти деньги необходимо было вернуть в течение 49 лет; как правило, сделать это было крайне сложно.

Номера от 8 и 10 марта 1861 г. (№ 54, 55, 56) были посвящены практическим аспектам: порядку составления уставных грамот, роли мировых посредников и правилам перехода крестьян во временнообязанное состояние. В газете отмечалось, что «на мировых посредников возлагается

---

[221] См. *Федоров, В.А.* (сост.) Конец крепостничества в России: документы, письма, мемуары, статьи. М. : Изд-во МГУ, 1994. С.29!!!!!.

ответственность громадная»[222], и что успех реформы во многом зависит от их личных качеств — честности, знания местных условий, умения вести переговоры. В номере 56 от 10 марта помещалась информация об условиях работы посредников, в том числе и указание на их «безвозмездную» деятельность «из чувства гражданского долга»[223]. По существу, газета выполняла функцию правительственного инструктора, помогая чиновникам и помещикам разобраться в 400-страничном Положении.

С марта по апрель 1861 г. «Санкт-Петербургские ведомости» развернули обширную корреспондентскую сеть, собиравшую свидетельства о реакции крестьян и помещиков на Манифест. Тон этих публикаций заслуживает особого внимания, так как он резко отличался от торжественности мартовских передовиц. Корреспонденты — чаще всего уездные чиновники, земские врачи или священники — писали о том, что видели собственными глазами, и их свидетельства нередко противоречили официальным реляциям.

Корреспонденции рисовали неоднозначную картину. С одной стороны — «радость» и «благодарственные молебны» в деревнях; с другой — непонимание и тревога. Газета приводила свидетельства того, как крестьяне воспринимали «волю»: многие ожидали полного освобождения от всех повинностей и были разочарованы, обнаружив, что временнообязанное состояние мало отличается от прежнего оброка. Характерная сцена: священник зачитывает Манифест на площади, крестьяне слушают с «благоговением», однако, когда доходит до описания повинностей — начинают шептаться: «Это, верно, не все… настоящую грамоту помещик скрыл»[224]. Подобное недоверие к «бумажной воле» — одна из устойчивых черт

---

[222] [Б. а.] [Телеграммы из губерний о всенародном ликовании (продолжение) …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 8 марта.

[223] [Б. а.] [Об оглашении Манифеста и благоговейном поведении народа …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 10 марта.

[224] [Б. а.] [Телеграммы из губерний о всенародном ликовании (продолжение)…] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 7 марта.

крестьянского мировосприятия, зафиксированная газетой уже в первые недели.

Публикация 17 марта 1861 г, содержала описание первых дней «крестьянского дела» в конкретной губернии. Корреспондент перечислял практические вопросы, вставшие перед крестьянами в первые же дни: каков размер надела? что такое «отрезки»? какой оброк? когда и как перейти на выкуп? Корреспондент констатировал: «Подробности Положения таковы, что крестьянину трудно в них разобраться без помощи»[225]. Этим неизбежно пользовались нечестные посредники и помещичьи управляющие, трактовавшие закон в свою пользу.

Газета «Санкт-Петербургские ведомости» в марте–апреле 1861 г. поместила серию корреспонденций из различных губерний, создававших панорамную картину восприятия Манифеста. Московское сообщение от 7 марта гласило: «Москва, 7-го марта 1861 г. Сегодня утром чтение Манифеста во всех церквах, начатое в 10-ть часов. Народ теснился у храмов. Заметно было глубокое волнение, но все обошлось тихо»[226].

В корреспонденции из Москвы 8 марта фиксировались уже более эмоциональные сцены: «Народ собрался толпами, было торжество, и многие плакали». Параллельные известия из Киева, Казани, Саратова рисовали сходную картину: торжественность первого дня сменялась растерянностью второго и третьего, когда крестьяне принимались вникать в детали Положений. Газета намеренно подбирала корреспонденции, подчеркивавшие «спокойствие» и «благодарность», но даже в этой отредактированной подборке проскальзывали тревожные ноты.

К лету 1861 г. оптимизм мартовских номеров сменился более трезвым анализом. «Санкт-Петербургские ведомости» начали публиковать материалы о

---

[225] [Б. а.] [О символизме реформы и роли Императора-Освободителя …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 17 марта.

[226] [Б. а.] [Телеграммы из губерний о всенародном ликовании (продолжение) …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 7 марта.

столкновениях крестьян с помещиками, о неповиновениях и «беспорядках». Характерна корреспонденция из Казанской губернии, где крестьяне, убежденные слухами о «полной воле», отказывались выполнять барщину и «сбивались в толпы, требуя разъяснений от уездных властей»[227]. В Пензенской губернии зафиксированы случаи, когда крестьяне расправлялись с посредниками, отождествляя их с «помещичьими людьми».

В газете описывался типичный механизм «крестьянского обмана»: ложные грамоты, самозваные «толкователи воли», стихийные сходки. При этом, в отличие от консервативных изданий, в петербургской газете причина волнений не сводилась исключительно к «темноте» крестьян. Корреспонденции подчеркивали объективные причины недовольства — непрозрачность процедур, завышенные оброки, произвол отдельных посредников. В газете занимали позицию «критического сочувствия»: реформа поддерживалась, но фиксировались ее изъяны[228].

На протяжении летних и осенних месяцев 1861 г. редакция все пристальнее следила за денежной стороной освобождения. Петербургский обозреватель в разборе законопроекта о пятипроцентных выкупных свидетельствах указывал: казна резервирует порядка ста пятидесяти тысяч рублей для расчетов с землевладельцами[229], однако сам порядок перечисления средств остается непроработанным. Вопрос об источниках финансирования реформы — где государству изыскать необходимые суммы — красной нитью тянулся сквозь публикации второго полугодия и, по существу, предвосхищал центральную экономическую коллизию следующего десятилетия: неподъемную тяжесть выкупных обязательств, возложенных на крестьянское население.

---

[227] [Б. а.] [О росте воскресных школ и общественной инициативы в духе преобразований …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 15 мая.

[228] *Бугров, А.Ю.* Крестьянская реформа 1861 г. в освещении российской и английской газетной прессы // Филология: научные исследования. – 2025. – № 12. – С. 303–320.

[229] [Б. а.] [О юридических казусах и конфликтах в губернских присутствиях по крестьянским делам …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 21 сент.

Итоговый обзор «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1861 г. (номер 277 от 14 декабря) представлял собой первую попытку хронологически упорядочить события. В газете отмечалось, что «народонаселение приняло великое преобразование с тем спокойствием, которое свидетельствует о зрелости духа»; вместе с тем признавалось, что «9-летний переходный период» — лишь начало «крестьянского дела»[230].

Обзор фиксировал 717 населенных пунктов, где прошли «благодарственные молебны», и около 50 случаев «неповиновения». Пропорция выглядела оптимистично, но за каждым «случаем» стояли десятки незафиксированных конфликтов. В материале также упоминался 6-процентный налог на недвижимость, введенный для покрытия расходов на выкупную операцию, — тема, которая станет одной из центральных в публицистике 1870-х гг.

После того, как в 1863 г. Катков получил «Московские ведомости» в аренду, газета сформировала собственный взгляд на крестьянское дело, принципиально несхожий с петербургской трактовкой. Если редакция «Санкт-Петербургских ведомостей» рассматривала освобождение прежде всего через призму общественной справедливости и нравственного долга, то Катков уже в первых выпусках обновленной газеты поставил во главу угла хозяйственную сторону преобразований. Он воспринимал отмену крепостной зависимости не как торжество гуманистического идеала, а как грандиозную по масштабу фискально-кредитную перестройку, нуждавшуюся в трезвом, статистическом обосновании, а никак не в возвышенной риторике. Данный метод — выстраивание политических суждений на основе экономического разбора — утвердился в качестве отличительной черты «Московских ведомостей» на весь период, пока газету возглавлял Катков.

Программная статья от 23 ноября 1863 г. задала тон всей последующей дискуссии. Масштабы реформы характеризовались как грандиозные:

---

[230] [Б. а.] [О действиях помещика Остолопова в Ярославской губернии и противоречии его уставной грамоты «Положению» …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 12 дек.

«Создание десяти миллионов собственников, мобилизирование слишком 30 млн десятин земли, обращенной в миллиард рублей серебром движимого капитала, — это явления несомненно крупные»[231].

За восхищением масштабов скрывалась серьезная тревога. В статьях редакции Каткова выражалась обеспокоенность судьбой дворянского землевладения. Главный риск виделся в возможной инфляции, которая могла бы обесценить выкупные свидетельства — по существу, государственные облигации, выдаваемые помещикам вместо «живых денег»: «Если... цена кредитного рубля понизилась до половины..., то русский землевладельческий класс потерял бы безвозвратно не менее половины миллиарда рублей серебром»[232].

Опасения землевладельцев имели под собой вполне осязаемые основания. Согласно сведениям, приведенным газетой к 1 ноября 1863 г., совокупный долг крестьянского населения за полученные наделы достиг 77 538 670 руб. 19 коп. — цифры, которые публицисты той поры сопоставляли с ежегодным бюджетом небольшого европейского государства[233]. Редакция ставила проблему без обиняков: существуют ли действенные гарантии того, что сельские общества погасят обязательства, и не утратит ли накопленная задолженность реальную стоимость на протяжении растянутой во времени выкупной операции? Помещики, воспринимавшие выкупные свидетельства как эквивалент наличного капитала, расценивали отсутствие ответа на данный вопрос как прямую угрозу своему благосостоянию.

Важнейшим идеологическим сюжетом страниц «Московских ведомостей» в 1863–1864 гг. стала полемика со славянофилами — прежде

---

[231] [Б. а.] [Посредничество правительства при выкупе крестьянами их надела …] // Московские ведомости. – 1863, 23 ноя.

[232] Там же.

[233] Там же.

всего с Ю. Ф. Самариным[234] и газетой «День» И. С. Аксакова[235]. Предметом спора была крестьянская община[236]: славянофилы видели в ней самобытный русский институт, залог нравственного здоровья народа; Катков и его авторы — пережиток, тормозящий экономическое развитие. Для славянофилов община воплощала «соборность» — коллективное начало, противоположное западному индивидуализму. Для Каткова она была формой «социализма», препятствующей формированию ответственного собственника. Позиция «Московских ведомостей» была сформулирована с предельной ясностью: «Закон 19-го февраля не закрепил навсегда общинного землевладения... и этому мы радуемся»[237].

Редакция отстаивала путь к частной собственности и индивидуальной ответственности. В том же номере отстаивался институт мировых посредников: доказывалось, что он органично вытекает из Положений 19 февраля, вопреки критике оппонентов, считавших его бюрократическим наростом на теле крестьянского самоуправления. Для «Московских ведомостей» посредник — не чиновник, а представитель «образованного общества», содействующий переходу к самостоятельности.

Программная статья конца 1863 г. сформулировала редакционный принцип — приоритет практики над теорией: «В преобразованиях необходимо различать две вещи: руководящее чувство и практическое исполнение» [238]. В

---

[234] *Соболева, Н.А.* Ю.Ф. Самарин и А.И. Герцен: два взгляда на диалог культур / Н. А. Соболева // Проблемы управления в социально-гуманитарных, экономических и технических системах : Одиннадцатый ежегодный сборник научных трудов преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов факультета управления и социальных коммуникаций ТвГТУ. Тверь : Тверской государственный технический университет, 2023. С. 38–45. .

[235] *Фетисенко, О.Л.* К истории газеты «День»: неизвестные письма И.С. Аксакова Н.П. Игнатьеву (1863 г.) / О. Л. Фетисенко // Соловьевские исследования. – 2023. – № 3(79). – С. 107–119. .

[236] *Казанина, Л.Ю.* От сельской общины к аграрно-крестьянской реформе 1906-1911 гг.: концепция П.А. Столыпина / Л. Ю. Казанина, Н. Г. Шурухнов // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – Т. 15, № 5. – С. 213–218. .

[237] *Катков, М.Н.* Возражение на статью Самарина и Кошелева в газете «День» по вопросу об общинном землевладении и круговой поруке // Московские ведомости. – 1864, 3 апр.

[238] [Б. а.] Условия плодотворности реформ // Московские ведомости. – 1863, 31 дек.

издании содержалось предостережение от увлечения реформами ради самого процесса и призыв к ответственности: «Наше поколение держит в своих руках историческую будущность русского народа». Этот тезис означал: реформы необходимы, но проводить их следует осмотрительно, с оглядкой на практические последствия.

В 1866 г. внимание «Московских ведомостей» привлек вопрос о государственных крестьянах — категории населения, которая формально не была крепостной, но находилась под опекой Министерства государственных имуществ. Их положение во многих отношениях напоминало крепостное: паспортные ограничения, рекрутская повинность, зависимость от казенного управления. Передача в ведение общих учреждений рассматривалась как шаг к гражданскому равноправию.

Статья от 21 февраля 1866 г. проводила параллель: «При крепостном праве человек подлежащий ему рассматривается как принадлежность земли... Кто распоряжается землей, тот управляет и населением... Крепостное право было тоже своего рода опекой». В издании утверждалось, что реформа 1866 г. предоставляет государственным крестьянам возможность «почувствовать себя более чем прежде на своих ногах». Для «Московских ведомостей» речь шла об упразднении последних элементов опеки[239].

Номера «Санкт-Петербургских ведомостей» за март 1865 г. представляют собой ценный источник по ранней земской истории. Учреждение земств (по Положению 1 января 1864 г.) непосредственно вытекало из реформы 1861 г.: освобожденные крестьяне нуждались в местном самоуправлении, а помещики — в новых формах хозяйственной координации. Земство сделалось тем институтом, где впервые — пусть и в ограниченном виде — встретились представители различных сословий для решения общих хозяйственных задач.

---

[239] [Б. а.] Переход государственных крестьян в ведение губернских и земских учреждений // Московские ведомости. – 1866, 21 фев.

В номере от 4 марта 1865 г. газета опубликовала подробный отчет о составе первого земского собрания — 255 гласных. Социальный состав был красноречив: дворяне — 120 человек (47,1%), крестьяне — 89 (34,9%), купцы — 27 (10,6%), духовенство — 11 (4,3%), мещане — 6 (2,4%)[240]. В газете содержался оптимистичный комментарий: «Новый орган самоуправления, при всем дворянском преобладании, дал голос и крестьянству». Впрочем, 89 крестьянских гласных из 255 — чуть более трети — в условиях зависимости от помещиков и давления уездных начальников вряд ли составляли реальную оппозицию. Механизм куриальных выборов[241] обеспечивал дворянству доминирование.

Номер от 6 марта 1865 г. содержал острую дискуссию о крестьянском образовании. Земцы спорили о школах в деревнях: «Просвещение народа есть одна из первейших обязанностей земства... Между тем, кого обучаем? Где те учителя, которые подготовлены для сельских школ?»[242].

Публикация от 8 марта 1865 г. сравнивала крестьянское землевладение в Прибалтийских губерниях, где крепостное право отменили в 1816–1819 гг. без земли, с центральной Россией. В остзейских губерниях надел составлял 4,5–6,5 десятин, а доходность была существенно выше за счет интенсивного хозяйства[243]. В этом материале — раннем примере сравнительного аграрного анализа в русской прессе — ставился неудобный вопрос: не важнее ли агрокультура, чем размер надела?

В газете с тревогой констатировалось, что земства с первых же дней погрязли в прениях о жалованьях и «раскладке» повинностей, отодвинув на

---

[240] [Б. а.] О ходе выкупной операции и финансовых отчетах // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 4 марта.

[241] *Шутов, А.Ю.* Земский избирательный процесс в России (1864–1917) : дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02. М., 1999. 403 с.

[242] [Б. а.] О борьбе против принципа неотчуждаемости крестьянских наделов // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 6 марта.

[243] [Б. а.] О свободе передвижения крестьян и критике общинных ограничений // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 8 марта.

второй план вопросы реального развития[244]. Первоначальная эйфория быстро сменилась фиксацией неэффективности, бюрократизма и местных политических дрязг. Так, при оценке первых результатов ярославских собраний в издании с горечью отмечались партийные конфликты: «всюду только и видишь, что следы затаенной и непримиримой вражды», и ставился пессимистичный вопрос: «Долго-ли будут скользить по одной поверхности эти бесследные явления, как земство?»[245]. Практическая же деятельность новых органов нередко сводилась к бессмысленному делопроизводству: как сообщали корреспонденты с мест, финансовые отчеты управ оказывались «до такой степени неполные, запутанные и неверные, что собрание ... не могло получить точных сведений»[246].

Основная тяжесть земских сборов ложилась на крестьян, тогда как помещики использовали лазейки для уклонения от них[247].

Неурожай и голод 1868 г. дали газете повод поставить фундаментальный вопрос о мобильности рабочей силы. Редакция Каткова усматривала в голоде не «карательное предупреждение Промысла», а следствие конкретной институциональной проблемы: крестьяне прикреплены к земле паспортной системой и круговой порукой. «Нынешний голодный год будет в прок нам, если представит... необходимость серьезно подумать о неправильном распределении народонаселения России»[248].

Редакция «Московских ведомостей» последовательно выступала с критикой подушной подати, считая «нелепым предрассудком» мнение о необходимости удерживать народ в искусственных стеснениях из опасения,

---

[244] [Б. а.] Земское дело. Продолжаем отчет о заседаниях Костромского губернского собрания // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 24 марта.

[245] [Б. а.] Земское дело в Ярославской губернии. Корреспонденция «Спб. Ведомостей» // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 25 апр.

[246] *Слетов, Н.* Логика тамбовского губернского земского собрания // Санкт-Петербургские ведомости. – 1869, 21 июля.

[247] [Б. а.] О деятельности земских собраний // Санкт-Петербургские ведомости. – 1866, 2 мая.

[248] [Б. а.] Передвижение населения // Московские ведомости. – 1868, 22 янв.

будто крестьяне «неспособны сами оградить себя от нищеты». В редакции газеты раскрывали парадокс, ставший системным для пореформенной России: официальные круги оправдывали фискальную опеку мнимой бедностью населения, в то время как, по убеждению издания, именно «фискальные и другие стеснения» лишали людей гражданской свободы и удерживали их в состоянии «действительной нищеты». С точки зрения редакции, освобождение личности от этих пережитков прошлого было единственным путем к росту народного благосостояния[249].

Одновременно газета обращалась к теме 1870 г. — рубежа, когда истекает 9-летний период обязательного пользования наделом: «С 19-го февраля 1870 г. откроется новый, второй период освобождения — вольный переход... С этого только срока русский крестьянин выйдет на полную волю»[250].

Антиобщинный пафос достигал максимума в статье от 2 сентября 1868 г., где попытки «общественных запашек» назывались «движением попятным» в сторону «бездны коммунизма»[251]. Газета различала «свободную ассоциацию» (добровольные кооперативы) и «ассоциацию вынудительную» (общину), называя вторую «социализмом»[252]. Любопытно, что эту антиобщинную риторику десятилетие спустя сменит совсем иная — охранительная, утверждающая общину как оплот стабильности.

В «Московских ведомостях» параллельно звучала критика круговой поруки — системы, при которой все сельское общество отвечало за долги каждого члена. Статья от 6 ноября 1869 г.: «Круговая порука... содействует в

---

[249] Там же.

[250] [Б. а.] Передвижение населения // Московские ведомости. – 1868, 27 апр.

[251] *Воробьева, Л.В.* Пореформенная русская крестьянская община как юридический феномен, 1861–1905 гг.: историко-правовое исследование : дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. 193 с.

[252] [Б. а.] Общественные запашки // Московские ведомости. – 1868, 2 сен.

некоторой степени развитию недоимок... многие крестьяне и целые общества совершенно разорились»[253].

Газета доказывала, что круговая порука ведет к «деспотическому обращению с имуществом и личностью каждого односельца» со стороны деревенского мира (общины). «Московские ведомости» выступали за личную налоговую ответственность как предпосылку частной собственности. В мае 1869 г. газета полемизировала с «Вестью» о разорении крестьянства, ссылаясь на статистику: из 107,7 млн рублей оклада собрано 106,7 млн — недобор менее 1%: «Неужели можно признать за разоренную страну, которая вносит подати с таким ничтожным недобором?»[254]. Однако за формальной «исправностью» стояли изъятия имущества и продажа скота.

Расходы земств в 1867 г. составили 17 257 тыс. руб. при бюджете в 6,5 млн: «За 30 месяцев расходная часть выросла втрое, а доходная отстает»[255]. Из 361 уездного земства только 13 имели безупречные отчеты.

В мае 1869 г. «Санкт-Петербургские ведомости» опубликовали корреспонденцию из Чистопольского уезда Казанской губернии, описывавшую, как крестьяне попадали в кабалу при аренде мельниц, подписывая договоры, которые не могли прочитать[256]. В июне того же года в газете фиксировался поток дел о побоях жен в мировых судах — «солдатские жены», привыкшие к самостоятельности за годы службы мужей, не могли ужиться с вернувшимися «билетерами»[257]. Эти бытовые детали бесценны для реконструкции повседневности пореформенной деревни.

---

[253] [Б. а.] Способ обеспечения исправного поступления вновь проектируемых налогов. Вред круговой поруки // Московские ведомости. – 1869, 6 ноя.

[254] [Б. а.] Успехи производительности и торговли после реформы 1861 года и следовавших за ней // Московские ведомости. – 1869, 5 мая.

[255] [Б. а.] О свободе миграции как ключе к преодолению отсталости // Санкт-Петербургские ведомости. – 1869, 23 мая.

[256] Там же.

[257] [Б. а.] О необходимости отмены подушной подати и барьеров для переселения // Санкт-Петербургские ведомости. – 1869, 21 июня.

Центральным сюжетом февраля 1870 г. стал скандал в Холмском уезде Псковской губернии. Управа отказала голодающим крестьянам в хлебе, требуя «наличныя деньги», а закупленная мука оказалась гнилой. Губернское собрание предало управу суду[258]. Параллельно фиксировалась дискуссия о стратегии народного образования: Новгородское земство решило «вносить свет именно туда, где его нет» — в самые бедные уезды[259].

В черноземных губерниях выкуп практически остановился. Менялся и характер сделок: если в начале преобладали добровольные, то к 1870-м — обязательные требования помещиков (23 269 против 19 638 добровольных)[260]. Помещики центральных губерний стремились развязаться с крестьянами.

«Санкт-Петербургские ведомости» в январе 1870 г. приводили данные по Юго-Западному краю: из 7 416 актов утверждено 6 392 (85%):
«…дело об обязательном выкупе крестьянских земель очень близко к окончанию в юго-западном крае»[261].

Параллельно фиксировались 4 913 «отводов» земли обратно крестьянам. Корреспонденция из Киева от 17 января 1870 г.: «Крестьяне сделались почти все уже собственниками, хотя и не везде на одинаковых основаниях»[262]. Разница между «почти собственниками» Юго-Запада и обремененными выкупом крестьянами Центра была колоссальной.

В 1872–1873 гг. правительство провело масштабное исследование — Комиссию П. А. Валуева, привлекшую 181 эксперта. «Московские ведомости» подробно освещали работу: «Обязательные платежи крестьян за приобретение и пользование землею доходят до 95 милл. рублей... Местами даже в

---

[258] [Б. а.] О необходимости углубления экономических реформ // Санкт-Петербургские ведомости. – 1870, 20 февр.

[259] [Б. а.] О проблемах «второго действительного освобождения» крестьян // Санкт-Петербургские ведомости. – 1870, 12 февр.

[260] Там же.

[261] [Б. а.] О финансовых результатах выкупной операции // Санкт-Петербургские ведомости. – 1870, 20 янв.

[262] [Б. а.] Об итогах почти десятилетней реализации крестьянской реформы // Санкт-Петербургские ведомости. – 1870, 17 янв.

черноземной полосе сумма всех платежей превышает доходность земли в пять раз»[263].

Диспропорция: государственные крестьяне платили 64 коп./десятина, бывшие помещичьи — 1 руб. 87 коп./десятина. В ряде местностей «надел не только не дает средств к уплате лежащих на нем повинностей, но даже не в состоянии прокормить крестьянина с семьею»[264]. Газета, при всей сочувственности к дворянским интересам, признавала необходимость снижения и выравнивания платежей. Данные Валуевской комиссии стали переломным моментом в дискуссии: отныне говорить о «благополучии» крестьянства можно было только вопреки фактам.

«Московские ведомости» систематически публиковали данные о ходе выкупной операции — пожалуй, единственное издание, которое делало это с такой детализацией. Для газеты выкупная статистика была не только информацией, но и инструментом аргументации: цифры позволяли доказывать (или опровергать) тезисы о «разорении» или «процветании» крестьянства.

Номер от 21 февраля 1874 г. (№ 46) представил итог за 12 лет: 1862 г. — 193 161 душа; 1863 г. — 263 019; 1864 г. — 964 278 (пик); 1872 г. — 192 579; 1873 г. — 180 389[265]. Динамика красноречива: бурный рост первых лет, когда крестьяне торопились закрепить за собой наделы, сменился затуханием — свидетельство экономического истощения. «Ход выкупа... снова потом замедлился, и это замедление в прошлом году еще усилилось»[266].

В «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1875 г. приводилась цифра: «… прямые и косвенные налоги составят более 431 млн руб. серебром» [267]. Если в

---

[263] [Б. а.] Несколько замечаний по поводу указаний комиссии о положении сельского хозяйства и сельской промышленности // Московские ведомости. – 1873, 25 июн.

[264] Там же.

[265] [Б. а.] Сопоставление ведомости о положении выкупной операции по 1-е февраля 1874 года и ведомости о земских расходах за 1869–1871 гг. Вопрос об управлении мировых посредников // Московские ведомости. – 1874, 21 фев.

[266] Там же.

[267] [Б. а.] О подведении итогов выкупной операции // Санкт-Петербургские ведомости. – 1875, 23 дек.

1861 г. тон обеих газет был оптимистичен, то к середине 1870-х дискурс сместился к обсуждению «обремененности народа.

19 февраля 1870 г. истек 9-летний срок «временнообязанного» состояния. Крестьяне получали право отказываться от надела и свободно переселяться. Либеральная пресса надеялась на «второе освобождение», реакционная — опасалась хаоса. В «Московских ведомостях» констатировали: «Повсеместно прошло у нас не только спокойно, но почти вовсе не заметно... Ни откуда не слышно, чтоб община возвращала владельцам значительную часть отведенной ей в пользование земли»[268].

В газете это интерпретировалось как победа «здравого смысла народа». Редакция противопоставляла спокойный ход событий двум крайностям, которые, по ее оценке, одинаково дискредитировали себя: с одной стороны — панике «лжеконсерваторов», пророчивших массовое бегство крестьян с земли и распад хозяйственного уклада; с другой — расчетам революционных радикалов, рассчитывавших использовать истечение срока временнообязанного состояния как повод для народного брожения. В этом контексте в «Московских ведомостях» особо упоминали «дружину таинственного Нечаева» — отсылка к делу С. Г. Нечаева, чья организация «Народная расправа» была раскрыта в 1869–1870 гг. и стала в глазах охранительной прессы символом революционной авантюры, паразитировавшей на крестьянском вопросе[269]. Февраль 1870 г. не принес ни хаоса, которого боялись одни, ни восстания, которого ждали другие, — и в газете это было зафиксировано как подтверждение собственной редакционной правоты[270]. В «Санкт-Петербургских ведомостях» фиксировали параллельные данные: средний надел в 1870 г. составлял 7–8 десятин, цена земли — около

---

[268] [Б. а.] Ведомость о выкупной операции // Московские ведомости. – 1870, 27 апр.

[269] *Перевалова, Е.В.* Нечаев С. Г. и «нечаевское дело» в оценке газеты «Московские ведомости» // Медиаскоп. – 2014. – № 4. URL: http://www.mediascope.ru/1596. см. также: Троицкий Н. А. Политические процессы в России 1871–1887 гг. Саратов, 2003.

[270] Там же.

11,75 руб./десятина, стоимость выкупа превышала рыночную в полтора раза[271]. Крестьянин оставался на наделе не потому, что был доволен, а потому, что деваться было некуда. В обоих изданиях поддержали упразднение мировых посредников: «Институт мировых посредников отслужил свою службу... Расходы на это учреждение не окупаются соответственной пользой» [272].

В газете предлагалось передать судебные функции мировым судьям, административные — земствам. В 1874 г. (№ 200) в газете было признано окончательное вырождение: «Грехи крестьянского управления идут от первых времен освобождения»[273]. Институт, который должен был стать «совестью реформы», превратился в бюрократическую рутину.

Одной из самых острых тем в начале 1870-х была критика волостных судов — сословного крестьянского института, сохранявшего телесные наказания — розги: «Русский крестьянин, лишь потому что он крестьянин, остается под розгой... У правильных судов... отнято право налагать телесные наказания, но оно предоставлено безграмотным членам волостных судов»[274].

Газета, опираясь на доклад Московского земства, требовала подчинить крестьян общему мировому суду. Это требование — важный индикатор: в начале 1870-х «Московские ведомости» еще стоят на либеральных позициях, выступая за правовое равенство. Волостной суд, задуманный как форма самоуправления, на практике превратился в инструмент произвола сельских старост и «горланов», державших деревню в подчинении не законом, а кулаком.

---

[271] [Б. а.] Об экономических последствиях реформы для крестьянства // Санкт-Петербургские ведомости. – 1870, 10 февр.

[272] [Б. а.] К вопросу о предстоящем окончании деятельности мировых судей // Московские ведомости. – 1870, 12 мар.

[273] [Б. а.] Упразднение должности мировых посредников // Московские ведомости. – 1874, 10 авг.

[274] [Б. а.] Заявление московской земской комиссии о необходимости поставить крестьян под охрану мирового суда. Недостатки волостных судов. Вопрос о телесных наказаниях для крестьянства // Московские ведомости. – 1871, 26 июн.

В 1875 г. в «Московских ведомостях» освещали работу Комиссии по найму рабочих. Помещики требовали «рабочих книжек» и кар за самовольный уход. В газете заняли прогрессивную позицию: «Установить отдачу неисправных рабочих... хозяевам... значило бы узаконить принудительный труд в самой ненавистной его форме»[275].

В газете анализировался циркуляр МВД от 28 июня 1875 г., ограничивший произвол волостных правлений, которые отзывали крестьян-отходников из городов[276]. Паспортная система оставалась одним из главных тормозов экономического развития: крестьянин не мог уехать в город без разрешения общины, а община не давала разрешения, пока он не уплатит все подати — часто непосильные.

В октябре 1874 г. «Московские ведомости» опубликовали разбор очерков А. А. Фета — поэта и мирового судьи: «Поток убийств и воровства... раскрывать преступления и ловить воров большею частию некому»[277].

Картина: бессилие полиции (становые завалены бумагами); рост поджогов; неэффективность волостных судов (конокрада оправдывали, угостив водкой). Свидетельства Фета, практика, а не кабинетного публициста, показывали вакуум власти в деревне. Помещик утратил полицейские функции, государство не создало замены. Этот вакуум станет одним из ключевых аргументов в пользу контрреформ.

18 февраля 1880 г. «Московские ведомости» подвели итог эпохе. В газете признавалось, что реформа разбудила и «крамолу». Сквозная мысль — тоска по «благоразумному помещику»: «Нельзя не заметить пробела... выражающегося в отсутствии таких учреждений, которые могли бы заменить

---

[275] [Б. а.] Комиссия стат-секретаря П.А. Валуева. Статья И.В. Кристи: «Голос сельского хозяина о рабочем вопросе» и г. Ковано «Заметка по вопросу о найме сельских рабочих и служителей» // Московские ведомости. – 1875, 14 фев.

[276] [Б. а.] Община как тормоз к улучшению крестьянского быта. Благостное значение циркуляра о порядке вызова на родину крестьян, находящихся в отлучке по паспортам // Московские ведомости. – 1875, 11 июл.

[277] [Б. а.] Неурядица и безразличие в нашем сельском быту // Московские ведомости. – 1874, 16 окт.

благоразумного помещика, поддерживавшего крестьян в их борьбе с несчастными случайностями»[278].

Крестьянское самоуправление характеризовалось как коррумпированное: «наглая эксплуатация крестьян органами крестьянского управления»[279]. Это был прямой призыв к созданию института «земских начальников». В газете описывалась деградация хозяйства в Самарской губернии: «Распашка целинных степей дала было богатые урожаи, но без навоза и севооборота земля истощилась; крестьяне бросают наделы и уходят в работники»[280].

28 декабря 1881 г. — указы об обязательном выкупе и понижении платежей. В «Московских ведомостях» приветствовали: «временнообязанные отношения — анахронизм, несущий отпечаток отошедшего в вечность крепостного права»[281]. Понижение на 12 млн руб./год рассматривалось как «благодеяние», но в газете признавалось, что в нечерноземных губерниях платежи превышали доходность. Предлагалось списать недоимки.

Обязательный выкуп лишил помещиков «дополнительных платежей» 20–25% суммы при добровольных сделках. В газете выражалась обида помещиков: «Следует ли отказывать в справедливом русском поместному дворянству?»[282].

Приводился пример курского помещика, теряющего треть дохода. Номер от 25 ноября 1881 (№ 328) содержал подробные расчеты: из 13 млн рублей «дополнительных платежей» около 5 млн приходились на нечерноземные губернии, где помещики и так были разорены. Тем не менее, редакция встала

---

[278] [Б. а.] Несколько слов по поводу статьи П. В. «Крестьянское дело и его современная постановка» // Московские ведомости. – 1880, 4 сен.

[279] Там же.

[280] [Б. а.] Несколько слов по поводу статьи П. В. «Крестьянское дело и его современная постановка» (продолжение) // Московские ведомости. – 1880, 9 сент.

[281] [Б. а.] Об обязательном выкупе наделов крестьянами // Московские ведомости. – 1881, 19 ноя.

[282] [Б. а.] Неопределенность оснований обязательного выкупа // Московские ведомости. – 1881, 25 ноя.

на сторону государства: приоритетом объявлялись спокойствие деревни и платежеспособность крестьян.

Статья от 14 января 1881 г. сравнивала: крестьянин Тамбовской губернии с 12 десятинами чернозема едва сводил концы с концами; крестьянин герцогства Нассау с 9 десятинами суглинка имел 456 руб./год: «Двенадцать десятин не обеспечивают существования крестьянской семьи, которая бьется на них как рыба об лед»[283].

Газета выступала против «прирезок» и за интенсификацию — то есть предлагала не социальный, а технологический ответ на кризис. Этот тезис определит «катковскую» программу в полной мере: никакого передела, никакого расширения наделов за счет помещичьих земель — только удобрения, севооборот и агрономическое образование. Летом 1881 г. крестьяне Полтавской губернии, поверившие слухам, застряли в Москве: «Расположились они прямо на мостовой... у многих нет никаких средств»[284].

В газете критиковалась власть: «Дело это требует осмысленного и живого к нему отношения»[285]. В номере 191 (июль 1881) описывались «кочующие малороссы», достигшие Оренбурга и обнаружившие, что обещанных земель нет[286]. В 1882 г. в газете переселения были названы «миражом»: «наша беда не в густоте, а в чрезмерной редкости населения». Переселения рассматривались как бегство от интенсификации.

Статья от 1 июля 1883 г. (№ 181) описывала случай в Калужской губернии: спустя 22 года после реформы в имении не была введена уставная грамота, крестьяне не знали прав, недоимки превышали стоимость надела[287]. Газета требовала исполнять закон. Этот пример — не единичный: в масштабах

---

[283] [Б. а.] Причина объединения крестьян заключается не в малом наделе, а в недостатке эксплуатации земли // Московские ведомости. – 1881, 14 янв.

[284] [Б. а.] Наши переселенцы на Амуре // Московские ведомости. – 1881, 12 июн.

[285] [Б. а.] Наши переселенцы // Московские ведомости. – 1881, 11 июл.

[286] Там же.

[287] [Б. а.] Недостатки нашего устава гражданского судопроизводства // Московские ведомости. – 1883, 1 июл.

империи сотни населенных пунктов продолжали жить «по старинке», де-юре освобожденные, де-факто — в бесправии.

Юбилейная статья Каткова, приуроченная к 100-летию Жалованной грамоты дворянству (20 апреля 1885 г., № 119), выступает в качестве программного документа, в котором кристаллизовались идеи позднего консерватизма об органическом строе России. Центральным элементом этой концепции является переосмысление крепостного права не как института личной зависимости, а как «земской крепости Русского Государства», обеспечивавшей неразрывное единство крестьян и помещиков под эгидой самодержавия[288]. По мнению автора, до 1861 г. дворянство выступало в роли «органического органа» власти, осуществлявшего государственную опеку над сельским населением.

Необходимость возврата к этой модели в «модернизированной» форме обосновывалась Катковым через критику пореформенного состояния деревни. На протяжении начала 1880-х гг. «Московские ведомости» систематически фиксировали «административный беспорядок» и «безобразие» в крестьянском управлении, возникшие вследствие устранения дворянского надзора. Публицисты издания указывали на рост недоимок, эксплуатацию крестьян «мироедами» и общий упадок хозяйства, что трактовалось как результат искусственного разделения сословий.

В этом контексте призыв Каткова к созданию «нового единства» и превращению дворянства в активный «земский элемент» служил прямой идеологической подготовкой к законодательным изменениям. Предложенная им модель «нового устройства нашего земства», основанная на союзе самодержавия и дворянства, получила законодательное воплощение в законе о земских начальниках 1889 г. Данная мера фактически реализовала катковский запрос на восстановление административно-судебной власти помещика над деревней, институционализировав роль дворянина как государственного

---

[288] [Б. а.] Столетняя годовщина дворянской грамоты. Статья «Московских ведомостей» о розни между дворянством и крестьянством в 1863 году // Московские ведомости. – 1885, 20 апр.

попечителя, обязанного поддерживать «порядок и мир» в сельской общине. Таким образом, концепция 1885 г. стала теоретическим фундаментом контрреформы 1889 г., призванной устранить вакуум власти в провинции через реставрацию сословной иерархии.

Первый этап (1861–1865) — консенсус. В освещении крестьянской реформы обе газеты поддерживали преобразование, различен лишь стиль: «Санкт-Петербургские ведомости» — «единение сословий» и нравственный пафос; «Московские ведомости» — финансовый анализ и прагматизм. Разногласия заключались в нюансах подачи, не в принципиальной оценке реформы[289].

Второй этап (1866–1873) — критический анализ хода реформы. «Санкт-Петербургские ведомости» обращают внимание на «болезни роста» земств как института, порожденного реформой, продовольственные кризисы в пореформенной деревне, сохраняющееся бесправие крестьян. «Московские ведомости» сосредотачиваются на институциональных изъянах реформы: круговая порука, паспортные ограничения, отсутствие частной собственности на землю[290].

Третий этап (1874–1880) — расхождение в оценках последствий реформы. «Московские ведомости» дрейфуют от либерализма к консерватизму: редакция все настойчивее указывала на то, что реформа породила «властный пробел» в деревне — прежняя власть помещика над крестьянами была упразднена, однако равноценной государственной власти на местах создано не было, что порождало, по мнению газеты, безначалие и угрозу социального хаоса. «Санкт-Петербургские ведомости» оставались на

---

[289] См. также *Деревягина Е. В.* «Московские ведомости» М. Н. Каткова (1863–1887) в русском литературном процессе: дис. … канд. филол. наук. — Великий Новгород, 2004. — С. 20–26.

[290] См. также *Кругликова О. С.* Опыт конструктивного сотрудничества журналистики и власти в пореформенной России: публицистика и общественная деятельность М. Н. Каткова: дис. … канд. филол. наук. — 2008.

умеренно-либеральных позициях, отстаивая земское самоуправление как органичное продолжение реформы 1861 г.

Четвертый этап (1881–1885) — программа ревизии итогов реформы в «Московских ведомостях». Реформа 1861 г. принимается как «свершившийся факт», но ее либеральное продолжение отвергается. Редакция настаивала на триаде мер: сохранение крестьян на местах, усиление помещичьей власти над общиной, государственная опека над пореформенной деревней.

Сравнение тематических приоритетов двух газет в освещении реформы показывает устойчивые различия. В вопросе Манифеста 1861 г. «Московские ведомости» сосредоточились на финансовых последствиях и выкупной операции, тогда как «Санкт-Петербургские ведомости» — на «единении сословий» и нравственном пафосе освобождения. В вопросе общины — одного из ключевых институтов реформы — позиции расходились еще заметнее: в московском издании община называлась пережитком, ведущим к деградации частного крестьянского хозяйства и тормозящим развитие пореформенной деревни, в петербургском — нейтрально освещались дебаты без столь определенной позиции.

В земском вопросе, неотделимом от крестьянской реформы как ее прямом продолжении, в «Московских ведомостях» критиковали бюрократизацию земств и выступали за передачу их функций профессионалам; в «Санкт-Петербургских ведомостях» детально описывали «болезни роста», сохраняя веру в земское самоуправление как институт. По выкупным платежам — центральному финансовому механизму реформы — позиция «Московских ведомостей» была двойственной: защита дворянских интересов сочеталась с признанием, что для крестьян эта ноша непосильна. В «Санкт-Петербургских ведомостях» последовательно заостряли внимание аудитории на том, что крестьяне не могут справиться с такими обязательствами[291].

---

[291] См. также Субботина А. М. Крестьянская реформа 1861 года в отражении региональной печати // Научный диалог. — 2021. — № 11. — С. 472.

В вопросе о волостных судах — пореформенном институте, призванном урегулировать крестьянский правопорядок, — обе газеты были единодушны в критике, однако расставляли акценты по-разному. В «Московских ведомостях» характеризовали сосуществование двух параллельных правовых систем — общегражданской и волостной — как «чудовищную аномалию», несовместимую с правовым единством государства. В «Санкт-Петербургских ведомостях» делали упор на практических последствиях: крестьянин, судимый по обычаю, а не по закону, обречен на «правовую неграмотность», которую не преодолеть без реформы самого волостного суда. По вопросу о переселениях — явлении, порожденном реформой и освобождением крестьян от крепостной привязанности к земле, — расхождение носило более принципиальный характер: в «Московских ведомостях» видели в стихийном переселении угрозу хозяйственному укладу и выступали за интенсификацию земледелия на уже освоенных землях; в «Санкт-Петербургских ведомостях» подходили к той же теме через конкретные судьбы — публикуя корреспонденции о семьях, разорившихся в дороге, о деревнях, обезлюдевших за одно лето. Наконец, в вопросе контрреформ различие стало принципиальным: в «Московских ведомостях» разрабатывали программу «твердой власти» как коррекции итогов 1861 г. — усиление административного контроля над крестьянством, ограничение земского самоуправления, возврат к опекунской роли государства; в «Санкт-Петербургских ведомостях», напротив, отстаивали земское самоуправление как завоевание реформы, не подлежащее пересмотру.

Обе газеты выполнили важную историческую миссию: они сберегли колоссальный массив фактографии о ходе реформы — от сумм недоимок до описания земских скандалов, — который иначе оказался бы безвозвратно утрачен. Именно газетные материалы дают возможность реконструировать повседневность осуществления реформы 1861 г., не просматривающуюся по официальным отчетам министерств.

Сравнительное чтение двух газет демонстрирует, что российское информационное пространство 1860–1880-х гг. в части освещения крестьянской реформы было существенно более разнообразным и динамичным, чем принято считать. При всех ограничениях цензуры «Московские ведомости» и «Санкт-Петербургские ведомости» вели содержательную полемику о путях развития пореформенной России — полемику, аргументы которой — о частной собственности против общины, о земском самоуправлении против административного контроля — оставались актуальными вплоть до 1917 г.[292].

2.2. Освещение крестьянской реформы в английской печати

Тема «Великих реформ» Александра II с самого начала привлекала к себе внимание западных наблюдателей. Уже 30 марта 1861 г. (18 марта ст. ст.) лондонский "The Spectator" поместил обширные фрагменты манифеста об освобождении крестьян, делая упор на «жертвенности» дворянства, «добровольно отказавшегося от прав, предоставленных ему крепостным правом», и преподнося реформу как «цивилизаторский» шаг, вписывающий Россию в общеевропейский контекст модернизации[293]. Монография Макрейнольдс, прослеживающая становление массовой коммерческой прессы в России от реформ Александра II до 1917 г., показала, что западные корреспонденты фиксировали и масштаб преобразований, и их «половинчатость»: ослабление предварительной цензуры подстегнуло рост

[292] См. *Тихомирова, Г.В.* Земские реформы 1864–1917 гг. в России: опыт и уроки их организационно-правового проведения: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2008. — 198 с.; *Леонтьева, О.Б.* Как реформа стала великой: отмена крепостного права как «место памяти» в исторической культуре императорской России // Диалог со временем. – 2016. – № 56. – С. 229–245.

[293] [W. a.] The Russian Emperor's Serf-Emancipation Manifesto // The Spectator. – 1861, 30 March. (18 марта ст. ст.)

числа изданий, однако закон о печати 1865 г., согласно полицейскому рапорту 1869 г., «предоставил прессе не права, а лишь привилегии»[294].

Н.А.Власов, исследовав четыре крупнейшие немецкие либеральные газеты 1880–1883 гг., выяснил, что они признавали Россию частью европейской цивилизации и в целом положительно оценивали крестьянскую и судебную реформы, однако неизменно указывали на «отсталость» империи и бюрократизм, сводивший, по убеждению германских обозревателей, плоды реформ на нет[295].

Особый ракурс открывает исследование Б. Пирса, посвященное афроамериканской прессе 1827–1917 гг., в которой параллель между крепостным правом и рабством служила центральной осью риторики. После убийства Александра II в нью-йоркской "New York Globe" подводили итог его правлению: «Он дал свободу крестьянам, восстановил суд присяжных и ввел земское самоуправление», а в газете "People's Advocate" уподобляли императора «бессмертному Линкольну»[296]. Впрочем, уже в послевоенных выступлениях и особенно в своей оценке положения афроамериканцев около 1880 г. Фредерик Дуглас[297] замечал, что «когда крепостные были освобождены, им дали три акра земли, на которой они могли жить и кормиться», тогда как американских рабов «отпустили с пустыми руками», — и Россия парадоксальным образом оказывалась примером более справедливого обращения с освобожденными, нежели Соединенные

---

[294] McReynolds L. The News under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 87.P. 87.

[295] *Власов, Н.А*. «Панслависты сейчас задают тон в России»: образ Российской империи в германской либеральной прессе начала 1880-х годов // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 5. – С. 89–101.

[296] Цит. по: *Pierce, B.* The American Black Press and Late Imperial Russia // Journal of Russian American Studies. – 2025. – Vol. 9. – No. 1. – P. 17–25.

[297] Фредерик Дуглас (Frederick Douglass, 1818–1895) — один из самых известных борцов против рабства в США, писатель, оратор и общественный деятель-аболиционист, вышедший из среды рабов.

Штаты[298]. Каждая из рассмотренных «оптик» — британская, немецкая, афроамериканская — преломляла российские преобразования через собственный социально-политический опыт, что убедительно свидетельствует о международном масштабе осмысления «великих реформ» с первых дней их осуществления.

Крестьянская реформа 1861 г., объявленная Манифестом 19 февраля, породила в Британии неоднозначную, но весьма интенсивную реакцию прессы. Выбор трех основных источников — "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph" — обусловлен их репрезентативностью для английского публичного дискурса того периода.

"The Times", основанная в 1785 г., к середине XIX столетия превратилась в орган официального мнения, тесно связанный с правительством и консервативно-либеральным истеблишментом. Ее редакционный аппарат — в частности, влиятельный редактор Джон Тадеус Делейн (John Thadeus Delane)[299] — сам задавал политику, не следуя за массовыми настроениями. Для "The Times" крестьянская реформа в России была прежде всего вопросом государственного значения: как она скажется на политическом весе России, на ее способности вести войны и осуществлять дипломатию. Этим и объяснялось преимущественное внимание газеты к юридическим, финансовым и военно-политическим аспектам преобразования.

"The Manchester Guardian", основанная в 1821 г. в Манчестере, была органом либеральной, протестантской, промышленной Англии. Ее позиция часто критиковала консервативные позиции и тори-позиции; газета отличалась интересом к морально-социальным вопросам, правам человека, религиозной свободе. Крестьянская реформа в России для "The Manchester Guardian" была поводом для размышлений о нравственности, справедливости

---

[298] *Pierce, B.* The American Black Press and Late Imperial Russia / B. Pierce // Journal of Russian American Studies. – 2025. – Vol. 9, no. 1. – P. 16–32.

[299] *Liddle, D.* The News Machine: Textual Form and Information Function in the London "Times", 1785–1885 // Book History. – 2016. – Vol. 19. – P. 132–168.

и перспективах христианского общества, но также вопросом о том, может ли самодержавие действительно реформироваться.

"The Daily Telegraph", основанная в 1855 г., была самой массовой газетой Британии: дешевая, популярная, насыщенная драматическими сюжетами и корреспонденциями. Ее позиция менялась, но в целом она отличалась публицистичностью, эмоциональностью и меньшей привязанностью к официальному истеблишменту, чем "The Times". Крестьянская реформа в материалах "The Daily Telegraph" приобретала черты масштабного социального переворота: освобождение миллионов людей, столкновение цивилизаций, вопрос о том, может ли и захочет ли простой народ России жить в свободе.

Период 1861–1865 гг. определяется как этап «первичной оценки» реформы — время, когда Манифест уже провозглашен, Положения разосланы, первые беспорядки произошли, а судебная (1864) и земская (1864) реформы стали развивать логику крестьянского освобождения. Именно к концу этого периода в английской прессе сложилась устойчивая формула оценки, к которой обратимся в выводах раздела.

Первая реакция "The Times" на Манифест 1861 г. была сдержанно-позитивной, но с оттенком скепсиса относительно полноты освобождения. В номерах февраля–марта 1861 г. газета опубликовала несколько больших редакционных статей, в которых анализировала содержание Положений о крестьянах, выбывших из крепостной зависимости.

Ключевой момент позиции "The Times" заключался в том, что газета различала моральный акт, отмену крепостного права как такового и экономическую реальность, условия, на которых крестьяне получали земельные наделы и становились плательщиками налогов.

В передовице от 19 февраля 1861 г. в газете писалось о реформе как о шаге, который «поставил Россию в ряд реформаторских монархий Европы»[300],

[300] [W. a.] [The 3d of March, 1861, is destined to become a memorable era in the history of the world..] // The Times. – 1861, 19 Feb. (7 февр. ст. ст.)

но тут же добавлялась оговорка, что «условия освобождения, какими бы величественными они ни были по замыслу, кажутся практическому уму сопряженными со значительными экономическими трудностями для вновь освобожденного крестьянства»[301].

Эта формула — величие концепции при экономических трудностях — стала лейтмотивом анализа "The Times" на протяжении всего периода 1861–1865 гг. В газете не критиковалась сама идея освобождения крестьян; напротив, она признавалась актом государственной мудрости. Но "The Times" стремилась понять, будут ли условия реформы достаточны для того, чтобы создать из освобожденных крестьян добропорядочных налогоплательщиков и военнообязанных, способных служить Российской империи.

Юридический анализ Положений, проведенный в "The Times", показал глубокое понимание механизмов реформы. В газете была подробно разобрана система выкупных платежей: как крестьяне должны были в течение 49 лет выплачивать государству и помещикам деньги за землю, которую они получали по реформе. "The Times" заметила, что размер платежей был определен не рыночной стоимостью земли, а так называемой «капитализацией», при которой крестьяне платили за землю значительно больше ее реальной цены[302]. В газете об этом писалось с явным осуждением экономической логики реформы: крестьяне, только что освобожденные, немедленно обременены налогами, которые отнимут у них всякую возможность хозяйственно развиваться.

По мере внедрения реформы в течение 1862–1863 гг. в газетах начали появляться сообщения о крестьянских беспорядках. "The Times" перепечатывала корреспонденции из России, в которых рассказывалось о волнениях в деревнях, о непонимании крестьянами условий реформы, о

---

[301] Ibid.

[302] [W. a.] Russia // The Times. – 1863, 13 Apr. (1 апр. ст. ст.); [W. a.] Parliamentary Intelligence // The Times. – 1863, 13 Apr. (1 апр. ст. ст.)

конфликтах между крестьянскими общинами и помещиками, чинившими препятствия процессу межевания и раздачи наделов.

Для "The Times" эти беспорядки были не столько поводом для драматизации, как это было в "The Daily Telegraph", сколько подтверждением ее исходного скепсиса. В одной из статей за 1863 г. в газете было написано: "Крестьянство, которому сказали, что оно свободно, обнаруживает себя связанным оковами иного рода — выкупными платежами и архаичной властью сельской общины. Возникает вопрос: в каком смысле они действительно освобождены?"[303]. Эта риторическая фигура — вопрос об «истинной» свободе — становилась все более типичной для "The Times" по мере того, как становились явны противоречия реформы.

В газете отмечалось, что община, которая была сохранена в реформе как инструмент коллективной ответственности за налоги, служит одновременно инструментом контроля над крестьянами. Крестьяне, технически освобожденные, в действительности привязаны к общине столь же прочно, как раньше были привязаны к помещикам. "The Times" видела в этом как экономическую логику: государство и помещики хотели обеспечить сбор налогов, так и демографическую необходимость: разделенная между миллионами крестьян земля требовала коллективного управления. Но морально и политически это означало, что подлинное освобождение крестьян откладывалось на неопределенный срок[304].

Оценивая крестьянскую реформу, британская печать с самого начала увязывала ее с политической стабильностью на национальных окраинах империи. В передовице от 19 февраля 1861 г. в газете "The Times" условия готовившегося освобождения были названы «величественными по своему

---

[303] [W. a.] America [From Our Own Correspondent …] // The Times. – 1863, 29 Jan. (17 янв. ст. ст.); [W. a.] Latest Intelligence // The Times. – 1863, 29 Jan. (17 янв. ст. ст.)

[304] *Klier, J.D.* The Polish Revolt of 1863 and the Birth of Russification: Bad for the Jews? // Poles and Jews: Renewing the Dialogue. Polin: Studies in Polish Jewry / ed. A. Polonsky. Liverpool : Liverpool University Press, 2004. P. 96–110.

замыслу» (magnificent in conception), однако уже тогда были высказаны обоснованные сомнения в успехе их практической реализации[305]. Этот скептицизм подтвердился: 1 ноября 1861 г. лондонская редакция пророчески отметила, что весть об эмансипации «вдохнула новую жизнь в дух национального самосознания в Польше», породив ожидания, которые самодержавие не было готово удовлетворить в полной мере[306].

Уже к декабрю 1863 г., анализируя правительственные меры по усмирению мятежных губерний, "The Times" констатировала, что петербургский кабинет прибег к «очень умной политике», выступая для польских крестьян в роли «своего рода благодетельного провидения»[307]. Передача земель мятежного дворянства сельскому населению трактовалась британскими обозревателями не как шаг на пути либерального развития, а как сугубо тактический маневр и орудие для подавления восстания. Подобная практика лишь укрепляла лондонскую прессу в выводе о том, что освобождение крестьян не являлось частью последовательного плана реформирования всей империи

К 1865 г. "The Times" сформулировала ключевой для себя вопрос: будут ли реформы встроены в новую политическую структуру, где земства и будущие органы местного самоуправления подведут Россию к конституционной монархии, — или останутся изолированными актами просвещенного монарха, не подкрепленными изменением самой системы власти[308]. Именно эта дилемма, а не общий пафос, отличала позицию "The Times".

"The Manchester Guardian", в отличие от "The Times", встретила весть об освобождении крестьян с искренним энтузиазмом. Для этой газеты, выражавшей либеральные и религиозные убеждения английского среднего

---

[305] [W. a.] [The intelligence from Russia...] // The Times. – 1861, 19 Feb. (7 февраля 1861 г. ст. ст.).

[306] [W. a.] [The events of which Warsaw...] // The Times. – 1861, 1 Nov. (20 октября 1861 г. ст. ст.)

[307] [W. a.] The Polish Insurrection // The Times. – 1863, 8 Dec. (26 ноября 1863 г. ст. ст.)

[308] [W. a.] Russia and Its Nationalities // The Times. – 1865, 28 Sept. (16 сентября 1865 г. ст. ст.).

класса, крестьянская реформа в России была актом, который должен был восприниматься в контексте всемирной истории прогресса и христианской морали.

В передовице от 18 октября 1861 г. (6 октября ст. ст.) "The Manchester Guardian" писала: Российский царь нанес удар во имя христианской цивилизации, который будет отзываться в веках. Одним актом имперской воли он освободил миллионы человеческих существ от оков рабства, вернув им достоинство, которое является их правом по рождению как детей Божьих"[309]. Этот тон — возвышенный, проповеднический, почти религиозный — отличал "The Manchester Guardian" от более трезвого анализа "The Times".

Для "The Manchester Guardian", освобождение русских крестьян означало, что даже самодержавная Россия может быть инструментом нравственного прогресса. В газете в этом видели подтверждение убежденности в том, что все народы и все формы правления способны развиваться в сторону справедливости, если к этому приложены необходимые моральные усилия. Фраза об «императорской воле» была ключевой: "The Manchester Guardian" верила, что добрая воля монарха может совершить то, что в демократических странах требует долгих конституционных переговоров.

В декабре 1861 г. газета опубликовала расширенный очерк о значении реформы для будущего России[310]. В данном аналитическом обзоре автор развивал мысль о том, что ликвидация крепостной зависимости служит первым шагом в трансформации России из азиатского деспотизма в европейскую цивилизацию. В газете отмечалось, что Россия никогда не была совершенно отделена от Европы, и что в течение столетий в ней развивалась европейская культура, наука и просвещенное управление. Реформа 1861 г., по

---

[309] [W. a.] Summary of News // The Manchester Guardian. – 1861, 18 Oct. (6 окт. ст. ст.); [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1861, 18 Oct. (6 окт. ст. ст.)

[310] *Bright, J.* On the American Crisis [Speech at Free Trade Hall, Manchester] // The Manchester Guardian. – 1861, 5 Dec. (23 нояб. ст. ст.).

мнению "The Manchester Guardian", доказывает, что этот процесс европеизации движется в правильном направлении.

В газете «The Manchester Guardian» приветствовали новость об отмене крепостного права как «эпохальный акт освобождения», признавая ее огромную историческую значимость. Для этого издания, выражавшего взгляды либерального среднего класса Англии, действия Александра II были прежде всего свидетельством его личного прогрессивного курса[311]. В передовице от 18 октября 1861 г. (6 октября ст. ст.) в газете ограничивались не только исключительно этико-религиозной риторикой, но и отдавали должное политической воле монарха, подчеркивая «искренность и мужество, с которыми он посвятил себя делу освобождения крестьян»[312]. В издании отмечалось, что император не позволил административным трудностям или сопротивлению дворянства отвлечь его от этой задачи, что обеспечило ему почетное место в истории. Такой анализ был скорее политическим и рациональным: реформа воспринималась как необходимый шаг для включения России в круг цивилизованных европейских государств.

Скептицизм относительно практической реализации реформы появился на страницах "The Manchester Guardian" еще до ее официального провозглашения. В ноябре 1858 г. в газете ситуация в России уже называлась критической; указывались «великая трудность земельного и трудового вопроса» и неизбежное столкновение интересов[313]. Позже, в подробном отчете от 28 июля 1865 г., специальный корреспондент из Санкт-Петербурга констатировал, что положение освобожденных крестьян далеко не всегда является счастливым, и фактически называл реформу незавершенной. Он

---

[311] [W. a.] [In spite of financial and commercial pressure...] // The Manchester Guardian. – 1861, 18 Oct. (6 окт. ст. ст.)

[312] Ibid.

[313] [W. a.] [Public attention has for some time been so exclusively directed...] // The Manchester Guardian. – 1858, 12 Nov. (31 окт. ст. ст.)

отмечал, что крестьяне часто вынуждены платить за свои наделы цену, значительно превышающую их рыночную стоимость

В "The Manchester Guardian" особенно внимательно следили за тем, какие перспективы открываются для образования и морального развития крестьян. В газете постоянно возвращались к вопросам: как свободный крестьянин будет воспитан? Как он научится пользоваться своей свободой разумно? В одном из материалов газеты автор выражал тревогу по поводу того, что русское правительство, сосредоточившись на экономических и юридических аспектах реформы, недостаточно внимания уделило образованию и моральному воспитанию крестьян[314].

К середине 1860-х гг. "The Manchester Guardian" перешла от обсуждения общих деклараций к детальному анализу практических последствий эпохального акта освобождения[315]. В 1865 г. в газете констатировалось, что, хотя само освобождение было грандиозным шагом, на практике реформа оставалась «незавершенной» (not complete). Корреспондент из российской столицы отмечал, что первоначальный энтузиазм сменился осознанием тяжелых экономических реалий: положение многих освобожденных крестьян в этот период описывалось как менее счастливое, чем до реформы, из-за огромного финансового бремени.

В публикациях 1865 г. особое внимание уделялось несправедливости условий выкупа земли. В газете сообщалось, что крестьяне часто были вынуждены платить за свои наделы цену, значительно превышающую их реальную рыночную стоимость. Это приводило к тому, что приобретение собственности превращалось для крестьянства не в основу благосостояния, а в источник постоянных долгов и лишений. В издании подчеркивалось глубокое противоречие между интересами «старых владельцев» (дворянства)

---

[314] [W. a.] The Progress of the Insurrection in Poland // The Manchester Guardian. – 1863, 9 Jun. (28 мая ст. ст.); [W. a.] Prussia // The Manchester Guardian. – 1863, 9 Jun. (28 мая ст. ст.)

[315] [W. a.] Special Reforms in Russia // The Manchester Guardian. – 1865, 28 July. (16 июля ст. ст.)

и крестьян; отмечалось, что правительству так и не удалось найти справедливый баланс в этом вопросе[316].

"The Daily Telegraph", будучи самой массовой газетой Британии, восприняла известие об отмене крепостного права в России с публицистическим энтузиазмом, который по тону заметно отличался от позиции "The Times" или "The Manchester Guardian"[317]. В номере от 21 марта 1861 г. издание опубликовало торжественную передовицу, в которой провозглашалось: «В этот день, в один миг, цепи пали с конечностей более чем двадцати миллионов человеческих существ. Крепостной стал человеком; подданный — свободным подданным Царя»[318]. Этот пафос — прямой, эмоциональный и апеллирующий к чувствам читателя — был визитной карточкой издания, старавшегося передать масштаб события через живые образы, а не сухие юридические выкладки[319].

Газета не была склонна к детальному анализу «Положений» 19 февраля, фокусируясь вместо этого на «изумительной откровенности» перемен[320]. Описывая реакцию народа, корреспондент из Санкт-Петербурга сообщал, что в некоторых церквях возбуждение было настолько велико, что крестьяне, слушая чтение Манифеста, «в экстазе сами бросались на землю перед иконами». Это был язык эмоций, призванный показать британскому читателю триумф человечности, который газета ставила выше любых военных побед Александра II[321].

---

[316] Ibid.

[317] [W. a.] [Without the “Independence of Italy,” wrote the First Napoleon...] // The Daily Telegraph. – 1861, 19 Feb. (7 февр. ст. ст.)

[318] [W. a.] The Emancipation of the Russian Serfs // The Daily Telegraph. – 1861, 21 Feb. (9 февр. ст. ст.)

[319] [W. a.] [The mystery for the abolition of serfdom is at length...] // The Daily Telegraph. – 1861, 25 Feb. (13 февр. ст. ст.); [W. a.] [The Emperor Alexander II. has won to himself...] // The Daily Telegraph. – 1861, 21 Mar. (9 марта ст. ст.)

[320] [W. a.] [There is good news to-day. The absolute possibility...] // The Daily Telegraph. – 1858, 6 Apr. (25 марта ст. ст.); [W. a.] The Emancipation of the Russian Serfs // The Daily Telegraph. – 1861, 21 Mar. (9 марта ст. ст.)

[321] Ibid.

В период с 1862 по 1865 г. освещение крестьянской реформы в "The Daily Telegraph" претерпело заметную эволюцию: от фиксации первых институциональных успехов к признанию глубокого системного кризиса. В 1862 г. газета все еще сохраняла умеренный оптимизм, связывая освобождение крестьян с общим гражданским обновлением империи. Корреспонденты подчеркивали, что реформа повлекла за собой «введение представительного элемента» в провинциальных собраниях и даже «полную отмену тайной полиции»[322]. Вместе с тем уже тогда журналисты замечали, что за официальными манифестами таится сложная реальность, где «привычки народа находились в противоречии с новыми законами» ("the habits of the people were in antagonism to the new laws") [323].

Однако за этим первоначальным восторгом скрывалась глубокая тревога относительно будущего. В отличие от оптимистичного взгляда "The Manchester Guardian", "The Daily Telegraph" сомневалась в способности народа, долго находившегося в угнетении, мудро распорядиться внезапно обретенной свободой. К 1865 г. этот скепсис перерос в констатацию «безнадежной путаницы», вызванной неподготовленностью как крестьян, так и помещиков к новому порядку[324].

В газете возникший хаос объяснялся «неописуемым злом», возникшим из-за столкновения старых привычек с новыми законами; ставился вопрос, сможет ли нация выдержать этот внезапно вспыхнувший «свет свободы».

Таблица 4. Позиции ведущих периодических изданий Великобретании по крестьянской реформе

[322] [W. a.] [The Government has at length informed the public...] // The Daily Telegraph. – 1862, 15 Apr. (3 апр. ст. ст.)

[323] [W. a.] [I commenced my correspondence by a formal denial...] // The Daily Telegraph. – 1865, 7 Jan. (26 дек. 1864 ст. ст.)

[324] Ibid.

Аспект	The Times	The Manchester Guardian	The Daily Telegraph
Основной мотив	Государственная мудрость, но экономические трудности	Христианская справедливость и нравственный прогресс	Великая историческая драма с неопределенным исходом
Ключевая фраза	"conditions of emancipation... involve considerable economic difficulties"	"struck a blow for Christian civilization"	"the Russian people... thrust into the light of freedom"
Отношение к выкупным платежам	Резкая критика как экономической ошибки	Озабоченность тяжестью при сохранении оптимизма	Замечание о том, что они противоречат свободе
Позиция к общине	Парадокс контроля; экономическая целесообразность	Потенциальная основа для самоуправления	Инструмент угнетения масок
Вопрос о политических реформах	Постоянный скепсис; будут ли реформы дополнены конституцией?	Оптимизм; земства — шаг к представительному правлению	Растущее понимание необходимости политических перемен

Различие трех газет касалось не только тона, но и того, что каждая считала сутью реформы (см. Таблицу 4). Для "The Times" главный вопрос был государственным — усилит ли реформа Россию как военную и экономическую державу, — отсюда ее интерес к выкупным платежам и налоговому потенциалу. Для "The Manchester Guardian" это был моральный и исторический перелом, сравнимый с отменой рабства в Британской империи (1833) и США (1865), и проверка того, способна ли даже самодержавная Россия двигаться к справедливости. Для "The Daily Telegraph" же главным был сам крестьянин: получил ли он подлинную свободу или лишь ее видимость при сохранении прежней зависимости.

Крестьянские беспорядки 1861–1862 гг. стали важной вехой в эволюции позиций всех трех газет, и в каждом издании эти события интерпретировались по-своему.

Для "The Times" беспорядки были свидетельством того, что реформа проведена недостаточно тщательно: крестьяне не поняли ее условий, местная администрация была не готова к внедрению новых порядков, помещики

чинили препятствия. Поначалу в газете волнения рассматривались как техническая и административная проблема, решаемая лучшей организацией и более понятным разъяснением. Однако по мере того, как волнения продолжались, "The Times" пересмотрела позицию и пришла к выводу, что дело в самих условиях реформы — выкупные платежи слишком велики, а нарезка наделов несправедлива.

Для "The Manchester Guardian" беспорядки были признаком того, что нравственный акт освобождения требует и нравственного обеспечения — образования, поддержки, справедливого отношения администрации. Редакция рассчитывала, что по мере распространения просвещения крестьяне лучше поймут смысл освобождения и научатся пользоваться им для своего нравственного и материального развития; в этом "The Manchester Guardian" была оптимистичнее "The Times" — издание полагало, что нравственное развитие само снимет проблему.

Для "The Daily Telegraph" беспорядки были свидетельством того, что реформа не решила коренных проблем крестьянства: люди были бедны, обременены платежами и по-прежнему зависимы — теперь от государства и общины, а не от помещика, — получив лишь видимость свободы. В отличие от "The Times" с ее вниманием к технической стороне и "The Manchester Guardian" с ее упором на нравственное развитие, "The Daily Telegraph" видела в волнениях симптом системного недовольства, которое не исчезнет, пока не изменятся сами экономические условия деревни.

К 1864–1865 гг., после введения судебной и земской реформ, расхождения между газетами уступили место общей оценке, которую к концу периода можно свести к четырехчастной формуле.

"The Times" выражала скепсис относительно того, будут ли земства развиваться в направлении представительной системы или останутся подчинены центральной власти. В газете писалось, что земства, хотя и представляют собой шаг к децентрализации, находятся под контролем государства и не имеют никакой политической власти на уровне всей империи.

Без конституции и без общероссийского представительного органа эти реформы останутся фрагментарными и неполными.

"The Manchester Guardian" оценивала земства как важный инструмент вовлечения образованных классов и крестьянства в местное самоуправление, рассчитывая, что земства станут школой гражданского самоуправления для России[325]. Однако к 1865 г. газета сменила первоначальный оптимизм на глубокую озабоченность, прямо называя реформы «незавершенными»[326]. Британские корреспонденты указывали, что без решения вопроса о снижении выкупных платежей новые институты — земства и суды — не смогут эффективно работать, а правящие круги могут оказаться не готовы продолжать трансформацию деспотического строя в условиях нарастающего экономического кризиса.

"The Daily Telegraph" видела этот парадокс с наибольшей отчетливостью: России необходимы политические реформы, однако правительство не расположено их проводить.

Личность Александра II три газеты оценивали в духе своих общих установок. "The Times" признавала его мудрость и готовность к преобразованиям, но видела монарха, способного на смелые шаги и все же скованного приверженостью самодержавию[327]. "The Manchester Guardian" рисовала его просвещенным правителем нового типа, чутким к требованиям времени, и сопоставляла с европейскими реформаторами — германскими князьями и Наполеоном III[328]. "The Daily Telegraph" была конкретнее: она изображала человека, столкнувшегося с трудноразрешимой задачей — вести реформы, не подрывая устоев власти, — и, отдавая должное его искренности и масштабу замысла, упрекала монарха в половинчатости преобразований[329].

---

[325] [W. a.] Special Reforms in Russia // The Manchester Guardian. – 1865, 28 July. (16 июля ст. ст.)

[326] Ibid.

[327] [W. a.] Alexander II. // The Times. – 1881, 14 March. (2 марта ст. ст.)

[328] [W. a.] Assassination of the czar of russia. // The Manchester Guardian. – 1881, 14 March. (2 марта ст. ст.)

[329] [W. a.] Emperor of russia. // The Daily Telegraph. – 1881, 14 March. (2 марта ст. ст.)

В 1861 г. все три газеты были сравнительно оптимистичны: они полагали, что освобождение крестьян открывает более широкий процесс либерализации страны. Однако к 1863 г., с польским восстанием, стало очевидным, что правительство не намерено распространять реформы на окраины империи. К 1864–1865 гг., когда земская и судебная реформы все же были введены, тогда как политические преобразования так и остались вне повестки дня, скепсис стал преобладающей оценочной позицией[330].

К исходу 1861–1865 гг. в английской прессе выкристаллизовалась устойчивая формула оценки крестьянской реформы Александра II. Ее можно свести к четырем составляющим.

1. Величие замысла и значимость акта. Все три газеты сходились в том, что освобождение крестьян — событие огромного исторического масштаба, сопоставимое с отменой рабства в других странах. Это был акт государственной мудрости и нравственного прогресса.

2. Экономические трудности и неполнота воплощения. Вместе с тем все три газеты констатировали, что условия реформы были тяжелы для крестьян: выкупные платежи обременяли их, а община служила инструментом контроля не менее действенным, чем прежнее крепостное право. Реформа, таким образом, была осуществлена лишь наполовину или на треть.

3. Отсутствие политических гарантий. Самое существенное замечание, которое делали все три газеты, состояло в следующем: реформа проведена без соответствующих политических преобразований. Крестьяне получили личную свободу и участие в местном управлении через общину и земства, однако не получили представительства в общероссийских органах власти, а сама форма правления осталась нетронутой.

4. Угроза будущего кризиса. Из этого следовал закономерный вывод: рано или поздно Россия столкнется с кризисом, порожденным противоречием между социальными реформами и политической стагнацией. Исход может

---

[330] *Бугров, А.Ю.* Крестьянская реформа 1861 г. в освещении российской и английской газетной прессы // Филология: научные исследования. – 2025. – № 12. – С. 303–320.

быть двояким — либо дальнейшее либеральное развитие, либо революционный взрыв.

Эта формула во многом предопределила, как английская пресса будет воспринимать Россию в последующие десятилетия. Крестьянская реформа стала точкой отсчета для оценки всей политики Александра II и его преемников. Вопрос о том, будут ли русские реформы доведены до конца или так и останутся незавершенными, неизменно присутствовал в английском общественном дискурсе вплоть до 1917 г.

В ходе анализа жанровой структуры материалов о крестьянской реформе было установлено, что газеты прибегали к различным формам повествования сообразно своим задачам и читательской аудитории.

"The Times" опиралась на редакционные передовицы (Leading Articles) и аналитические статьи, которые не просто констатировали факт освобождения, но и детально разбирали «Положения о крестьянах». В газете анализировались механизмы реформы, такие как система выкупных платежей, роль мировых посредников и устройство сельской общины[331],

Издание действительно публиковало подробные резюме и переводы официальных русских документов (например, подробный отчет о правилах распределения земли и инвентарных записях в номере от 24 апреля 1862 г. (12 апреля ст. ст.)), позволяя читателям самостоятельно оценить «величие замысла» и практические сложности его воплощения. Корреспонденции из России, публикуемые под рубрикой "From our own correspondent", отличались глубиной анализа: авторы объясняли западной аудитории такие специфические понятия, как «Мир» (община), «круговая порука» и «капитализация оброка». Эти тексты были адресованы политически подготовленному читателю, стремящемуся понять, станет ли бывший

[331] [W. a.] [It is now more than a year since the nobles of the Polish and Lithuanian provinces in the west of Russia were called upon to give an account...] // The Times. – 1862, 24 Apr. (12 апр. ст. ст.)

крепостной «добропорядочным налогоплательщиком и солдатом» или останется в новой форме зависимости от общины[332].

"The Manchester Guardian" предпочитала жанр краткой передовицы, философского очерка и письма из России — нередко от авторов, для которых первостепенными были нравственные вопросы. Газета публиковала и интервью — в той мере, в какой этот жанр тогда существовал, — с русскими эмигрантами и либеральными деятелями, объяснявшими, почему реформа важна с моральной точки зрения. Характерной чертой "The Manchester Guardian" была склонность на основании одного-двух примеров делать широкие выводы о русском обществе и его развитии.

"The Daily Telegraph" тяготела к ярким корреспонденциям, бытовым зарисовкам из деревенской жизни, драматичным историям отдельных крестьян и помещиков. Газета помещала также краткие новости о волнениях и беспорядках, нередко акцентируя социальную напряженность. Тон издания был публицистичным, рассчитанным на эмоциональный отклик массового читателя, а не на углубленный анализ.

Данное жанровое разграничение важно для понимания того, как разные газеты конструировали образ русской реформы и русской деревни. "The Times" писала для образованного истеблишмента, который принимал решения; "The Manchester Guardian" — для либерального среднего класса, озабоченного вопросами морали; "The Daily Telegraph" — для массовой аудитории, ожидавшей захватывающих историй и ясных выводов.

В первые недели после оглашения Манифеста редакторы "The Times" тщательно изучали содержание Положений. Редакция осознавала необходимость разъяснить своей аудитории, что произошло в России и почему это важно для Британии и Европы. Но "The Times" также понимала, что рискует либо переоценить значение реформы, либо, напротив, его недооценить.

---

[332] [W. a.] [The Russian Empire, in my opinion, possesses three sources of weakness...] // The Times. – 1882, 4 Jan. (23 дек. 1881 ст. ст.)

Стратегия "The Times" состояла в том, чтобы признать величие реформы на уровне идеи и одновременно критиковать ее практическое воплощение. Такой подход позволял газете сохранять лояльный тон в отношении российского правительства, не навлекая на себя обвинений в предвзятости.

"The Manchester Guardian" исходила из убеждения, что реформа 1861 г. подтверждала неотвратимость прогресса и либеральную направленность истории. Редакция полагала, что все общества, сколь бы отсталыми или деспотичными они ни были, способны двигаться в сторону справедливости и свободы. Крестьянская реформа служила для редакции наглядным свидетельством данной позиции: даже самая деспотическая монархия способна совершить великий акт освобождения.

Но по мере поступления информации о трудностях при внедрении реформы "The Manchester Guardian" столкнулась с необходимостью объяснить, почему реформа не решает всех проблем. Газета разработала оригинальный аргумент: реформа — это только начало, первый шаг длинного пути развития. Россия еще не готова к конституции и представительному правлению, но земства и судебная реформа готовят ее к этому. По мере образования и расширения политического сознания крестьян и городских слоев Россия будет вынуждена идти дальше.

"The Daily Telegraph" не располагала долгосрочной редакционной стратегией и реагировала на события по мере их развития, часто противоречиво; со временем у газеты сложилась более ясная позиция о недостаточности реформы для решения проблем русского общества.

Английская пресса не анализировала крестьянскую реформу в вакууме. Газеты постоянно сравнивали ее с другими реформами в Европе: отменой крепостного права в Австрии (1848)[333], отменой рабства в британской империи

[333] *Chaloupek, G.* Emancipation of the Peasantry in Lower Austria: The Economists' Views, the Role of the Estates, and the Revolution of 1848 // The Liberation of the Serfs / ed. J. G. Backhaus. — New York : Springer, 2012. — P. 19–31. — (The European Heritage in Economics and the Social Sciences ; vol. 127).

(1833)[334] и в США (1865), после гражданской войны[335], земельными реформами в Пруссии и других германских государствах.

Это сравнение помогало газетам ориентировать свою аудиторию. "The Times", например, часто ссылалась на то, как австрийское правительство отменило крепостное право в 1848 г., и как это привело к социальным и политическим кризисам, когда крестьяне получили некоторую свободу, но не получили политических прав[336]. "The Manchester Guardian" сравнивала русскую реформу с отменой рабства в британской империи, отмечая, что в Британии после отмены рабства был принят целый набор законов о защите прав бывших рабов, о компенсации, об образовании[337]. "The Daily Telegraph" была менее исторична в своих сравнениях, но иногда ссылалась на события в польских землях Австро-Венгрии и на то, как крестьяне там восстали против помещиков[338].

---

[334] *Lester, A.* (2022). "The realpolitik of emancipation in the British Empire, 1833–38". In Humanitarianism, empire and transnationalism, 1760–1995. Manchester, England: Manchester University Press. https://doi.org/10.7765/9781526159564.00011.

[335] *Латыпова, Н.С.* Дискуссия о причинах гражданской войны в США (1861–1865): периодизация историографии // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – № 2. – С. 8–20.

[336] [W. a.][The experiment, however, is one of the grandest which any Sovereign has ever attempted since the Emperor of Austria some years ago attempted a similar one...] // The Times. – 1858, 6 Jan. (25 дек. 1857 ст. ст.); [W. a.][The 3d of March, 1861, is destined to become a memorable era in the history of the world...] // The Times. – 1861, 19 Feb. (7 февр. ст. ст.); [W. a.] [It is now more than a year since the nobles of the Polish and Lithuanian provinces in the west of Russia were called upon to give an account...] // The Times. – 1862, 24 Apr. (12 апр. ст. ст.); [The government has done for the Russian peasant exactly what the Austrian Government did for the Galician peasant...] // The Times. – 1882, 4 Jan. (23 дек. 1881 ст. ст.)

[337] [W. a.] Mr. Bright on the American Crisis // The Manchester Guardian. – 1861, 5 Dec. (23 нояб. ст. ст.); [W. a.] Special Reforms in Russia // The Manchester Guardian. – 1865, 28 July. (16 июля ст. ст.); [W. a.] Assassination of the Czar of Russia // The Manchester Guardian. – 1881, 14 Mar. (2 марта ст. ст.)

[338] [W. a.] [I learn, from good sources, that the French and Austrian Governments...] // The Daily Telegraph. – 1858, 6 Apr. (25 марта ст. ст.); [W. a.] [Without the “Independence of Italy,” wrote the First Napoleon...] // The Daily Telegraph. – 1861, 19 Feb. (7 февр. ст. ст.); [W. a.] [The Emperor Alexander II. has now in hand a work...] // The Daily Telegraph. – 1861, 21 Mar. (9 марта ст. ст.); [W. a.] [The momentous question which now...] // The Daily Telegraph. – 1865, 4 Feb. (23 янв. ст. ст.); [W. a.] [The Negro slave, who, as its cause, gave a certain...] // The Daily Telegraph. – 1870, 11 Nov. (30 окт. ст. ст.)

Параллельно с анализом реформы газеты конструировали образ русской деревни и крестьянства. Данная репрезентация была необходима для того, чтобы английские читатели понимали, о ком идет речь, когда говорят об «освобождении».

Нельзя игнорировать того факта, что англо-русские отношения в 1860-е гг. оставались напряженными. Крымская война (1853–1856) закончилась поражением России, и британское правительство было озабочено тем, как Россия восстановится после этого поражения. Крестьянская реформа рассматривалась в контексте этой геополитической ситуации, и каждое издание выстраивало образ русской деревни в соответствии со своими редакционными приоритетами[339].

"The Times", близкая к британскому правительству, описывала русскую деревню как отсталую, но потенциально продуктивную[340]. Крестьяне, по мнению газеты, могли стать добропорядочными налогоплательщиками и военнослужащими, если им будут даны правильные стимулы и управление[341]. Деревня представлялась той частью России, которая содержит потенциальную мощь нации — ее людей, ее производительность[342]. Именно в этой логике "The Times" анализировала реформу отчасти с геополитической точки зрения: социальные преобразования, подкрепленные политическими, создадут более стабильную и предсказуемую Россию, с которой будет проще вести дела.

---

[339] [W. a.] [The 3d of March, 1861, is destined to become a memorable era in the history of the world...] // The Times. – 1861, 19 Feb. (7 февр. ст. ст.); [W. a.] [We should not be surprised if in a short time intelligence from Russia was to become the most interesting...] // The Times. – 1861, 1 Nov. (20 окт. ст. ст.)ст. ст.).

[340] [W. a.][The experiment, however, is one of the grandest which any Sovereign has ever attempted...] // The Times. – 1858, 6 Jan. (25 дек. 1857 ст. ст.)

[341] [W. a.] [The 3d of March, 1861, is destined to become a memorable era in the history of the world...] // The Times. – 1861, 19 Feb. (7 февр. ст. ст.)

[342] [W. a.] [It is now more than a year since the nobles of the Polish and Lithuanian provinces in the west of Russia...] // The Times. – 1862, 24 Apr. (12 апр. ст. ст.)

Реформы же без политических изменений, по мнению газеты, были чреваты нестабильностью[343].

"The Manchester Guardian", выражавшая либеральные взгляды и часто критиковавшая официальный курс империи, видела в русской деревне последствия «духовной и моральной деградации», порожденной веками крепостничества[344]. Крестьяне рассматривались как жертвы системы, чье освобождение должно было стать началом их «нравственного возрождения». Издание систематически обращалось к вопросам образования и «интеллектуального состояния» крестьян, полагая, что без развития в них чувства ответственности свобода останется формальной. Одновременно "The Manchester Guardian" использовала пример Александра II как аргумент для либералов всего мира: в 1861 г. на ее страницах содержался призыв признать этот «великий и славный пример»: если даже самодержавный монарх ради прогресса идет на такие жертвы, то конституционные страны тем более не должны медлить с реформами.

"The Daily Telegraph" описывала русскую деревню как среду, насыщенную социальными противоречиями и человеческими судьбами[345]. Газета публиковала истории об отдельных крестьянах, помещиках, конфликтах внутри семей и общин[346]. Образ русского крестьянина в "The Daily Telegraph" был более жизненным и менее идеализированным, чем в других изданиях: это был человек со своими желаниями, своей раздражительностью и непредсказуемостью[347]. Геополитические соображения занимали газету меньше, чем ее конкурентов, однако и она не игнорировала того факта, что

---

[343] [W. a.] [The Russian Empire, in my opinion, possesses three sources of weakness...] // The Times. – 1882, 4 Jan. (23 дек. 1881 ст. ст.)

[344] [W. a.] Special Reforms in Russia // The Manchester Guardian. – 1865, 28 July. (16 июля ст. ст.)

[345] [W. a.] [The Emperor Alexander II. has won to himself...] // The Daily Telegraph. – 1861, 21 Mar. (9 марта ст. ст.)

[346] [W. a.] [A long letter has been addressed to the French journals...] // The Daily Telegraph. – 1860, 22 July (10 июля ст. ст.)

[347] [W. a.] [The momentous question which now...] // The Daily Telegraph. – 1865, 4 Feb. (23 янв. ст. ст.)

Россия — великая держава, а значит, события в русской деревне имеют значение далеко за ее пределами[348].

К середине 1860-х гг. тема крестьянской реформы 1861 г. в английской прессе смещается из плоскости первоначальной морализаторской оценки в плоскость институциональной критики. Если в 1861–1863 гг. газеты прежде всего обсуждали освобождение крестьян как нравственный акт и социальный перелом, то во второй половине десятилетия они все чаще ставят вопрос о том, какие институты вырастают на почве реформы. Речь идет о земствах, судах, системе местного управления, о положении дворянства и взаимодействии новых органов с самодержавной властью.

Для британского читателя это было привычное поле обсуждений. После реформ 1832 и 1867 гг. вопрос «каким институтам доверена реализация реформы» казался не менее важным, чем сама декларация прав. Поэтому английские газеты внимательно прослеживали, как российское правительство выстраивает механизм управления после отмены крепостного права, и насколько этот механизм устойчив.

В 1866 г. "The Times" вновь обратилась к анализу пореформенного устройства России в связи с введением земств, отмечая, что новая «провинциальная публичная власть» представляет дворян, города и крестьянские общины[349]. Однако в газете сразу был выражен обоснованный скептицизм относительно реального политического веса крестьянства: избирательная система была выстроена таким образом, что «крестьянин как индивидуум почти не представлен; его голос растворяется в коллективном голосе сельской общины, тогда как помещики входят в земства как собственники»[350]. Для "The Times" земства были не столько инструментом крестьянского участия, сколько способом организовать новое сословное

---

[348] [W. a.] [Without the “Independence of Italy,” wrote the First Napoleon...] // The Daily Telegraph. – 1861, 19 Feb. (7 февр. ст. ст.)

[349] [W. a.] Russia // The Times. – 1866, 24 Apr. (12 апр. ст. ст.)

[350] Ibid.

равновесие после отмены крепостного права, не разрушая доминирования дворянства.

Пожалуй, еще более внимательно "The Times" отнеслась к судебной реформе 1864 г. и к ее практическому введению в последующие годы, рассматривая независимый и открытый суд как один из ключевых элементов модернизации имперской администрации[351]. Для британского правосознания именно независимый суд и правовая защищенность индивида являлись показателем подлинности реформ, призванных превратить бывшего крепостного в полноценного гражданина[352].

Для "The Times" эта ситуация выглядит как затянувшийся «институциональный торг»: крестьянская реформа обескровила экономическую базу дворянства, но не создала взамен устойчивых институтов политического представительства, в которых голос крестьянина имел бы реальный вес[353]. Земства и суды лишь частично компенсируют этот вакуум, так как в новых провинциальных органах власти мнение отдельного крестьянина зачастую поглощалось общинным волеизъявлением, в то время как помещики сохраняют влияние как индивидуальные собственники. Это оставляет пространство для будущих социальных конфликтов, о чем в газете содержалось предупреждение, основанное на анализе риска сохранения «архаичной власти общины»[354].

Наконец, во второй половине 1860-х гг. "The Times" все чаще связывает внутренние изменения в России с ее внешней политикой. В обзоре от 22 апреля 1870 г. (10 апреля ст. ст.), озаглавленном "Free Russia", газета подводит итог десятилетию после Крымской войны и подчеркивает, что социальная

---

[351] [W. a.] [From our own correspondent. Russia. St. Petersburg, Nov. 7...] // The Times. – 1866, 13 Nov. (1 нояб. ст. ст.); [W. a.] The russian civil service. From our own correspondent. Berlin, March 20...] // The Times. – 1875, 29 Mar. (17 марта ст. ст.)

[352] Ibid.

[353] Ibid.

[354] [W. a.] [The Russian Empire, in my opinion, possesses three sources of weakness...] // The Times. – 1882, 4 January. (23 дек. 1881 ст. ст.)

трансформация страны неизбежно меняет ее международный статус[355]. Редакция газеты указывает, что страна, которая отменила крепостничество и создала новые формы местного управления, уже не может игнорировать влияние общественного мнения и должна вести себя во внешней политике более предсказуемо. Хотя этот текст формально находится на границе нашего хронологического отрезка, он резюмирует выводы 1866–1869 гг.: крестьянская реформа запустила масштабный процесс институциональных преобразований, но этот процесс остается незавершенным и противоречивым, так как экономическая зависимость крестьян от общины («Мира») сохраняется[356].

"The Times" видела в земствах прежде всего инструмент административной разгрузки, тогда как "The Manchester Guardian" — зачаток представительной системы ("schools of public spirit"); этот контраст — частный случай спора о том, ведут ли социальные реформы к политическим[357].

Автор в "The Manchester Guardian" подчеркивает, что участие крестьянских делегатов в земских собраниях неизбежно формирует у них опыт коллективного обсуждения и ответственности[358]. В публикациях 1865 г. реформа интерпретируется не только как социальный акт, но и как необходимый шаг к самоуправлению, хотя в газете она в тот период и называется «незавершенной» из-за тяжелого экономического положения крестьян.

Относительно судебной реформы газета действительно высказывалась весьма благосклонно. Однако данный тезис о том, что «впервые со времен Петра Великого право и закон начинают восприниматься подданными как нечто отличное от воли монарха», наиболее отчетливо прослеживается в

---

[355] [W. a.] [Free russia. A good title is sometimes of more importance than a good book...] // The Times. – 1870, 22 April. (10 апр. ст. ст.)

[356] [W. a.][The agrarian reform of which you published an abstract a few days ago...] // The Times. – 1882, 13 January. (1 янв. ст. ст.)

[357] [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1872, 14 June. (2 июня ст. ст.)

[358] [W. a.] [When we mentioned the reign of the late Emperor Nicholas it was only for the purpose of contrasting...] // The Manchester Guardian. – 1865, 28 July. (16 июля ст. ст.)

рецензиях 1877 г., где анализировался десятилетний путь новых судов[359]. Корреспонденты отмечали, что, несмотря на страх крестьян перед судом и незнание прав, само появление присяжных из разных сословий стало ключевым фактором формирования «общественного чувства справедливости».

Во второй половине 1860-х и в 1870-е гг. "The Manchester Guardian" регулярно возвращалась к вопросу о русской конституции. Логическая цепочка — «отмена крепостного права — земства — независимый суд — представительный орган» — была центральной темой либерального анализа[360]. Редакция полагала, что привычка к решению местных дел выборным путем неизбежно сделает появление центрального представительного института лишь вопросом времени.

Что касается «перепечатанных писем», то речь идет о трудах и письмах Д. Маккензи Уоллеса (D. Mackenzie Wallace), чьи наблюдения о России "The Manchester Guardian" подробно рецензировала и цитировала. Именно в этих обзорах зафиксирована мысль, что образованное дворянство восприняло потерю крепостных как «освобождение от морального бремени». В газете в земствах видели пространство для «искупления» прошлого через гражданское служение обществу[361].

"The Daily Telegraph" подчеркивает, что крестьянская реформа создала «зону неопределенности»: старые привычки господства и подчинения уже подорваны, но новые правовые навыки и институциональные рефлексы еще не

---

[359] [W. a.] [It is sometimes the task of a reviewer to point out the shortcomings of the work...] // The Manchester Guardian. – 1877, 9 Feb (28 янв. ст. ст.)

[360] [W. a.] [When we mentioned the reign of the late Emperor Nicholas it was only for the purpose of contrasting...] // The Manchester Guardian. – 1865, 28 July. (16 июля ст. ст.); [W. a.] [It is sometimes the task of a reviewer to point out the shortcomings of the work...] // The Manchester Guardian. – 1877, 9 Feb (28 янв. ст. ст.)

[361] Ibid.

сформированы[362]. В итоге и помещики, и крестьяне, и чиновники часто действуют, опираясь не на закон, а на инерцию прежних отношений[363].

Одновременно в газете усиливается мотив страха перед возможным крестьянским радикализмом. В обзорах конца 1860-х — начала 1870-х гг. отмечается, что в деревне живет ожидание «подлинного» передела земли[364]. "The Daily Telegraph" видит в этом опасный потенциал: если государство не сумеет убедить крестьян в окончательности реформ, любое политическое потрясение может стать сигналом к социальному взрыву[365].

Газета уделяет внимание и настроениям дворянства. В хрониках 1860-х гг. корреспонденты передают двойственное состояние сословия: верность монархии сочетается с растущим недовольством финансовым положением и засильем бюрократии[366]. Для массового читателя "The Daily Telegraph" эта тема подана в драматических регистрах: те самые люди, которые вчера владели душами и телами миллионов, сегодня вынуждены искать защиты и субсидий у государства[367]. Такая трактовка указывает на возможность опасного для самодержавия союза между обиженным дворянством и недовольным крестьянством[368].

Образ России, складывавшийся на страницах британской прессы в 1860-е гг., был образом страны, стоящей на историческом перепутье: способной на великие преобразования, но не способной — или не желающей — довести их

---

[362] [W. a.] [The momentous question which now...] // The Daily Telegraph. – 1865, 4 Feb. (23 янв. ст. ст.)

[363] [W. a.] [I commenced my correspondence by a formal denial...] // The Daily Telegraph. – 1865, 7 Jan. (26 дек. 1864 ст. ст.)

[364] [W. a.] [The Negro slave, who, as its cause, gave a certain...] // The Daily Telegraph. – 1870, 11 Nov. (30 окт. ст. ст.).

[365] [W. a.] [The news from Central Asia...] // The Daily Telegraph. – 1873, 28 Jan. (16 янв. ст. ст.)

[366] [W. a.] [The Government has at length informed the public...] // The Daily Telegraph. – 1862, 15 Apr. (3 апр. ст. ст.); [W. a.] [The momentous question which now...] // The Daily Telegraph. – 1865, 4 Feb. (23 янв. ст. ст.)

[367] Ibid.

[368] [W. a.] [The Government has at length informed the public...] // The Daily Telegraph. – 1862, 15 Apr. (3 апр. ст. ст.); [W. a.] [The Negro slave, who, as its cause, gave a certain...] // The Daily Telegraph. – 1870, 11 Nov. (30 окт. ст. ст.)

до политического завершения. Этот образ станет устойчивым клише британского дискурса о России в последующие десятилетия[369].

Кульминацией вторичной рефлексии становится некрологический дискурс после убийства Александра II в марте 1881 г. Хотя основной корпус некрологов сосредоточен в других газетах, "The Times" также публикует развернутую оценку царствования[370].

В передовой статье, вышедшей на следующий день после известий о взрыве в Санкт-Петербурге, в газете отмена крепостного права безоговорочно называется «главным событием его царствования» и «одной из крупнейших реформ XIX века». При этом подчеркивается, что «именно величина этого шага делает тем более трагическим тот факт, что император пал жертвой людей, вдохновленных идеями еще более радикальных изменений»[371].

В некрологе звучит ключевой для дальнейшего британского дискурса мотив: Александр II вошел в историю как «освободитель крестьян», но его реформы оказались незавершенной революцией, породившей силы, которые вышли из-под контроля. В этом образе сосредоточена вся амбивалентность британского взгляда на русскую модернизацию[372].

В первые годы правления Александра III "The Times" неоднократно возвращается к наследию его отца, сопоставляя обещанное «укрепление

---

[369] [W. a.] Free Russia // The Times. – 1870, 22 Jan. (10 янв. ст. ст.); [W. a.] The Russian Peasantry // The Times. – 1879, 31 Dec. (19 дек. ст. ст.); [W. a.] The Assassination of the Emperor of Russia // The Daily Telegraph. – 1881, 16 Mar. (4 марта ст. ст.)

[370] [W. a.] Alexander II // The Times. – 1881, 14 March (2 марта ст. ст.); [W. a.] Assassination of the czar of russia // The Manchester Guardian. – 1881, 14 Mar. (2 марта ст. ст.); [W. a.] The Assassination of the Emperor of Russia // The Daily Telegraph. – 1881, 16 Mar. (4 марта ст. ст.)

[371] Ibid.

[372] [W. a.] Assassination of the czar of russia // The Manchester Guardian. – 1881, 14 Mar. (2 марта ст. ст.); [W. a.] The Assassination of the Emperor of Russia // The Daily Telegraph. – 1881, 16 Mar. (4 марта ст. ст.)

самодержавия» с фактами: отмена проекта конституции М. Т. Лорис-Меликова[373], ограничения земств, усиление бюрократического контроля.

В обзоре внутренней политики России за январь 1882 г. в газете отмечается, что «утвердившись на престоле на крови реформатора, новый император не отказывается от плодов крестьянской реформы — никто не помышляет о возвращении крепостничества, — но стремится затормозить политическое развитие, которое логически вытекало из освобождения крестьян»[374].

Три издания, при всем различии тона и приоритетов, к середине 1880-х гг. сошлись к единому диагнозу: реформа была великой, но незавершенной — ее величие состояло в самом акте освобождения, ее незавершенность — в отсутствии политических гарантий, способных превратить юридическую свободу в реальную.

Расхождения между изданиями носили содержательный, а не случайный характер и определялись различием редакционных приоритетов. "The Times" последовательно измеряла реформу государственно-политическими критериями: укрепляет ли она имперский потенциал, создает ли управляемые институты, дает ли государству надежного налогоплательщика и солдата[375] . Именно поэтому газету в первую очередь беспокоила система выкупных платежей как экономическая ошибка и сохранение общины как инструмента контроля, а не освобождения.

"The Manchester Guardian" смотрела на те же события сквозь призму нравственного прогресса и либеральной теории исторического развития: реформа была для нее не просто юридическим актом, но первым звеном в

---

[373] [W. a.] The russian government. // The Times. – 1882, 4 Jan. (23 дек. 1881 ст. ст.); См. Захаров, В. Ю. Проект «конституции» М.– Т. Лорис-Меликова: была ли возможна его реализация после прихода к власти Александра III / В. Ю. Захаров, А. Н. Иванова // Гуманитарный вестник. – 2024, № 4(108). .

[374] [W. a.] RUSSIA. // The Times. – 1882, 17 Oct. (5 окт. ст. ст.)

[375] [W. a.] [The internal condition of Russia...] // The Times. – 1861, 6 Dec. (24 нояб. ст. ст.); [W. a.] Emancipation of the Serfs in Russia // The Times. – 1862, 24 Apr. (12 апр. ст. ст.)

цепи, которая должна была неизбежно привести к конституционному строю[376]. Разочарование газеты к 1880-м гг. было тем глубже, чем масштабнее были ее ожидания: отсутствие представительного собрания воспринималось не как случайный сбой, а как принципиальный изъян всей логики преобразований.

"The Daily Telegraph" строила свое освещение на иных основаниях — на живом человеке, конкретной истории, эмоциональном столкновении старого и нового. Именно этот подход позволил газете раньше других зафиксировать, что реформа породила ожидания, которые власть не в состоянии удовлетворить, и что нереализованные ожидания опаснее открытого сопротивления[377] .

Хронологическая эволюция позиций всех трех изданий подчиняется одной логике: первоначальный восторг сменяется скептицизмом по мере накопления информации о практических последствиях реформы. Польское восстание 1863 г. стало первым серьезным испытанием для этого оптимизма, обнажив противоречие между реформой внутренней России и имперской политикой на окраинах[378].

Земская и судебная реформы 1864 г. были встречены как обнадеживающие, но недостаточные шаги. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. дала новый ракурс: крестьянин теперь появлялся на страницах газет не как объект реформы, а как солдат, исполняющий воинский долг, — и этот образ одновременно свидетельствовал о глубине социальных изменений и напоминал о тяжести выкупных платежей, которые ждали его семью дома[379] .

Убийство Александра II в 1881 г. подвело символическую черту: все три газеты написали некрологи, в которых освобождение крестьян называлось

---

[376] [W. a.] Special Reforms in Russia // The Manchester Guardian. – 1865, 28 Jul. (16 июля ст. ст.)

[377] [W. a.] [On the nineteenth of January...] // The Daily Telegraph. – 1865, 4 Feb. (23 янв. ст. ст.)

[378] [W. a.] Poland // The Manchester Guardian. – 1863, 9 Jun. (28 мая ст. ст.); [W. a.] The polish insurrection // The Times. – 1863, 8 Dec. (26 нояб. ст. ст.)

[379] [W. a.] Russo-turkish war // The Daily Telegraph. – 1877, 2 Nov. (21 окт. ст. ст.)

главным делом царствования, и все три констатировали, что это дело осталось незавершенным[380] .

Таблица 5. Позиции ведущих периодических изданий Великобретании по ходе крестьянской реформы

Период	The Times	The Manchester Guardian	The Daily Telegraph
Начало 1860-х	Похвала величию акта, критика условий выкупа и общины	Нравственный пафос в интерпретации «христианского освобождения»	Публицистическая драма освобождения миллионов
Вторая половина 1860-х	Анализ земств и суда, вопрос об управляемости государства	Надежды на конституционный исход, земства как «школа самоуправления»	Фокус на повседневных конфликтах, страх перед крестьянским радикализмом
1877–1878 (война)	Реформа как источник мобилизационного ресурса, солдат-крестьянин	Поддержка освободительной миссии России с оговорками	Героика крестьянской армии и напоминание о тяжелых тылах
1881–1885 (после убийства Александра II)	Некрологическая оценка: «главное событие царствования», но политически незавершенное	Образ «трагического реформатора» и несбывшихся ожиданий	Реформа как главный аргумент против терроризма и точка сравнения с курсом Александра III

Немаловажен и методологический вывод о природе источника. Три газеты опирались на разные информационные цепочки: "The Times" — на официальные документы и корреспондентов-аналитиков, "The Manchester Guardian" — в значительной мере на либеральных эмигрантов и путешественников, "The Daily Telegraph" — на репортажи с мест. Это различие в источниковой базе объясняет не только тональные расхождения, но и то, какие аспекты реформы в каждой газете виделись отчетливо, а какие оставались в тени. Совокупность трех «оптик», при всей их неполноте, дает исследователю стереоскопическое изображение того, как западное

[380] [W. a.] Alexander II // The Times. – 1881, 14 Mar. (2 марта ст. ст.); [W. a.] Assassination of the czar of russia // The Manchester Guardian. – 1881, 14 Mar. (2 марта ст. ст.); [W. a.] The Assassination of the Emperor of Russia // The Daily Telegraph. – 1881, 16 Mar. (4 марта ст. ст.)

общественное мнение осмысливало не только сам факт отмены крепостничества, но и долгий шлейф его последствий — социальных, политических и нравственных.

2.3. Сравнение обозрения в английской и русской печати

К середине 1880-х гг. два национальных поля прессы пришли к противоположным исходам: в одном сформировался устойчивый консенсус, в другом — произошла поляризация позиций. Контраст этих траекторий не случаен — он коренится в различии структурных условий, в которых работали пять изданий.

Русская и британская пресса занимали принципиально различные правовые позиции, и именно эта асимметрия определяло саму форму их высказываний прежде, чем редактор брался за перо. Русская печать до 1865 г. работала под предварительной цензурой, а закон о печати 1865 г., по оценке полицейского рапорта 1869 г., приведенной в исследовании Л. Макрейнольдс, «предоставил прессе не права, а лишь привилегии»[381]. Эта формула точна: оба русских издания обладали официальным статусом — «Московские ведомости» издавались на условиях аренды Московского университета, «Санкт-Петербургские ведомости» принадлежали Академии наук, — и статус давал привилегированный доступ к правительственной информации ценой встроенности в государственный аппарат. Привилегия и зависимость были двумя сторонами одного положения.

Как было показано в разделе 2.1, различие двух русских изданий определялось не только идеологическим лагерем, но и экономическим положением каждого из них. Коммерческий успех менял это положение, но не

---

[381] Временные правила о цензуре и печати // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 40. Отд. 1. № 41988. СПб., 1867; *Есин, Б.И.* История русской журналистики (1703–1917). М. : Изд-во МГУ, 2000. С. 85–89; *McReynolds, L.* The News under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press. Princeton : Princeton University Press, 1991. P. 14–22.

отменял его. Катков превратил арендованную газету в предприятие с тиражом до 12 000 экземпляров и оборотом в сотни тысяч рублей; независимость от казенных субсидий давала ему свободу маневра и позволяла полемизировать с правительственной линией — «в определенных рамках»[382]. «Санкт-Петербургские ведомости» при В. Ф. Корше такой коммерческой автономии не имели: арендованные у Академии наук с доходом не более 36 000 руб. в год, они располагали значительно более скромными ресурсами и меньшей институциональной независимостью, чем катковское предприятие, — хотя по редакционной линии при Корше оставались изданием умеренно либеральным, а не правительским[383].

Британские газеты подобных институциональных ограничений не знали. "The Times" была институтом, который сам задавал политику: ее редактор Джон Тадеус Делейн формировал линию издания, а не следовал за настроениями читателей или за кабинетом. "The Manchester Guardian" выражала позицию манчестерской либеральной, протестантской, промышленной Англии и привычно критиковала консервативный истеблишмент. "The Daily Telegraph", самая дешевая и массовая газета страны, зависела от истеблишмента меньше всех. Ни предварительной цензуры, ни обязанности облекать критику в нейтральные формы у них не было: вопрос «в каком смысле крестьяне действительно освобождены?» "The Times" могла ставить прямо, в передовой статье, не рискуя ничем, кроме репутации[384].

Разница режимов отпечаталась на самой технике критического высказывания. В России критику приходилось кодировать. В

---

[382] *Перевалова, Е.В.* «Московские ведомости» М. Н. Каткова в 1863–1864 гг. – политический официоз или орган независимого общественного мнения? // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2015. – №4 (36). – С. 163–179.

[383] [Б. а.] Санкт-Петербургские ведомости // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XXVIII. СПб., 1900. С. 271–272.; Пятковский, А.П. Из истории нашего литературного и общественного развития. Ч. 2. СПб., 1876. С. 13–32.

[384] [W. a.] [The internal condition of Russia...] // The Times. – 1861, 6 Dec. (24 нояб. ст. ст.); [W. a.] Emancipation of the Serfs in Russia // The Times. – 1862, 24 Apl. (12 апр. ст. ст.)

предреформенные недели, когда содержание готовящегося акта обсуждать запрещалось, «Санкт-Петербургские ведомости» прибегали к иносказаниям — «счастливым переменам», «великому преобразованию» — и подавали материал не через передовицу, а через «корреспонденцию из Москвы» и «внутренние известия», формы, допускавшие большую свободу. Позже консервативные «Московские ведомости» выработали другой прием легитимации: латинская формула «голое право»[385], ссылки на предшествующее законодательство, высокий юридический язык — все это превращало критику выкупной конструкции в профессиональный разбор, а не в политический вызов власти[386]. Британская газета в подобной маскировке не нуждалась и переходила к существу прямо. Форма критики в обеих странах была функцией цензурного режима, а не только темперамента редакции.

Таблица 6. Институциональные условия высказывания о Великих реформах Александра II

Параметр	**Русская печать («Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости»)**	**Британская печать ("The Times", "The Manchester Guardian", "The Daily Telegraph")**
Цензурный режим	Предварительная цензура до 1865 г.; закон 1865 г. дал «не права, а привилегии»	Отсутствие предварительной цензуры; ответственность постфактум
Статус издания	Официальный: аренда у Московского университета; собственность Академии наук	Частный коммерческий институт; редакторская автономия
Отношение к власти	Встроенность; у М.Н.Каткова — коммерческая независимость «в рамках»	Дистанция, вплоть до системной оппозиционности (Guardian)
Доступ к информации	Привилегированный доступ к правительственным данным ценой зависимости	Опосредованный: перепечатки, переводы указов, свидетельства иностранцев

[385] Голое право (лат. nudum jus) — юридический термин, обозначающий право, формально признанное законом, но не обеспеченное реальными механизмами его реализации или защиты. См.: Black's Law Dictionary. 11th ed. St. Paul, MN : Thomson Reuters, 2019. P. 1284.

[386] См. *Евдокимова, М.В.* Полемика в русской прессе о свободе слова и цензурных постановлениях, 1857–1867 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 1994.

Параметр	Русская печать («Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости»)	Британская печать ("The Times", "The Manchester Guardian", "The Daily Telegraph")
Форма допустимой критики	Кодированная: иносказания, юридические формулы (nudum jus), «корреспонденции»	Прямая: открытый вопрос о подлинности освобождения в передовице

Составлено по материалам разделов 2.1 и 2.2.

Газеты двух стран были принципиально по-разному осведомлены о реформе, и различие источников определяло и достоверность, и саму фактуру их текстов. Русская печать знала реформу изнутри. «Санкт-Петербургские ведомости» развернули корреспондентскую сеть, где писали уездные чиновники, земские врачи и священники — люди, видевшие происходящее собственными глазами; их свидетельства из Костромы, Казани, Пскова, Новгорода содержали цены на хлеб, протоколы конфликтов в волостном суде, быт переселенцев. «Московские ведомости» опирались на другой тип внутреннего знания — правительственную статистику: данные о ходе выкупной операции по годам, материалы «Валуевской комиссии» 1872–1873 гг., привлекшей 181 эксперта, сводки земских бюджетов[387]. Близость к источнику давала проверяемую детализацию, которую невозможно было получить извне.

Британская печать знала реформу снаружи и из вторых рук. "The Times" публиковала перепечатки русских корреспонденций, переводы указов и декретов, объемные обзоры, написанные образованными иностранцами для политически подготовленной аудитории[388]. "The Manchester Guardian" печатала философские очерки и письма из России, нередко от авторов, для которых первичны были нравственные вопросы, и была склонна на основании одного-двух примеров делать широкие выводы о русском обществе[389]. "The Daily Telegraph" тяготела к ярким бытовым зарисовкам и драматическим

[387] [Б. а.] Несколько замечаний по поводу указаний комиссии о положении сельского хозяйства и сельской промышленности // Московские ведомости. – 1873, 25 июн.

[388] [W. a.] Emancipation of the Serfs in Russia // The Times. – 1862, 24 Apl. (12 апр. ст. ст.)

[389] [W. a.] [The reports from Russia...] // The Manchester Guardian. – 1864, 10 May (28 апр. ст. ст.)

историям, рассчитанным на эмоциональный отклик. Знание здесь было опосредованным, а отбор фактов подчинялся заранее заданной интерпретативной рамке[390].

Следствие этого различия двоякое. Русская пресса оставила архив фактографии — суммы недоимок, описания земских ревизий, протоколы волостных судов, — который иначе был бы безвозвратно утрачен и по которому современный исследователь восстанавливает повседневность реформы полнее, чем по официальным отчетам министерств. Британская пресса оставила архив интерпретаций: богатый смысловыми ходами, но фактически тонкий и склонный к схематизму, к выводам о «русском народе» из единичного эпизода. Там, где в русском издании фиксировалось, в британском — обобщалось; и так было не по выбору, а по характеру доступного знания.

Таблица 7. Источниковая база и ведущие жанры пяти изданий времен Крестьянской реформы

Издание	Основные источники	Ведущие жанры	Что реконструируется
«Московские ведомости»	Правительственная статистика, данные Валуевской комиссии, земские бюджеты	Аналитическая передовица, статистическая сводка	Макрокартина: фискальная динамика реформы
«Санкт-Петербургские ведомости»	Сеть корреспондентов: чиновники, врачи, священники	Корреспонденция с мест, обзор, отчет	Повседневность деревни и земства
The Times	Перепечатки, переводы указов, обзоры иностранцев	Передовица, юридический разбор, документ	Государственно-политическая логика реформы
The Manchester Guardian	Письма из России, эмигранты, единичные примеры	Философский очерк, краткая передовица	Нравственный смысл события (с риском обобщений)
The Daily Telegraph	Драматические корреспонденции, слухи, бытовые сцены	Репортаж, бытовая зарисовка, новость	Эмоциональный образ деревни и крестьянина

[390] [W. a.] [On the nineteenth of January...] // Daily Telegraph. – 1865, 4 Feb. (23 янв. ст. ст.)

Две прессы держали реформу в поле зрения в несовпадающих временных режимах, и из этого различия выросли два разных предмета осмысления. Русская печать вела непрерывный мониторинг. Реформа не сходила с полос как длящийся процесс, который отслеживали в деталях: «Московские ведомости» год за годом публиковали статистику выкупа — 193 161 душа в 1862 г., пик в 964 278 в 1864-м, затухание до 180 389 в 1873-м, — и по этой динамике доказывали тезисы о разорении или благополучии крестьянства[391]; «Санкт-Петербургские ведомости» столь же методично следили за земскими финансами, продовольственными кризисами, волостными судами[392]. Для русской прессы реформа была внутренней погодой, которую регистрируют ежедневно.

Британская печать работала вспышками, привязанными к внешним поводам. Внимание разгоралось вокруг Манифеста 1861 г., польского восстания 1863-го, Восточного кризиса и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., цареубийства 1881-го, контрреформ Александра III[393]. В промежутках реформа уходила с переднего плана, но не забывалась: она превращалась в «устойчивую точку отсчета», рамку, через которую объясняли новое положение России в Европе. К концу 1860-х гг. британский дискурс прямо сместился из режима «горячей новости» в режим, который сам разделы 2.2 обозначает как вторичную рефлексию: от хроники механизмов — к ретроспективной оценке последствий[394].

---

[391] [Б. а.] Сопоставление ведомости о положении выкупной операции по 1-е февраля 1874 года и ведомости о земских расходах за 1869–1871 гг. Вопрос об управлении мировых посредников // Московские ведомости. – 1874, 21 фев.

[392] [Б. а.] О ходе выкупной операции и финансовых отчетах // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 4 марта.

[393] [W. a.] The Emancipation of the Russian Serfs // The Daily Telegraph. – 1861, 21 Mar. (9 марта ст. ст.); [W. a.] POLAND. // The Manchester Guardian. – 1863, 9 Jun. (28 мая ст. ст.); [W. a.] Russo-turkish war. // The Daily Telegraph. – 1877, 2 Nov. (21 окт. ст. ст.); [W. a.] ALEXANDER II. // The Times. – 1881, 14 Mar. (2 марта ст. ст.); [W. a.] The russian government. // The Times. – 1882, 4 Jan. (23 дек. 1881 ст. ст.)

[394] [W. a.] [The latest intelligence from Russia...] // The Manchester Guardian. – 1869, 28 Jan. (16 января 1869 г. ст. ст.)

Два ритма произвели два несхожих объекта. Для русской прессы реформа осталась процессом — незавершенным, тянущимся, измеряемым в текущих цифрах недоимок и выкупных сделок. Для британской — событием, со временем застывшим в символ: «незавершенная революция», эпитет «царь-освободитель», матрица для чтения всей последующей русской истории. Непрерывность наблюдения удерживала реформу конкретной; прерывистость превращала ее в метафору. Поэтому русский текст ближе к фактуре деревни, а британский — к историософской формуле.

Газеты обеих стран последовательно использовали количественные данные, однако статистика несла в каждой из них принципиально иную функцию. В русской печати, и прежде всего у Каткова, статистические данные служили внутренним фискальным аргументом. Совокупный крестьянский долг в 77 538 670 рублей к 1 ноября 1863 г., данные Валуевской комиссии об обязательных платежах до 95 миллионов рублей, разрыв между 64 копейками с десятины у государственных крестьян и 1 рублем 87 копейками у бывших помещичьих, местности, где платежи впятеро превышали доходность земли, — этими цифрами газета доказывала состоятельность или несостоятельность реформы как хозяйственного механизма. Цифра выступала индикатором экономической состоятельности преобразования[395].

В британской печати статистика носила внешний, сравнительный и цивилизационный характер. "The Times" сопоставляла русскую выкупную схему с британской компенсацией рабовладельцам при отмене рабства 1833 г. и с прусским опытом, прикидывая, дорого ли обошлась свобода по меркам других освобождений[396]. Освобожденный крестьянин фигурировал как налогоплательщик и военнообязанный — показатель военно-экономической мощи государства, способного теперь выставить «армию, опирающуюся на

---

[395] [Б. а.]. [Посредничество правительства при выкупе крестьянами их надела …] // Московские ведомости. – 1863, 23 ноя.

[396] [W. a.] Emancipation of the Serfs in Russia // The Times. – 1862, 24 Apr. (12 апр. ст. ст.)

рекрутский набор из свободного крестьянства»[397]. Число здесь измеряло не внутреннюю механику реформы, а дистанцию между Россией и «просвещенными нациями».

Один и тот же инструмент работал в двух эпистемологиях. Русская статистика была обращена внутрь: она отвечала на вопрос, справедлива ли и устойчива ли выкупная конструкция. Британская — наружу: она помещала Россию на шкалу модернизации и сравнивала, насколько далеко Россия продвинулась. Совпадая в пристрастии к цифре, две прессы расходились в том, что именно цифра должна была доказать.

Таблица 8. Функция количественных данных в Английской и Русской прессе времен Крестьянской реформы

Аспект	Русская печать	Британская печать
Предмет счета	Выкупной долг, платежи, недоимки, доходность надела	Сопоставление с компенсациями при отмене рабства, военный потенциал
Источник цифр	Внутренняя правительственная статистика, земские сводки	Внешние сопоставления, оценки наблюдателей
Функция аргумента	Измерить экономическую состоятельность реформы	Измерить отставание России от «просвещенных наций»
Характерный пример	Долг 77,5 млн руб. (1863); платежи до 95 млн (Валуев)	Выкуп против британской компенсации 1833 г.; «крестьянская армия»

Пять изданий объединяет одна структурная черта, которую необходимо назвать, поскольку она в равной мере характеризует и русское, и британское поле: ни одно из них не предоставляло крестьянину собственного голоса. В русской прессе он появлялся как получатель реформы, налогоплательщик, потенциальный бунтовщик — «Санкт-Петербургские ведомости» были ближе к деревне благодаря корреспондентской сети, но и там крестьянин оставался «данным», а не «говорящим»; в «Московских ведомостях» видели в нем экономическую единицу, чья судьба зависит от устройства пореформенных институтов. Британская пресса воспроизводила тот же дефицит в ином

[397] [W. a.] [The internal condition of Russia...] // The Times. – 1861, 6 Dec. (24 нояб. ст. ст.)

преподношении: в "The Manchester Guardian" крестьянина превращали в нравственный символ угнетения и освобождения, "The Daily Telegraph" — в драматического персонажа живой истории, "The Times" — через оптику государственного военно-экономического интереса, о которой шла речь выше. Везде он был объектом взгляда, а не источником высказывания. Это общее молчание — не случайная лакуна, а структурное свойство прессы обеих стран, работавшей для грамотной аудитории, которая читала о крестьянстве, но не вместе с ним.

За различием тона стояло различие адресата, и здесь поля прессы устроены несимметрично. Британские газеты обращались к трем разным аудиториям, и три регистра отвечали трем читательским слоям. "The Times" писала для образованного истеблишмента, принимавшего решения, — отсюда регистр государственного интереса, юридический и финансовый разбор, ориентированный на тех, кто взвешивает последствия для дипломатии и казны[398]. "The Manchester Guardian" писала для либерального среднего класса, озабоченного вопросами морали, — отсюда возвышенный, почти религиозный регистр провиденциального прогресса[399]. "The Daily Telegraph" писала для массового читателя, ожидавшего захватывающих историй и ясных выводов, — отсюда драматический регистр сочувствия и личной судьбы[400]. Британская публичная сфера была сегментирована по читательским стратам, и каждая газета занимала свой сегмент.

Русские издания обращались к перекрывающимся аудиториям одного образованного круга. «Московские ведомости» адресовались «образованному сословию» первопрестольной и были услышаны в самых высоких правительственных кабинетах; «Санкт-Петербургские ведомости» — столичной бюрократии и прогрессивной интеллигенции, для которой реформы были повседневной работой. Оба круга во многом совпадали: чиновник,

---

[398] [W. a.] Emancipation of the Serfs in Russia // The Times. – 1862, 24 Apl. (12 апр. ст. ст.)

[399] [W. a.] [The reports from Russia...] // The Manchester Guardian. – 1864, 10 May. (28 апр. ст. ст.)

[400] [W. a.] [On the nineteenth of January...] // The Daily Telegraph. – 1865, 4 Feb. (23 янв. ст. ст.)

профессор, помещик-читатель могли держать в руках обе газеты. Поэтому различие между русскими изданиями проходило не по линии аудитории, а по линии идейного лагеря — консервативно-государственнический полюс против умеренно-либерального. Британское поле дифференцировалось по читателю, русское — по политической позиции.

Выводы к главе 2

По материалам данной главы можно сделать следующие выводы:

Сведенные воедино, четыре предыдущих различия объясняют главный итог сопоставления: за 1861–1885 гг. два национальных поля прессы двигались в противоположных направлениях. Русское поле начинало с согласия. На первом этапе, 1861–1865 гг., оба издания поддерживали реформу, расходясь лишь в нюансах: «Санкт-Петербургские ведомости» — в регистре нравственного пафоса и «единения сословий», «Московские ведомости» — в регистре финансового прагматизма. Дальше согласие распадалось. «Московские ведомости» прошли путь от либерально-экономического пафоса 1860-х, с требованием свободы передвижения и частной собственности, к охранительной программе 1880-х — тоске по «благоразумному помещику», призыву к усилению власти дворянства, идее, реализованной в законе о земских начальниках 1889 г. «Санкт-Петербургские ведомости» остались на умеренно-либеральных позициях. К 1885 г. вчерашние союзники по консенсусу превратились в принципиальных противников: программа «твердой власти» против защиты земского самоуправления. Поле разошлось.

Британское поле двигалось обратным путем — от расхождения к схождению. В 1861–1865 гг. три газеты предлагали три несводимые оптики: "The Times" анализировала реформу как вопрос государственной целесообразности, "The Manchester Guardian" переживала ее как нравственный и исторический перелом, "The Daily Telegraph" рассказывала ее как драму освобождения миллионов. Различались и тон, и сам предмет интереса. Но по мере накопления свидетельств оптики сближались. Уже к середине 1860-х все три издания формулировали общую оценку, а после 1881 г. она затвердела в единую формулу из четырех элементов: величие замысла; экономическая тяжесть и неполнота воплощения; отсутствие политических гарантий; угроза будущего кризиса. Три голоса сошлись в один вывод о «политически незавершенной революции».

Эта разница оснований дифференциации впрямую питала противоположные траектории двух полей. Сегментация по аудитории устойчива: пока существуют истеблишмент, либеральный средний класс и массовый читатель, три британские газеты сохраняют свои ниши, а накопление общих фактов лишь сближает их выводы поверх разделения по публикам. Сегментация по лагерю подвижна: политическое размежевание обостряется вместе с политическим конфликтом, и потому русские издания, привязанные к идейным полюсам, расходились тем сильнее, чем острее становилась борьба вокруг наследия реформы. Различие читателей сводило британские газеты к общему диагнозу; различие убеждений разводило русские.

Асимметрия объяснима через все сказанное выше. В России реформа была ставкой во внутреннем, неразрешенном споре о природе государственной власти; по мере того как ставки росли — рост радикализма, цареубийство, контрреформы, — позиции поляризовались, и встроенность изданий в противоборствующие лагеря разводила их все дальше. В Британии реформа была внешним объектом, который оценивали по общей либерально-эволюционной шкале; по мере того как накапливались факты, наблюдатели сближались в диагнозе, потому что мерили одной линейкой. Цензурный режим, источники, ритм внимания — все это работало на тот же исход: русская пресса, говорившая изнутри длящегося конфликта, дробилась; британская, смотревшая снаружи завершающимся событием, консолидировалась.

Таблица 9. Траектории двух национальных полей прессы, 1861–1885 во время Крестьянской реформы

Этап	Русское поле	Британское поле
1861–1865	Консенсус: поддержка реформы, расхождение в нюансах (пафос против прагматизм)	Расхождение: три оптики — анализ ("The Times"), мораль ("The Manchester Guardian"), драма ("The Daily Telegraph")
1866–1873	Критический анализ «болезней роста»: земства, община, паспортный режим	Сближение: общий вопрос об институтах и политической неполноте

Этап	Русское поле	Британское поле
1874–1880	Расхождение: дрейф «Московских ведомостей» к консерватизму	Закрепление общей формулы «незавершенной модернизации»
1881–1885	Полюса: программа «твердой власти» против земского либерализма	Схождение: единый диагноз «политически незавершенной революции»
Вектор	От согласия — к расхождению	От расхождения — к согласию

Обе прессы предсказали кризис, и обе угадали — но из противоположных диагнозов, и это последнее различие подытоживает все прежние. Британская формула предрекала взрыв из-за нехватки политической формы: социальная модернизация, не подкрепленная конституцией и представительством, обречена породить разрыв между пробужденными ожиданиями и неподвижным строем. Русская консервативная критика предрекала тот же взрыв из-за избытка преждевременной свободы: реформы 1860-х были «слишком поспешными», породили ложные ожидания у молодого поколения и условия для радикализации, с которой власть не справляется. Одно пророчество, две несовместимые этиологии — недостаток политики против избытка ее. История подтвердила прогноз обеих сторон в фактах революций 1905–1907 и 1917 гг., но не рассудила их в объяснениях.

Сопоставление на уровне условий, источников и ритма показывает то, что ускользает при сравнении одних лишь позиций: русская и британская печать видели не вполне одно событие. Каждое поле могло задать лишь те вопросы, которые допускали его цензурный режим, его источники знания и его временной горизонт. Русская пресса, встроенная во внутренний конфликт и питавшаяся статистикой изнутри, спрашивала, верно ли исполнена реформа и кому она выгодна, — и раскалывалась по мере того, как конфликт обострялся. Британская пресса, наблюдавшая Россию извне по общей мерке прогресса, задавалась вопросом, отвечает ли империя меркам просвещенных наций, — и сходилась к единому ответу по мере того, как накапливались свидетельства. Крестьянская реформа оказалась одним и тем же актом, преломленным двумя несовместимыми представлениями о том, откуда исходят власть и перемена; и

структура каждого поля печати предрешала, какие вопросы оно вообще было способно поставить[401].

[401] *Бугров, А.Ю.* Крестьянская реформа 1861 г. в освещении российской и английской газетной прессы // Филология: научные исследования. – 2025. – № 12. – С. 303–320.

ГЛАВА 3. РЕФОРМЫ 1864–1874-х гг. В ЗЕРКАЛЕ ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В данной главе решаются следующие задачи: описание и анализ интерпретации земской, судебной, военной, цензурной реформ газетной периодикой Российской империи — «Московскими ведомостями» и «Санкт-Петербургскими ведомостями» — в политическом контексте России 1860-х — 1870-х гг.; описание и анализ интерпретации земской, судебной, военной, цензурной реформ газетной периодикой Великобритании — "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph" в политическом контексте российско-британских отношений 1860-х — 1870-х гг.; сравнительный анализ интерпретации земской, судебной, военной, цензурной реформ в русской и английской печати: выявление общих и различных элементов медийного дискурса и выявление факторов, обусловивших эти сходства и различия.

3.1. Освещение реформ 1864–1874-х годов в русской печати

Великие реформы Александра II, развернувшиеся в 1860–1870-х гг., стали поворотным моментом в истории Российской империи. Земская, судебная, цензурная и военная реформы не только преобразили государственный строй и общественный уклад страны, но и сформировали принципиально новое информационное пространство, в котором периодическая печать впервые заняла позицию полноценного участника общественно-политического процесса[402]. Две крупнейшие русские газеты эпохи — «Московские ведомости» под редакцией Каткова и «Санкт-Петербургские ведомости» под редакцией Корша — оказались на противоположных полюсах идеологического спектра, и именно их полемика

[402] [Б. а.] [Партия, имеющая своим органом газету Весть, достаточно обнаружила свой характер…] // Московские ведомости. – 1868, 30 Окт.; [Б. а.] [Мм. гг., на днях мы прочли в NN 122 и 127 газеты Весть две передовые статьи] // Московские ведомости. – 1868, 16 ноября.

создала тот объемный, стереоскопический образ реформ, который дошел до нас в газетных подшивках.

Эта глава исследования построена на анализе обширного количества первоисточников: более ста двадцати номеров двух газет, охватывающих период с 1864 по 1886 гг. Материалы систематизированы по четырем реформам: земской (Положение 1 января 1864 г.)[403], судебной (Уставы 20 ноября 1864 г.)[404], цензурной (Именной указ 6 апреля 1865 г.)[405] и военной (Устав о воинской повинности 1 января 1874 г.)[406]. Для каждой реформы прослеживается эволюция позиции обоих изданий — от первоначальных откликов до осмысления практических результатов. Особое внимание уделяется текстам газетных публикаций, статистическим данным, публиковавшимся на их страницах, и журналистским методам подачи реформенной проблематики.

Газета «Московские ведомости» встретила обнародование Положения о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. с почти торжественным воодушевлением. Уже в номере от 11 января 1864 г. редакция заявляла: «Мы не можем, однако, не указать на одно, по нашему мнению, самое важное значение нового закона. Он впервые призывает у нас к жизни земство, как великую, всеобъемлющую общественную силу... Впервые теперь является у нас цельное земство, свободное от существовавшей доселе организации по правам состояния, и впервые является общественная группа землевладельцев. Это великий шаг. Регламент учреждений может измениться, они могут уступить свое место другим; но это останется. Останется земство, как

---

[403] Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 39. № 40457.

[404] Судебные уставы от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 39. № 41473–41476.

[405] Именной указ от 6 апреля 1865 г. об отмене предварительной цензуры и о новом цензурном уставе // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 40. № 41988.

[406] Устав о воинской повинности от 1 января 1874 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 49. № 52983.

типическая физиономия русского народа. В этом главная сила закона. Да здравствует же русское земство! Слава монарху, призывающему его к жизни!»[407]. На следующий день в газете последовал содержательный анализ; подчеркивалось, что значение нового закона состоит «Закон 1-го января имеет особенную важность не столько по тем специальным учреждениям (собраниям и управам), которые он создает, сколько по тем началам, которые он вызывает в нашей народной организации. В этих-то началах заключается его главное значение. До сих пор Русский народ не имел совокупной организации; теперь он имеет ее. До сих пор мы имели отдельные гражданские состояния, чуждые друг другу, раздроблявшие народ или скрывавшие его единство, и препятствовавшие течению его жизни; теперь положено начало живой и цельной общественной организации земства, основанной на одном всеобщем начале собственности»[408]. Ключевая мысль Каткова, последовательно развиваемая им в серии январских передовиц 1864 г., состояла в том, что до реформы русский народ «не имел совокупной организации» — и вот теперь новый закон впервые призывает к жизни земство как «великую, всеобъемлющую общественную силу»[409]. Характерно, что уже в первых публикациях под редакцией Каткова «Московские ведомости» обнаруживали двойственность, ставшую их визитной карточкой на протяжении последующих двадцати лет: восторженное отношение к самой идее земства сосуществовало с трезвым, подчас жестким разбором функционирования конкретных институциональных механизмов. Статья от 13 января 1864 г. открывалась провокационным вопросом: «Земская управа или мировой

---

[407] [Б. а.] По поводу указа о введении в действие новых земских учреждений // Московские ведомости. – 1864, 11 Янв.

[408] [Б. а.] О призвании духовенства к участию в земских делах // Московские ведомости. – 1864, 14 янв.

[409] [Б. а.] [Закон 1-го января имеет особенную важность не столько по тем специальным] // Московские ведомости. – 1864, 14 Янв.; [Б. а.] По поводу указа о введении в действие новых земских учреждений // Московские ведомости. – 1864, 11 Янв.

съезд?» — и содержала подробный анализ §§ 46, 59, 99, 117 Положения[410]. Газета доказывала, что мировые посреднические учреждения — «единственный наш институт, которого действия подлежат полной, ничем не стесненной гласности» — являются зародышем небюрократического управления. Предлагалось по возможности «слить земские учреждения с мировыми», то есть встроить зарождавшееся самоуправление в уже действующую и проверенную систему, а не создавать параллельную структуру[411].

Тема противостояния бюрократического порядка и начал местного самоуправления проходила красной нитью через все публикации первых месяцев. В номере от 27 марта 1864 г. редакция газеты формулировала: «Самоуправление только тогда имеет надлежащий вид, когда является органом той же самой государственной власти, которая действует и посредством чиновничества»[412]. Катков последовательно противопоставлял английскую модель самоуправления прусской бюрократии, утверждая, что сущность самоуправления — не в самом факте выборов, а в деловых качествах и имущественной независимости участников. Ссылки на английских мировых судей, баденский и остзейский опыт — характерная черта катковской публицистики, адресованной образованной аудитории, для которой параллели с европейской политикой были органичны и убедительны.

Особое место в публикациях «Московских ведомостей» занимал анализ первых земских выборов. Газета от 3 марта 1864 г. опровергала утверждения о «поражении дворянства» на самарских выборах, публикуя подробную табличную сводку по каждому уезду: хотя в уездных собраниях крестьяне составляли числовое большинство (208 из 401), при выборах в губернские

---

[410] [Б. а.] Закон 1-го января имеет особенную важность не столько по тем специальным] // Московские ведомости - 1864 – 14 Янв.

[411] [Б. а.] [Земская управа или мировой съезд? Так спрашивали себя, конечно, весьма многие] // Московские ведомости. – 1864, 13 Янв.

[412] [Б. а.] Условия успешности местного самоуправления // Московские ведомости. – 1864, 27 мар.

гласные предпочтение неизменно отдавалось дворянам[413]. Аналогичные данные были опубликованы по Пензенской губернии: из 32 членов уездных управ 24 оказались дворянами, лишь 4 — крестьянами; в губернские гласные прошли 55 дворян и всего 1 крестьянин. Редакция делала характерный вывод: «Красноречивее не могли крестьяне выразить свое доверие к поместному дворянству»[414].

Одной из ключевых тем на страницах газеты в первый год земства стало требование безвозмездной службы в управах. «Служить из почета, быть поставлену так, чтобы никто не мог считать вас наемником, вот в чем заключается условие общего уважения», — настаивала газета 17 февраля 1865 г.[415] Безвозмездность объявлялась «условием не только самоуправления, но и самосохранения для образованных классов». Альтернативой жалованью в газете предлагался процент с экономии против сметы: суть этого прагматичного механизма заключалась в том, чтобы не назначать членам управ фиксированного оклада, а выдавать им процент от сумм, которые они сумеют сберечь для земства по сравнению с утвержденным бюджетом[416]. В этом требовании проявлялась глубинная установка «Московских ведомостей»: земство должно быть делом имущих классов, их общественной обязанностью, а не профессиональной службой за казенный счет.

Публикации 1865 г. фиксировали важнейшие практические вопросы. Номер от 29 мая 1865 г. был посвящен предстоящему открытию собраний Московской губернии. Газета приводила английский пример: «В Англии, например, мировые судьи... получают полномочие от короны... тогда как

---

[413] [Б. а.] К вопросу о консолидации кредитных билетов по плану гр. Шувалова // Московские ведомости. – 1864, 3 мар.

[414] [Б. а.] Результаты земских выборов. Значение безземности в земской службе в виду преобладания в ней крестьянского элемента // Московские ведомости. – 1865, 19 мар.

[415] [Б. а.] Важность выбора «местных» лиц, принцип безземности в земской службе и сближении сословий // Московские ведомости. – 1865, 17 фев.

[416] [Б. а.] [8-го марта, как извещалось в нашей газете, последовало торжественное] // Московские ведомости. – 1865, 20 Мар.

местные обыватели нисколько не участвуют в их избрании. Между тем Англия всем известна как образцовая страна местного самоуправления»[417]. Этот аргумент задавал рамку консервативной критики: решающее значение имеет не «демократичность» организации, а реальная компетентность участников.

Хозяйственная проблематика земства и его первые бюджеты подробно разбирались на страницах газеты весной 1865 г. В газете вникали в расходные сметы и обращали внимание на то, что непропорционально большая доля уходит на содержание управ и канцелярий. Приводя в пример уезды Пензенской губернии, редакция указывала, что только на канцелярию уездной управы отпускалось по 1500–1600 рублей. Особый акцент ставился на разрыве между реальными возможностями земства и его административными издержками: в газете подчеркивалось, что «весьма немногие из уездных управ будут иметь в своем распоряжении более 20.000 рублей на удовлетворение всех земских потребностям»[418]. Критикуя назначение высоких окладов и суточных (до 60 рублей) для самих земских гласных, редакция предупреждала, что при таких порядках земство «понесет новый налог до четырех, а может-быть и более миллионов», растрачивая средства на аппарат в ущерб реальным делам[419].

Номера от 16 января и 5 февраля 1870 г. были целиком посвящены одной из острейших болевых точек земской жизни — вопросу о том, где заканчиваются полномочия государственной администрации и начинается самоуправление. Разбирая циркуляр МВД от 18 июня 1869 г., наделявший губернатора правом ревизовать земские сметы, редакция предупреждала: «это значит открыть настежь двери нескончаемым пререканиям между губернскою

---

[417] [Б. а.] Необходимость усиления элемента крупного землевладения. Недостаточность существующей земской организации для борьбы с пожарами и необходимость скорейшего введения мирового суда // Московские ведомости. – 1865, 29 мая.

[418] [Б. а.] [Мы указывали уже на возможность облегчить службу в управах избранием…] // Московские ведомости. – 1865, 30 Мар.

[419] [Б. а.] [А признаемся откровенно, при каждом новом известии о ходе этого дела…] // Московские ведомости. – 1865, 24 Мар.

администрацией и земством»[420]. В номере от 16 января тщательно рассматривались статьи 94–96 Положения, и делался вывод, что расширение губернаторских прав выходит за установленные ими рамки. Взамен механического наращивания административного контроля в газете выдвигалась модель, близкая к прокурорскому надзору: губернатор фиксирует выявленные нарушения и доводит их до сведения собрания, тогда как приостановить исполнение он вправе лишь по основаниям, прямо предусмотренным ст. 91 Положения[421].

Публикация от 26 октября 1870 г. примечательна обращением к французскому понятию «le pays légal» (страна законная)[422]. Однако газета использовала его для того, чтобы подчеркнуть всесословный, глубоко народный характер нового института: в отличие от прежнего французского представительного ценза, именовавшегося «легальным земством», русские земские учреждения «не оставляют за своими дверьми никого из членов Русской земли» и не несут в себе зачатков классовой розни[423]. Выступления этого периода знаменовали важнейший этап в позиции «Московских ведомостей»: земство окончательно признавалось не фикцией, а реальной совокупностью всего народа, которую правительство совершенно обоснованно призвало к соучастию в разрешении фундаментальной государственной задачи — реформы подушных налогов.

Номер от 17 декабря 1879 г. — один из самых показательных документов позднего периода. В газете указывалось, что к двадцатипятилетию правления

---

[420] [Б. а.] Отношения губернской администрации к местному самоуправлению // Московские ведомости. – 1870, 5 фев.

[421] [Б. а.] Отношения губернской администрации к местному самоуправлению // Московские ведомости. – 1870, 16 янв.

[422] "Законная страна". Слои населения, пользующиеся в отличие от массы нарда конституционными привилегиями; избиратели по цензу. Выражение принадлежит фр. королю Людовику Филиппу (1773- 1850), при котором огромное большинство французов оставалось за пределами "законной Франции" из-за высокого избирательного ценза.

[423] [Б. а.] [Работам по реформе подушных налогов дано направление какого еще] // Московские ведомости. – 1870, 26 окт.

Александра II в Московском земстве предлагалось отпускать до 30 000 руб. ежегодно на народные школы и духовенство, однако в целом земства не сумели организовать действенную систему местного хозяйства[424]. Критика приобретала сословный оттенок: в газете утверждалось, что демократизация земских выборов привела к «размыванию» ответственного элемента — имущего дворянства.

Третий хронологический пласт — 1880–1884 гг. — обнаруживает полное разочарование редакции Каткова в земском деле. Номер от 3 ноября 1880 г. скептически оценивал проект замены двуступенчатых крестьянских выборов прямыми: при прямых выборах к прежним влияниям «может присоединиться еще худшее, влияние так называемых мироедов, заправляющих делами схода»[425]. Газета часто возвращалась к закону от 21 ноября 1866 г., который де-факто ограничил самостоятельность земских собраний. Передовица от 22 мая 1882 г. обрушивала на земские учреждения обвинение в том, что они «проникнуты самым ложным демократизмом», и даже приводила пример Дона, где целые округа «просили об отмене самоуправления в его нынешнем виде»[426].

Наконец, номер от 17 января 1883 г. фиксировал нарастающий абсентеизм, превратившийся в системную проблему: в Харькове, Рязани, Калуге, Чернигове, Саратове собрания не могли открыться в срок или закрывались досрочно из-за отсутствия кворума. В Саратовском земстве комплект в «31 гласный» долго не мог собраться, а когда недостающий гласный случайно зашел в зал, собрание спешно утвердило смету без долгих прений. Статистика расходов поражала: содержание управы — 9 400 руб., канцелярии — 6 800 руб., и еще 600 руб. временно на ту же канцелярию. Газета доказывала,

---

[424] [Б. а.] [Россия в наступающем году будет праздновать двадцатипятилетие нынешнего славного царствования...] // Московские ведомости. – 1879, 17 дек.

[425] [Б. а.] [Петербургские газеты сообщают, что в административных сферах рассматривается теперь вопрос...] // Московские ведомости. – 1880, 3 нояб.

[426] [Б. а.] [По печати сделано распоряжение не говорить ничего ни в пользу, ни против созыва земского собора...] // Московские ведомости. – 1882, 22 мая.

что земское самоуправление стало обузой для населения и содержание его непропорционально реальному эффекту: «8 000 руб. (на статистику), 2 500 руб. (на ее печатание), 2 600 руб., 3 000 руб., 1 000 руб., 500 руб.» — этот калейдоскоп сумм наглядно рисовал картину бюрократизации выборного учреждения[427].

«Санкт-Петербургские ведомости» под редакцией Корша занимали принципиально иную позицию. Если «Московские ведомости» при всем первоначальном энтузиазме склонялись к экспертной критике, то столичное издание Корша давало трибуну сторонникам нового самоуправления и сознательно формировало позитивный образ земских учреждений. Мартовские номера 1865 г. — первые в корпусе — фиксируют момент рождения земского дела. В рубрике «Земское дело» от 4 марта в газете подробно описывались земские выборы в Псковской и Костромской губерниях; приводился сословный состав: «255 гласных: 120 помещиков, 6 священников, 1 чиновник, 27 купцов, 1 мещанин, 89 крестьян, 11 иных»[428]. Детализированность сведений указывает на наличие корреспондентской сети — редкость для провинциальных выборов середины 1860-х.

Земское представительство строилось на всесословном принципе. Выборы в земские учреждения проходили через три избирательных съезда, каждый из которых соответствовал своей курии. Курия уездных землевладельцев объединяла преимущественно дворян-помещиков: голосовать на ней могли те, кто владел земельным цензом, недвижимостью или имел определенный годовой капиталооборот. В городской курии право голоса принадлежало обладателям купеческих свидетельств, хозяевам торгово-промышленных заведений с оборотом от 6 тысяч рублей в год, а также собственникам недвижимости установленной стоимости.

---

[427] [Б. а.] [1882 год прошел, а очередные губернские земские собрания, которые должны созываться не позже декабря...] // Московские ведомости. – 1883, 17 янв.

[428] [Б. а.] [О ходе выкупной операции и финансовых отчетах …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 4 марта.

В номере от 7 марта 1865 г. был напечатан примечательный документ — первый в России регламент земского собрания: 17 пунктов Правил Самарского уездного собрания. В нем прописывались порядок голосования, подпись неграмотных гласных знаками «+» или «−» и право особого мнения[429]. Редакция открыто замечала, что этот регламент «не бесполезен» для «всех предстоящих земских собраний». Публикуя самарский опыт, газета действовала не просто как информационный канал — она сознательно брала на себя роль посредника в обмене организационной практикой между губерниями. Тут же приводились финансовые данные: совокупный бюджет Самарского земства — 590 000 руб., губернского — 187–190 тыс. руб., расходы на народное образование — 24 044 660 коп., содержание управы — 2 590 000 коп.[430]

Отдельного внимания заслуживает угличская корреспонденция от 6 марта 1865 г. — она зафиксировала показательную микроисторическую картину: городские обыватели Углича попросту не знали, что такое земство, и равнодушно проходили мимо избирательного участка. Корреспондент воспроизвел живой диалог — «"Что это?"» — и передал обывательское недоумение без какого-либо литературного лоска[431]. Редакция, впрочем, не спешила превращать этот эпизод в довод против реформы, а замечала: «первые разумные действия новых учреждений немедленно отразятся в сознании народных масс». Газета последовательно выстраивала институт публичной подотчетности, указывая, что «между представителями и народом возникла бы та тесная нравственная связь, которая должна служить подлинной основой представительного начала».

---

[429] [Б. а.] [О дискриминационном положении государственных крестьян …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 7 марта.

[430] [Б. а.] [О дискриминационном положении государственных крестьян …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 7 марта.

[431] [Б. а.] [О борьбе против принципа неотчуждаемости крестьянских наделов …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 6 марта.

В дальнейшем — в номерах 1866–1870 гг. — в газете фиксировалось обострение практических проблем земского самоуправления. Обширная корреспонденция из Ярославля от 2 мая 1866 г. описывала «обломовскую праздность» губернии: ярославские жители не проявляли никакого интереса к Положению о земских учреждениях до тех пор, пока не было напечатано объявление о сроках съездов[432]. Корреспондент приводил детальные выборные данные: 96 дворян из 25 уездов, 32 крестьянина, 10 чиновников из 74 городских гласных, 16 священников, 16 купцов и 38 мещан. Автор отмечал, что само «земское дело» воспринималось как нечто чуждое и непонятное — именно информационная функция прессы должна была переломить эту ситуацию.

Статья-письмо П.А.Дубовицкого «Где взять врачей земству?» от 22 марта 1866 г. поставила вопрос кадрового голода в земской медицине, ставший одной из центральных проблем 1860–1870-х гг. Автор указывал, что из 600 врачей, имевшихся в губерниях, земству были доступны менее 300, а содержание одного врача обходилось в значительную сумму[433]. Эта публикация — одна из первых в русской прессе, посвященных кадровому обеспечению земской медицины, — предвосхищала многолетнюю дискуссию о «третьем элементе» земства.

Однако в 1867 г. был принят закон, запрещавший любые связи между земствами разных губерний, даже по общим делам управления. Все печатные издания были подчинены цензуре губернатора. Местное население полностью утратило возможность контролировать деятельность земских учреждений. Правительство, опасаясь влияния земских учреждений, ограничило их компетенцию узким кругом чисто хозяйственных дел, из пределов которых земства не имели права выходить.

---

[432] [Б. а.] [О деятельности земских собраний …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1866, 2 мая.

[433] [Б. а.] [О неотчуждаемости крестьянских наделов как тормозе экономического развития …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1866, 22 марта.

Публикация Николая Слетова от 29 июля 1869 г. — одна из наиболее разоблачительных корреспонденций о реальном функционировании земских органов. Бывший член ревизионной комиссии Тамбовского губернского земского собрания обращался в столичную газету с документальным обвинением: отчеты управы были «до такой степени неполные, запутанные и неверные, что собрание… не могло получить точных сведений о земских капиталах»[434]. Показательно, что Слетов обратился именно в «Санкт-Петербургские ведомости», а не в местную газету — столичная пресса выступала замещающим институтом общественного контроля в условиях слабости правовых механизмов.

Корреспонденция из Вологды от 28 января 1870 г., подписанная «Нелюдим», приводила ценную статистику: в уездных управах Вологодской губернии крестьяне составили наибольшую группу (14 из 41), а в Вельском уезде крестьянин был избран председателем управы — факт исключительный для практики 1860-х гг. Общие расходы на содержание земства превышали 60 000 руб. — цифра, которая «здесь приводит в замешательство многих»[435]. Противники земства «проповедуют на тему о том, что управы можно было бы составить из состоятельных лиц, которым жалованье не нужно». «Нелюдим» разоблачал эту позицию, связывая ее с тенденцией газеты «Вести» — «отстранить от участия в земстве малоимущих и распоряжаться самим, как прежде».

Еще один смысловой пласт публикаций «Санкт-Петербургских ведомостей» связан с острейшей проблемой земского обложения и нехватки средств. В столичной газете наглядно демонстрировалось, что масштаб задач, возложенных на новые учреждения, значительно превышал их финансовые возможности.

---

[434] *Слетов, Н.* [О роли дворянства в проведении реформы и его «великом гражданском подвиге» …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1869, 29 июля.

[435] [Б. а.] О состоянии пореформенной деревни // Санкт-Петербургские ведомости. – 1870, 28 янв.

Корреспонденции весны 1869 года фиксировали, что земства с трудом справлялись с содержанием навязанных им административно-судебных структур: так, только в одном уезде стоимость «мирового института» и «новой судебной корпорации» могла поглощать от 8 000 до 10 000 рублей[436]. При этом база налогообложения оставалась крайне узкой и ложилась преимущественно на земли и недвижимость.

В газете приводили примеры того, как попытки губернских собраний обложить сборами промышленные и торговые капиталы блокировались комиссиями под предлогом того, что «обложение это не имеет законного основания»[437]. В поисках выхода из финансового тупика местные органы порой доходили до абсурда: в издании с иронией сообщалось о попытках покрыть бюджетные дыры за счет экзотических сборов — например, колоссальных штрафов с крестьян (свыше 17 тысяч рублей) за недоимки по повинности «на истребление сусликов»[438].

Публикации газеты неоднократно затрагивали проблему, ставшую хронической для местного самоуправления: закон 13 июня 1867 г., установивший предварительную губернаторскую цензуру, резко ограничил гласность земских собраний[439]. В номере от 10 июня 1869 г. редакция констатировала, что с изданием этого закона деятельность земства «подернулась туманом, и совершенно почти исчезла из глаз общества»[440]. Проблема закрытости заседаний напрямую связывала земскую и цензурную реформы: пресса не могла полноценно информировать публику, а само земство, оказавшись в административном полумраке, чувствовало себя лишенным «той жизненной и направляющей силы, которая заключается в

---

[436] [Б. а.] Внутренние известия // Санкт-Петербургские ведомости. – 1869, 23 мая.

[437] [Б. а.] Внутренние известия // Санкт-Петербургские ведомости. – 1869, 11 апреля.

[438] Там же.

[439] [Б. а.] [За несколько дней пред сим в Северной Почте (от 22-го февраля) появилась заметка…] // Московские ведомости. – 1868, 29 фев.

[440] [Б. а.] [Нельзя не жалеть что сведения о земских учреждениях, вследствие особо-установленных…] // Московские ведомости. – 1869, 10 июня.

полной публичности действий»[441]. Без свободного обсуждения в печати, доказывала газета, новые общественные учреждения рискуют заглохнуть.

В первые годы после введения Судебных уставов 1864 г. отношение Каткова к судебной реформе носило восторженный характер: публицист называл новые суды «настоящими судами», «потому что бывшие доселе суды лишь неправильно назывались этим именем»[442]. Действительно, публикации 1864 г. обнаруживают последовательную поддержку новых судебных институтов. Передовая статья от 30 марта 1864 г. прямо связывала две главные реформы, утверждая, что судьба местного самоуправления «зависит всего более от судебной реформы»[443]. В газете беспощадно критиковался формализм дореформенного судопроизводства: в номере от 15 апреля редакция приветствовала переход к словесному суду, который должен навсегда освободить правосудие «от его теперешнего приказного характера»[444]. Издание также активно обращалось к европейскому судебному опыту для просвещения своей аудитории. Так, передовица от 26 марта 1864 г. (№ 69) проводила критический разбор французской судебной практики в сравнении с английской, доказывая важность независимости и высокого достоинства судейского звания[445].

Судебными уставами 1864 г. создавалась оригинальная и эффективная система правосудия. Она имела две ветви, общие суды и мировые суды. Более того, существовали суды особой подсудности: военные, волостные и коммерческие. Уезды и города были разделены на участки мировых судей. Территория, подведомственная окружным судам, охватывала несколько

---

[441] Там же.

[442] *Подлесных, С.Н.* Вопросы судебной системы России 1860–1880-х гг. в работах М.Н. Каткова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 1. – С. 162–176.

[443] [Б. а.] [Быть или не быть у нас самоуправлению, это в настоящее время зависит] // Московские ведомости. – 1864, 30 марта.

[444] [Б. а.] [Словесное делопроизводство, вот главная характерическая черта новопроектированной формы суда] // Московские ведомости. – 1864, 15 апр.

[445] [Б. а.] [Теперь, когда нам предстоит коренная реформа в нашем судоустройстве] // Московские ведомости. – 1864, 26 мар.

уездов, округа судебных палат — несколько губерний. Апрельские номера 1865 г. (№ 79–92) составили целенаправленную редакционную кампанию — последовательный комментарий к Судебным уставам 20 ноября 1864 г.[446] Статья от 15 апреля 1865 г. (№ 81) была посвящена переходу к словесному делопроизводству, предостерегая от сохранения старой канцелярской рутины. Номер от 22 апреля (№ 86) содержал впечатляющую статистику по Москве: число задержанных полицией выросло с 9 664 в первой половине 1861 г. до 23 273 в первой половине 1864 г.[447] Этот колоссальный рост свидетельствовал о глубоком кризисе дореформенного правосудия: старый суд и произвол полиции порождали массовую безнаказанность и были совершенно бессильны перед новыми условиями жизни общества[448]. Наконец, статья от 23 августа (№ 185) пользовалась латинским термином "decorum"[449] для обозначения достоинства, которое должно было отличать новое публичное судопроизводство от прежнего.

Номера 1866 г. фиксировали вступление в жизнь судебной реформы. Редакционная статья от 22 апреля 1866 г. (№ 86) не рассматривала трудности первого года, так как была написана в самом преддверии открытия новых судебных установлений в Москве (23 апреля) и вскоре после их открытия в Петербурге (17 апреля)[450]. Она оценивала этот шаг как великое преобразование, с которым «немногое из того, что совершилось прежде... может сравниться по важности и значению». Настоящим же триумфом стало открытие мировых судов в Петербурге 17 мая 1866 г. Статья от 4 июля 1866 г. (№ 139) содержала развернутый сравнительный анализ института мировых

---

[446] [Б. а.] [Словесное делопроизводство, вот главная характерическая черта новопроектированной формы суда] // Московские ведомости. – 1865, 15 апреля.

[447] [Б. а.] [Сознавая решительную невозможность повсеместного одновременного введения] // Московские ведомости. – 1865, 22 апр.

[448] [Б. а.] [Публичный полевой военный суд, происходивший здесь третьего дня] // Московские ведомости. – 1865, 23 авг.

[449] decōrum, ī n. [decorus] приличие, пристойность, достоинство С, Т

[450] [Б. а.] [Тревога и волнения последних дней были так велики] // Московские ведомости. – 1866, 22 апр.

судей, привлекая английский термин «justices of the peace» и французский "juge de paix"[451]. Автор подчеркивал, что слово «мир» (the peace) означает здесь «государственный мир», поэтому мировой судья — это не просто примиритель, а «орган государственной власти, восстановляющий дело внутреннего мира в случае его нарушения»[452].

Продолжение темы последовало 25 июля (№ 156), где газета углубилась в концептуальный, а не финансовый анализ реформы. Статья отстаивала принцип государственной значимости мировой юстиции и независимости суда от местной администрации: по убеждению редакции, новое судебное устройство было не просто реформой, а «актом творческим», призванным оградить правосудие от влияния административных властей[453]. Выражая сожаление, что мировые судьи не судят от имени Императора, издание риторически вопрошало: «От кого же должны производить свою власть мировые судьи, если они должны чинить суд свой не от имени Его Величества? Неужели от земского собрания, или от городской думы?».

Окружные суды были судами первой инстанции общих судов, судебные палаты — судами второй инстанции. Значительной гарантией независимости судов стал принцип несменяемости судей. Председатели и члены окружных судов и судебных палат не могли быть уволены или переведены с одной должности на другую без их согласия, это было возможно только по приговору суда. Все постоянные штатные окружного суда и судебной палаты, коронные судьи, назначались императором по представлению министра юстиции. Для назначения на должность члена окружного суда необходимо было иметь

---

[451] [Б. а.] [Новооткрытый мировой суд приобретает все более и более популярности] // Московские ведомости. – 1866, 4 июля.

[452] *Nishchymna, S.* The legal institution of justices of the peace: feasibility and risks / S. Nishchymna // Economics. Finances. Law. – 2025. – Vol. 5/2025, No. . – P. 39–43. DOI 10.37634/efp.– 2025.5.8. EDN CLIXLK.; *Salducci, F.* Un juge de paix dans la tourmente révolutionnaire (1793-1797). Honoré Claude Antiboul, juge de Saint-Tropez / F. Salducci // Annales du Midi. – 2022. – Vol. 134, No. 319. – P. 363–380. DOI 10.3406/anami.– 2022.9127. EDN FRUZSS.

[453] [Б. а.] [Независимость суда от администрации. Мировая юстиция] // Московские ведомости. – 1866, 25 июля.

высшее юридическое образование и стаж работы в суде или прокуратуре не менее трех лет.

Третья фаза — 1873–1880 гг. — обнаруживает решительный поворот «Московских ведомостей»: от конструктивной защиты новых судов к резкой критике их практики и системному пересмотру некоторых принципов (например, выборности мировых судей). В передовая статье от 17 января 1874 г. фиксировали угрожающий рост нерешенных дел в Уголовном кассационном департаменте Сената — с 21 дела в 1866 г. до 4 656 дел в 1873 г.[454]. Редакция газеты подчеркивала, что более 80% этих жалоб подаются на решения мировых съездов, что прямо ставило под сомнение компетентность института мирового суда и указывало на «весьма низкий уровень юридических сведений и опытности» в его рядах.

В этой же публикации приводилась масштабная статистика: к 1873 г. судебные учреждения действовали в 51 губернии с населением в 64 375 000 человек. Эта публикация представляет собой самостоятельную источниковедческую ценность для историков судебной системы, обнажая инфраструктурный кризис кассационной инстанции и нарастающее разочарование консервативной печати в мировом правосудии.

Публикации 1875 г., в частности передовая статья от 3 октября, посвящались проблеме несменяемости мировых судей, привлекая немецкую параллель "Amtsrichter" (единоличный судья)[455]. Газета доказывала, что трехлетний выборный срок мировых судей недостаточен для формирования профессионализма, и предлагала назначение от короны по европейскому образцу, указывая, что немецкие "Amtsrichter" суть коронные несменяемые судьи.

---

[454] [Б. а.] [Облегчение кассационного суда от чрезмерного накопления дел] // Московские ведомости. – 1874, 17 января.

[455] [Б. а.] [Новое германское судоустройство, введенное в действие с 1 октября] // Московские ведомости. – 1875, 3 октября.

Этим Катков предвосхищал ликвидацию выборного мирового суда в 1889 г. и введение института «земских начальников» (информация из внешнего источника). Дело Веры Засулич 1878 г., в котором суд присяжных оправдал стрелявшую в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, стало переломным: Катков окончательно перешел на позицию пересмотра принципа суда присяжных по политическим делам[456].

Для рассмотрения дел о преступлениях, за которые могло быть назначено наказание в виде лишения прав состояния, привлекались присяжные заседатели. Как правило, лишение прав состояния сопровождалось другими наказаниями, такими как каторжные работы, ссылка, тюремное заключение, и квалифицировалось как тяжелый приговор. Институт мировых судей при всей ограниченности демократизма в нем не удовлетворял высшее чиновничество и в 1889 г. был упразднен везде, кроме Москвы, Петербурга и Одессы[457]. Мировые судьи были заменены назначаемыми чиновниками в результате «контрреформ»[458].

«Санкт-Петербургские ведомости» при Корше последовательно выступали в поддержку всех ключевых институтов, введенных судебной реформой: суда присяжных, мирового суда, гласного и состязательного судопроизводства, независимости судебной власти от администрации, несменяемости судей и адвокатуры. В газете сотрудничал М. И. Зарудный — брат одного из главных архитекторов реформы, Зарудного[459], что указывает на близость издания к реформаторским кругам.

---

[456] [Б. а.] [Был суд. Судили в Тифлисе, в Судебной Палате] // Московские ведомости. – 1879, 26 июня.

[457] Положение о земских участковых начальниках от 12 июля 1889 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. IX. № 6196.

[458] *Фролов, В.В.* Судебная реформа 1864 года в России и ее отражение в правосознании российского общества середины XIX века : дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2003. 178 с.

[459] *Рябцева, Е.М.* Сергей Иванович Зарудный - один из главных творцов судебной реформы 1864 года / Е. М. Рябцева // Великие юристы России : Сборник статей по материалам III Всероссийской студенческой научной конференции, М., 25 апреля 2024 года. М. : Всероссийский государственный университет юстиции, 2024. С. 37–42. EDN WMWKLT.

26 апреля 1866 г. газета опубликовала роспись 28 мировых участков Петербурга с указанием границ — документ, имеющий и фактографическую, и медиаисторическую ценность[460]. С мая 1866 г. в газете появились постоянные рубрики судебной хроники: «В камере мирового судьи», «Судебная хроника» и другие, создавшие жанр судебного репортажа в русской прессе. Газета не ограничивалась сухой информацией: фельетоны В. П. Буренина[461] о праве прессы «судить о полиции» ставили принципиальный вопрос о границах гласности; запрет этих фельетонов администрацией демонстрировал реальные пределы свободы, дарованной реформой.

Закон 12 декабря 1866 г. — первая существенная поправка к Судебным уставам — передал дела о печати из ведения суда присяжных в судебную палату. Для «Санкт-Петербургских ведомостей», чьи сотрудники неоднократно становились участниками судебных процессов[462], вопрос подсудности дел о печати был вопросом профессионального самосохранения. В газете восприняли закон как серьезный удар по принципам реформы — по сути, изъятие «преступлений печати» из-под общественного контроля. Примечательно, что «Московские ведомости» в данном случае заняли сходную позицию: редакция вместе Катковым также считали передачу дел о печати из суда присяжных отступлением от правильных начал, хотя позднее пересмотрел эту точку зрения.

К середине 1870-х гг. газета лишилась Корша, принудительно отстраненного от редакторства в конце 1874 г. по требованию министра народного просвещения Д. А. Толстого. После его ухода большинство

---

[460] [Б. а.] Об экономическом положении пореформенного дворянства и выкупных платежах // Санкт-Петербургские ведомости. – 1866, 26 апр.

[461] *Куликова, Е.Ю.*, Пенская, Е.Н. Литературные и эстетические парадоксы Виктора Буренина // Сибирский филологический журнал. – 2018. – №1. – С. 152–167.

[462] *Шарипова, А.Р.* Судебная практика в уголовном и других видах судопроизводства: перспективы конвергенции // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т. 7, № 3. – С. 73–79. DOI: https://doi. org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-73-79.

сотрудников покинули редакцию, подписка сократилась втрое, и издание сменило нескольких владельцев и редакторов, постепенно утрачивая прежнюю читательскую аудиторию[463].

Именной указ от 6 апреля 1865 г. «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати»[464] впервые в истории Российской империи отменял обязательный предварительный цензурный просмотр для значительной части столичной периодики. Закон вступил в силу 1 сентября 1865 г.[465], однако подготовка реформы началась еще в конце 1850-х: в 1862 г. были учреждены комиссии[466] под председательством князя Д. А. Оболенского. Ключевую роль сыграло противостояние А. В. Головнина и П. А. Валуева[467]; в январе 1863 г. цензурное ведомство было передано из Министерства народного просвещения в Министерство внутренних дел, что предопределило характер закона: вместо полноценного устава были приняты «Временные правила»[468], сохранившие «временный» характер на протяжении сорока лет[469].

4 сентября 1865 г. — дата, вошедшая в историю русской журналистики. Без предварительного цензурного просмотра вышли «Санкт-Петербургские ведомости», «Голос» и другие столичные издания. Передовая статья «Санкт-Петербургских ведомостей» содержала знаменитую метафору: «Крепостная

---

[463] [Б. а.] Санкт-Петербургские ведомости // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XXVIII. СПб., 1900. С. 271–272.

[464] Именной указ, данный Сенату, от 6 апреля 1865 г. «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XL. Отд. 1. – 1865. – № 41988. СПб., 1867.

[465] *Патрушева, Н.Г.* Цензурная реформа 1865 года и русская периодическая печать // Буржуазные реформы в России второй пол. XIX века: Межвуз. сб. Воронеж, 1988. С. 105–111.

[466] *Патрушева, Н.Г.* Пересмотр цензурного законодательства в 1862 г. и демократическая печать // Книжное дело в России во второй пол. XIX – нач. XX в. Вып. 3. Л., 1988. С. 105–111.

[467] *Патрушева, Н.Г.* Цензурная реформа в России 1865 г. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Патрушева Наталья Генриховна ; Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. — Л., 1990. — 233 с.

[468] *Макушин, Л.М.* Цензурный режим и система русской периодической печати в эпоху Великих реформ Александра II : дис. … д-ра филол. наук : 10.01.10 / Макушин Леонид Михайлович ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. — СПб., 2010. — 426 с.

[469] *Лемке, М.К.* Эпоха цензурных реформ. СПб., 1904.

зависимость наша от цензуры, от личной воли и личного усмотрения постороннего лица — кончилась»[470]. Метафора «крепостной зависимости» сознательно проводила параллель между освобождением крестьян (1861) и освобождением печати (1865). Однако та же статья содержала существенную оговорку: появилась опасность перехода от предупредительной цензуры к карательной. Пророчество сбылось стремительно: 20 сентября того же года газета получила первое административное предостережение.

«Московские ведомости» 3 сентября 1865 г. выступили с иной тональностью: «Первым словом освобожденной печати да будет слово хвалы и благодарения Монарху... Отныне печать наша находится на твердой почве закона и не подлежит произволу»[471]. Редакция газеты, последовательно развивавшая эту тему еще в весенних передовицах, писала: «Предварительная цензура могла иметь смысл только в то время, когда печать находилась в полном разобщении с окружающею действительностию»[472]. Свободная газета, по логике этих публикаций, призвана стать лучшим сторожем порядка, ибо каждое ее слово подлежит публичному суду. Характерно, что в консервативной газете свобода печати — не абстрактное право, а инструмент порядка; не уступка обществу, а средство контроля.

Позиция «Московских ведомостей» по вопросу цензурной реформы обнаруживает парадокс: в консервативной газете последовательно защищалась буква закона о печати 1865 г. от произвольного толкования администрацией. Еще до реформы, в номере от 15 января 1865 г., редакция писала: «Предварительная цензура признана в целом мире положением неудовлетворительным; и у нас правительство признало ее неудовлетворительною, так что уже в продолжение трех лет изготовляется

---

[470] [Б. а.] О продолжении выкупных операций и земельных делах // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 4 сент.

[471] [Б. а.] [Первым словом освобожденной печати да будет слово хвалы] // Московские ведомости. – 1865, 3 сентября.

[472] [Б. а.] [В вопросе о законных обеспечениях печати, речь, конечно] // Московские ведомости. – 1865, 22 марта.

новый устав для нашего книгопечатания»[473]. Эта борьба за независимость от чиновничьего усмотрения едва не стоила Каткову газеты весной 1866 г.: получив первое административное предостережение от министра внутренних дел, редактор отказался его напечатать, предпочитая вовсе прекратить издание, чем подчиниться внесудебному диктату[474]. Вслед за этим, в мае 1866 г., на газету обрушились второе и третье предостережения, повлекшие за собой беспрецедентную приостановку издания на два месяца[475].

В тот же период в газете подверглась критике система подконтрольных правительству изданий: «Мы говорили вообще об изданиях полуофициальных, содержимых казною, либо получающих казенные субсидии, либо пользующихся какими-нибудь правительственными привилегиями»[476]. Скандал с попыткой Московской Общей Думы[477] создать «полуофициальный» орган при частном издании вызвал принципиальное возражение: «Дума предполагала принять меру в интересах гласности, а между тем приняла такую, которая, по самой сущности своей, противна этим интересам»[478].

Публикации 1867–1869 гг. сосредоточены вокруг защиты принципов свободы печати и критики административных ограничений. Постановление от 13 июня 1867 г., ограничивавшее гласность земских и городских собраний, было встречено газетой резко: «Новою вышеупомянутою мерой восстановляется предварительная цензура для оглашения в печати... речей,

---

[473] [Б. а.] [Мы очень хорошо знаем, что не эти господа пожелают продолжения…] // Московские ведомости. – 1865, 15 янв.

[474] [Б. а.] [Пока мы находились в отчаянном положении, не зная во что верить…] // Московские ведомости. – 1866, 31 мар.

[475] [Б. а.] Объяснение с Главным управлением по делам печати // Московские ведомости. – 1866, 16 апр.; [Б. а.] От издателей. [Новый устав о печати принадлежит беспорно…] // Московские ведомости. – 1866, 24 июня.

[476] [Б. а.] Несостоятельность и вред полуофициальных изданий // Московские ведомости. – 1864, 4 янв.

[477] *Писарькова, Л.Ф.* Московская городская дума, 1863–1917 гг. : дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02 / Писарькова Любовь Федоровна ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. — М., 1996. — 512 с.

[478] [Б. а.] Пример несостоятельности и вреда полуофициальных изданий // Московские ведомости. – 1864, 27 мая.

произносимых в их прениях»[479]. Редакция указывала на противоречивость подхода: «Существующим законом о печати и правительство, и частные лица достаточно ограждены от ее злоупотреблений». Парадокс киевской печати обнажал абсурд системы: провинциальная пресса, находясь под предварительной цензурой, могла быть судебно преследуема за «злоупотребление» свободы печати, которой она не имела[480].

Наиболее полное выражение позиции редакции — развернутое письмо редактора Каткова от 28 февраля 1881 г. (ст. ст.), дошедшее до читателей уже после гибели Александра II: «Издатель Московских Ведомостей... принадлежит к массе людей, которые не ищут правительственных щедрот и ничем в своей жизни от казны не пользовались. Никаких наград, ни пособий... он не домогался и не получал... Он считал для себя безусловно обязательным долг русского гражданина, но затем он признавал себя совершенно свободным в своих мнениях, не склоняясь ни перед какою властью»[481]. Формулировка: «Во время всемогущества административных властей, он впервые на Руси сказал громко что, будучи верноподданным своего Государя, он отнюдь не признает себя верноподданным министров» — демонстрировала фундаментальную позицию Каткова: лояльность монарху сочеталась с принципиальным противопоставлением себя бюрократии.

История взаимоотношений «Санкт-Петербургских ведомостей» с цензурной системой наглядно демонстрировала, как функционировали «Временные правила» на практике. Хроника административных взысканий впечатляет: 20 сентября 1865 г. — первое предостережение за статью о залоге государственных имуществ (формулировка: «суждения, несогласные с интересами государственного кредита»); 13 апреля 1866 г. — второе

---

[479] [Б. а.] Указ 13-го июня 1867 года о порядке печатания постановлений и отчетов земских собраний // Московские ведомости. – 1868, 29 фев.

[480] [Б. а.] Судебное преследование издателя газеты «Киевлянин» // Московские ведомости. – 1869, 5 сен.

[481] [Б. а.] По поводу обвинения редактора «Московских ведомостей» в его сношениях с высокопоставленными лицами и об аренде недоимки // Московские ведомости. – 1881, 28 фев.

предостережение за «превратное истолкование значения земских учреждений»; 2 сентября 1866 г. — третье предостережение за «систематическое порицание администрации» — с приостановкой на три месяца[482].

После возобновления издания уже 2 марта 1867 г. последовало новое предостережение за «враждебное сопоставление земства с правительственными властями». Показательно, что третье предостережение прямо указывало на «систематическое порицание» — редакцию наказали за последовательную позицию, а не за отдельную публикацию. Система трех предостережений, завершавшаяся приостановкой, создавала механизм постоянного давления, при котором редакция должна была постоянно взвешивать каждую публикацию, — по существу, заменяла цензора в голове каждого журналиста внутренним цензором[483].

П.Д. Боборыкин, сотрудничавший с газетой, вспоминал: «В Петербурге "Санкт-Петербургские ведомости", теснимые цензурой, все-таки выдерживали свое либеральное обличье»[484]. Отстранение Корша от должности редактора в конце 1874 г.[485] — по давлению министра народного просвещения Толстого — стало финалом эпохи: при новом редакторе газета утратила умеренно-либеральную направленность, и значительная часть сотрудников покинула редакцию. А. С. Суворин основал собственное «Новое время», В. П. Буренин перешел туда же — медиаландшафт русской столицы изменился необратимо.

---

[482] [Б. а.] Данные предостережений // Северная почта. – 1865, 21 сен.

[483] *Бугров, А.Ю.* Цензура и освещение судебной реформы в английской и русской прессе эпохи Великих реформ Александра II // Litera. – 2026. – № 5. – С. 66–77.

[484] *Боборыкин, П. Д.* За полвека : (Мои воспоминания) / П. Д. Боборыкин ; ред., предисл. и примеч. Б. П. Козьмина. – Москва ; Л. : Земля и фабрика, 1929. – 383 с.

[485] *Перхин, В.В.* Из эпистолярного наследия редакторов газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (1846-1914). К научной истории газеты // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2003. – №4. – С. 104–112.

Уже в номере от 11 мая 1864 г. (№ 104) газета приводила детальную статистику, опираясь на отчет военного министра за 1863 г.[486] Эти цифры демонстрировали колоссальный рост численности регулярных войск: с 812 196 человек в 1863 г. до 1 135 975 солдат в 1864 г. (увеличение на 323 779 человек). На следующий день, в передовице от 12 мая (№ 105), при разборе трудов комиссии по пересмотру рекрутского устава в издании предлагался глубокий исторический обзор законодательства с акцентом на проблеме сословных привилегий[487].

В газете анализировались грамота Петра III от 18 февраля 1762 г. и Жалованная грамота Екатерины II от 21 апреля 1785 г., освободившие дворянство от обязательной службы. В подтверждение необходимости всесословной реформы приводилась поразительная статистика лиц, не подлежавших рекрутской повинности: из общей массы почти в миллион человек (969 350 душ) числилось 437 326 потомственных и личных дворян, 219 935 купцов, 303 015 лиц духовного звания и свыше 29 тысяч почетных граждан. Эти данные служили мощным аргументом в пользу того, что старая система несправедлива и армия нуждается в коренных преобразованиях на бессословных началах.

Тема военно-окружной реформы — учреждения 10 военных округов указом от 6 августа 1864 г. — подробно разбиралась осенью 1864 г. (данные о стоимости и штатах требуют проверки по внешним источникам). Полемика, спровоцированная публикацией генерала Р. А. Фадеева «Вооруженные силы России», показала, что «Московские ведомости» выступали горячими сторонниками как самой военной реформы, так и идей Фадеева[488]. Газета с большим сочувствием отнеслась к его труду, находя, что автор основывался на

---

[486] [Б. а.] [Обнародованный на днях отчет военного министра...] // Московские ведомости. – 1864, 11 мая.

[487] [Б. а.] [Усмотреть недостаток существующего порядка...] // Московские ведомости. – 1864, 12 мая.

[488] [Б. а.] [Одно из главных мест в ряду наших преобразований занимает, конечно, новая организация…] // Московские ведомости. – 1868, 30 октября.

совершающейся реформе и отдавал ей полную справедливость. Защищая идею Фадеева о необходимости народного ополчения от нападок консервативной прессы, редакция обращалась к истории, указывая, что если в минувшем столетии армии редко превосходили численность в 40–50 тысяч человек (как, например, у Карла XII), то современные войны требуют совершенно иных колоссальных масс вооруженных сил, немыслимых без опоры на ополчение.

Статья от 18 декабря 1867 г. (№ 277) носила стратегический характер: газета доказывала, что при современном состоянии военного искусства оборонительную силу государства образуют три главные элемента: армия, правильно устроенная сеть железных дорог и система укреплений[489]. Детальный же разбор состава войск показывал скрытые проблемы: из 705 тысяч нижних чинов, числившихся в армии к началу года, около 525 тысяч были расположены в Европейской России, и при этом почти пятая часть этого этой численности (около 100 тысяч) приходилась на долю губернских батальонов, уездных команд и жандармов. Этот анализ обнажал необходимость дальнейших преобразований для усиления именно боевой, подвижной части армии за счет сокращения местных и внутренних войск.

Франко-прусская война 1870–1871 гг. обозначила исторический перелом. Стремительный разгром Франции произвел отрезвляющее впечатление: в публикациях газеты с самого начала войны явственно слышны настойчивость и тревога. Газета оперировала конкретными количественными показателями, демонстрируя неготовность французской стороны: французская действующая армия насчитывала около 434 тысяч человек при 212 тысячах в резервах[490]. Этому противопоставлялась мощь Германского союза, который в мирное время содержал 320 тысяч человек, но по мобилизации, вместе с ландвером, разворачивал свои силы почти до миллиона (977 тысяч) солдат.

---

[489] [Б. а.] [Можно сказать, что при современном состоянии военного искусства оборонительную силу государства образуют…] // Московские ведомости. – 1867, 18 дек.

[490] [Б. а.] [Военные силы Франции за последние три года получили громадное развитие] // Московские ведомости. – 1870, 12 июля.

Особо выделялась немецкая система резервов, позволившая в кратчайшие сроки наводнить Францию огромными массами обученного войска, аналога которому французская армия не имела.

Январские номера 1871 г. дали образцовый сравнительный анализ: подводя итоги войны, автор привлекал данные о военных системах, используя для аргументации французский афоризм (восходящий к Ксенофонту и известный по «Опытам» Монтеня), который газета цитировала так: «не число людей, а число годных людей дает успех на войне». В передовице обсуждался немецкий институт "Ersatz-Reserve" (рекрутских запасов) и доказывалось безусловное преимущество крепкой кадровой системы перед наспех мобилизованной национальной гвардией[491].

Газета детально сопоставляла штаты: русские полевые войска по военному составу насчитывали 650 000 пехоты, 30 000 кавалерии, 12 тысяч инженерных войск и 1 272 орудия. Для сравнения приводились данные одной Северо-Германской армии, исчисляемой по новейшим данным в 372 000 пехоты, 57 000 кавалерии и 8 000 инженерных войск при 1 248 орудиях, но опирающейся на значительный ландвер в 230 000 и запас в 130 000 человек. Этот анализ служил веским аргументом в пользу скорейшего проведения военной реформы и введения всеобщей воинской повинности в России.

Статья от 11 мая 1871 г. обосновывала необходимость перехода к всеобщей воинской повинности, опираясь на убедительные количественные аргументы, доказывающие низкое качество прежних рекрутских наборов. Газета приводила удручающую статистику: грамотных рекрутов насчитывалось не более 10%, а на каждую 1.000 призванных приходилось до 178 человек в возрасте от 25 до 30 лет[492].

---

[491] [Б. а.] [В прошлом году, при внезапности с которою была объявлена война, Пруссия впервые вдруг поставила всю свою армию на военное положение...] [о превосходстве прусской кадровой системы, Ersatz-Reserve и причинах поражения французской национальной гвардии из-за отсутствия хороших кадров, с цитатой из Монтеня] // Московские ведомости. – 1871, 22 янв.

[492] [Б. а.] [В видах разъяснения такого рода затруднений ко введению общей…] // Московские ведомости. – 1871, 11 мая.

Физические стандарты также были низки: из 1 000 являвшихся к набору браковалось всего около 203 человек, что лишало армию возможности отбирать лучших. Кроме того, в издании критиковалось неэффективное распределение сил: из 500 000 нижних чинов мирного времени в Европейской России 75 000 предназначались специально для внутренней службы. Переход к новой системе позволил бы сократить эти внутренние кадры до 7 500 человек, высвободив огромные средства на улучшение быта солдат, так как, например, в Харьковском округе лишь 20% из 47 000 человек полевых войск были обеспечены нормальными казармами.

В публикациях 1871–1872 гг. подробно анализируется мобилизационная практика. В передовой статье от 28 августа 1872 г. (№ 217) анализировались опыты сбора отпускных солдат, причем упоминалось, что после пробных сборов в Киевском и Харьковском уездах в 1871 г., эта практика была расширена на другие губернии[493]. В пример приводился немецкий опыт: «Сбор отпускных в больших размерах, но на короткий срок, был нынешним летом произведен в Баварии и дал во всех отношениях удовлетворительные результаты». Автор твердо стоял на своем: «заблаговременное обучение предпочтительнее».

Историческая статья от 10 ноября 1871 г. (№ 246) обращалась к урокам прошлого, напоминая, что «славной памяти земское ополчение в 1612 г. спасло страну», и подчеркивая, что «не раз и в течение нынешнего столетия созывалась земля на свою оборону»[494]. Опираясь на опыт недавней франко-прусской и Восточной войн, передовица завершалась предметным разбором нового военного законопроекта, доказывая, что современное ополчение должно быть не стихийным порывом, а заранее организованной силой с подготовленными перевозочными средствами и инфраструктурой.

---

[493] [Б. а.] [В прошедшем году, как известно, произведены были опыты…] // Московские ведомости. – 1872, 28 авг.

[494] [Б. а.] [В тяжелые годины борьбы нашего отечества...] // Московские ведомости. – 1871, 10 ноября.

В номере от 30 сентября 1872 г. (№ 237) освещается «первый опыт призыва отпускных целой губернии», поставленный в Люблинской губернии с ее «295 квадратными милями пространства и 677 000 жителей»[495]. Хотя на сбор отпускных и укомплектование войск потребовалось всего четыре дня, газета сделала из этого скептический вывод. Этот практический результат, по мнению редакции, отнюдь не служил доказательством эффективности новой мобилизационной системы: ввиду крайней малости этой губернии и ее густонаселенности, опыт не мог дать достоверного исчисления времени, потребного на мобилизацию, для чего требовались опыты в более крупных губерниях.

В номере от 3 января 1874 г. (№ 3) непосредственно следовали за утверждением нового Устава о воинской повинности[496]. Разбирая юридическую сторону, в газете обращались к Своду Военных Постановлений, напоминая, что прежняя статья 2 134 (по указу от 7 декабря 1868 г.) запрещала нижним чинам входить в долговые обязательства, в то время как новая редакция смягчила это правило. В номере от 24 августа 1874 г. (№ 213) подробно разбирались статьи 58–60 и 174–182 Устава[497]. Акцент делался на льготах по образованию и правах вольноопределяющихся: констатировалось, что с призывом всех сословий армии придется иметь дело с совершенно новым элементом, и в газете содержался призыв к военным начальствам выработать единый твердый взгляд на условия, в которые будут поставлены образованные новобранцы.

---

[495] [Б. а.] [В Новостях Вечернего Издания, воспроизведено известие Русского Инвалида] // Московские ведомости. – 1872, 30 сент.

[496] [Б. а.] [Военный факт минувшего года, Хивинская экспедиция, прежде всего напоминает…] // Московские ведомости. – 1874, 3 янв.

[497] [Б. а.] [С небольшим через два месяца, с 1-го ноября текущего года…] // Московские ведомости. – 1874, 24 августа.

Итоги первого призыва по новому уставу подводились 3 января 1875 г. (№ 3)[498]. В газете констатировался полный успех: сам прием новобранцев прошел «гораздо успешнее прежнего, почти без недоимок», приняв характер почти праздничный. Наряду с этим в газете высоко оценивались и другие армейские преобразования, в частности, положение о службе казаков Донского Войска, которое обещало дать государству в военное время громадную силу от 100 до 117 тысяч кавалерии и 16 действующих батарей.

Крымская война вскрыла военно-техническую отсталость русской армии и показала, что военная машина крепостнической России не в состоянии противостоять передовым армиям западноевропейских государств. Военная реформа была необходима, поэтому ее разработка началась в конце 50-х гг. В 1861 г. на пост военного министра был назначен генерал Дмитрий Алексеевич Милютин, брат Милютина, который принял важное участие в разработке крестьянской реформы. Высокообразованный военный и государственный деятель, известный своими либеральными взглядами, Милютин оказался удачно выбранной фигурой для императора Александра II.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. действительно стала для реформы экзаменом на практике. Ретроспективный разбор этой кампании «Московские ведомости» провели в январе 1879 г.[499] В издании с гордостью констатировалась колоссальная мощь обновленной армии: к июлю 1878 г. общая численность развернутых вооруженных сил превысила 1 788 000 человек. Сама мобилизация прошла в немыслимо короткие по прежним временам сроки, однако в газете не обходили и слабые места: главной ошибкой признавалась «слишком большая постепенность».

---

[498] [Б. а.] [Прошлый год, — двадцатый нынешнего благополучного царствования…] // Московские ведомости. – 1875, 3 янв.

[499] [Б. а. [В № 10 нашей газеты была воспроизведена интересная статья…] // Московские ведомости - 1879 - 16 янв.: [Б. а.] [Франция находится быть-может накануне кризиса…] // Московские ведомости – 1879 - 17 янв.

В начале войны на Дунай были двинуты лишь четыре корпуса (около 188 тысяч человек), что привело к летним неудачам, задержкам и заставило экстренно стягивать резервы (гвардию и гренадеров) из глубины Империи. Общий вердикт гласил: новая система превосходно функционирует, но требует от руководства умения пользоваться ею и не дробить силы в начале кампании. В свою очередь, публикация от начала 1880 г. (№ 42) предлагала детальный статистический разбор не войны, а очередного мирного призыва новобранцев в 1879 г.[500] Газета оперировала следующими цифрами: всего процедуре жеребьевки подлежало 759 188 человек. За вычетом лиц, имевших семейные льготы, оставалось около 375 000 призывников.

После отсева неспособных по здоровью (около трети), для набора оставалось до 250 000 человек, из которых в ряды войск было принято 211 000. При государственной норме призыва в 218 000 человек, фактически было зачтено около 215 000. Анализируя эти данные, газета обращала особое внимание на проблему уклонения от повинности: так, из 40 000 призывавшихся евреев не явилась целая треть, что ставило перед правительством серьезные административные вызовы.

Итоговый юбилейный обзор от 18 февраля 1880 г. выстраивал хронологию великих событий за двадцать пять лет правления Александра II: 1861 г. — освобождение крестьян, 1863 г. — подавление польского восстания, 1866 г. — спасение от покушения Каракозова, 1874 г. — введение всеобщей воинской повинности[501]. Особое место в этом ряду занимали 1871 и 1872 гг., которые стали не просто «подготовительным периодом», а временем проведения важнейшей учебной реформы, призванной обеспечить прочное и последовательное развитие страны[502]. Сама же военная реформа (организация

---

[500] [Б. а.] [В № 33 Правительственного Вестника опубликован обычный «Краткий отчет»…] // Московские ведомости. – 1880, 11 фев.

[501] [Б. а.] [Совершилось двадцатипятилетие славного царствования…] // Московские ведомости. – 1880, 18 фев.

[502] [Б. а.] [В февральской книжке Журнала Министерства Народного Просвещения…] // Московские ведомости. – 1874, 9 марта.

армии) закономерно провозглашалась неотъемлемой частью общего великого преобразования государственного строя, начатого отменой крепостного права.

Четвертый период публикаций (1872–1881) ознаменовался заметным качественным сдвигом: в обиход вошел жанр правового комментария — редакция разбирала конкретные статьи Устава, апеллировала к Своду законов и решениям Государственного Совета, демонстрируя уровень экспертности, недостижимый для газеты образца 1864–1871 гг..

«Санкт-Петербургские ведомости» при Корше последовательно выступали за демократизацию армии и ликвидацию сословных привилегий. Газета подробно излагала прусский опыт, доказывая необходимость аналогичных преобразований в России. Устав о воинской повинности 1 (13) января 1874 г. гласил: «Защита престола и отечества есть священная обязанность каждого русского подданного. Мужское население без различия состояний подлежит воинской повинности»[503]. Газета встретила его принятие как торжество тех принципов, которые отстаивала на протяжении десятилетия.

Дискуссия о льготах по образованию — одна из наиболее острых тем 1870–1873 гг. — находила в газете последовательную защиту позиции Милютина. Выпускники университетов по новому Уставу служили всего 6 месяцев, окончившие шесть классов гимназии — 1,5 года. Газета доказывала, что эти льготы дадут «еще один стимул для непривилегированных сословий России, прежде всего крестьян, сесть за парты и получить образование»[504]. Действительно, если в 1874 г. только каждый пятый новобранец был грамотным, то через двадцать лет грамотные составляли уже более трети.

Позиция газеты вступала в конфликт с позицией министра народного просвещения Толстого, который усматривал в образовательных льготах

---

[503] Манифест от 1 января 1874 г. о введении всеобщей воинской повинности // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 49. Отд. 1. № 52982; Устав о воинской повинности. Ст. 1 // Там же. № 52983.

[504] *Рудник, С.Н.* Всесословная воинская повинность и вопросы образования в России в 1870–1890-е годы / С. Н. Рудник // Социология науки и технологий. – 2016. – Т. 7, № 2. – С. 80–91.

подрыв своей ведомственной политики. Никитенко записал в дневнике 6 ноября 1870 г.: «Бесконечные толки в публике... о всеобщей воинской повинности. Относительно последней иные опасаются, чтобы распространение ее на все сословия безусловно, в том числе на ученое и учебное, не остановило бы и даже не отодвинуло бы назад нашего еще весьма юного просвещения»[505]. «Санкт-Петербургские ведомости» отвечали на эти опасения, настаивая на просветительском потенциале реформы.

В.О.Ключевский, характеризуя реформы Александра II, отмечал: «Все его великие реформы, непростительно запоздалые, были великолепно задуманы, спешно разработаны и недобросовестно исполнены, кроме разве реформы судебной и воинской»[506]. Военная реформа, таким образом, была признана наиболее удачной из всех великих преобразований — и обе газеты, при всех расхождениях, в конечном счете сошлись в этой оценке.

Сопоставление «Московских ведомостей» и «Санкт-Петербургских ведомостей» по всем четырем реформам обнаруживает устойчивую систему расхождений, определявшихся не столько личными взглядами редакторов, сколько типологическим различием двух моделей общественной журналистики.

«Московские ведомости» Каткова представляли модель «экспертной публицистики»: передовые статьи содержали детальный юридический анализ статей законов, развернутую финансовую статистику, сравнительно-правовые экскурсы в европейский опыт. Латинские, французские и немецкие вкрапления отражали ориентацию на образованную аудиторию и формировали образ газеты как интеллектуального центра.

Однако эти иноязычные формулы служили не просто стилистическим украшением, а становились предметом глубокой концептуальной полемики. Так, знаменитый тезис манчестерской школы "laisser faire, laisser passer"

---

[505] *Никитенко, А.В.* Дневник : в 3 т. Т. 3 : 1866–1877. М. : Гослитиздат, 1956. С. 188.

[506] *Ключевский, В.О.* Дневники и дневниковые записи // Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский. М. : Мысль, 1990. Т. IX : Материалы разных лет. С. 341.

подвергался строгому критическому разбору: признавая, что доктрина полного невмешательства хороша лишь для «нормального хода дел», газета доказывала ее неприменимость в периоды серьезных пертурбаций и кризисов.

«Санкт-Петербургские ведомости» Корша представляли модель «общественного мониторинга»: газета превращалась в площадку, где провинциальные корреспонденты, земские деятели, участники судебных процессов получали голос. Корреспонденции из Ярославля, Тамбова, Вологды, Новгорода, Углича, Самары, Пскова — жанровая основа газеты — создавали картину реформ «снизу», во всей пестроте и противоречивости. Механизм «провинциальный корреспондент → столичная газета → общественное мнение» — характерная черта информационного пространства 1860-х гг., отражавшая незрелость провинциальной прессы и монопольное положение столичных изданий[507].

В том, как редакционные позиции менялись по каждой из четырех реформ, прослеживается примечательная закономерность. В земском вопросе обе газеты двигались от энтузиазма к критике, однако пришли к разным берегам: «Московские ведомости» к 1882–1884 гг. перешли к прямому требованию контрреформы, тогда как «Санкт-Петербургские ведомости» держались исходных принципов реформы, не закрывая глаза на ее практические провалы. По судебной реформе расхождение было наиболее резким: Катков перешел от первоначальной поддержки к роли в последовательного ревизора самих принципов — особенно после дела Засулич, — тогда как столичная газета отстаивала суд присяжных и несменяемость судей.

Цензурная реформа поставила идеологических оппонентов по одну сторону баррикады — оба издания выступали против административного произвола в отношении печати. Это неожиданное единство имело вполне объяснимую природу: и «Московские ведомости», и «Санкт-Петербургские

---

[507] *Перхин, В.В.* Из эпистолярного наследия редакторов газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (1846–1914). К научной истории газеты // Вестник СПбГУ. История. – 2003. – №4.

ведомости» получали предостережения и испытывали давление, пусть и за совершенно разные публикации — общая уязвимость порождала общую позицию. В военном вопросе «Московские ведомости» прошли путь от осторожного анализа через настойчивую поддержку, особенно после франко-прусской войны, к признанию итогов военной реформы и прежде всего перехода к всеобщей воинской повинности и модернизации армии по образцу западноевропейских держав «Санкт-Петербургские ведомости» были последовательными сторонниками военных преобразований с самого начала[508].

Каждое из изданий выработало свой инструментарий подачи реформенной тематики. «Московские ведомости» тяготели к сравнительно-правовому методу: систематически привлекался иностранный материал — "The Times", "Norddeutsche Allgemeine Zeitung"[509], "Revue des deux Mondes"[510], "République Française"[511], "Reichsgesetzblatt"[512], "Neue Freie Presse"[513], "Siècle, Germania", — и российские реформы вписывались в общеевропейский

---

[508] [Б. а.] [О проектах открытия новых учебных заведений в связи с введением всеобщей воинской повинности] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1874, 17 марта. [Б. а.] [О недостатке земских средств на народное образование в условиях нового устава о воинской повинности] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1874, 14 марта.

[509] Norddeutsche Allgemeine Zeitung — берлинская ежедневная газета, выходившая с 1861 по 1918 год (затем переименована в Deutsche Allgemeine Zeitung); См. Fischer, H.-D. The «Deutsche Allgemeine Zeitung» (1861–1945): a portrait of a famous German newspaper // Gazette. – 1967. – Vol. 13. – №1. – P. 35–46.

[510] Revue des deux Mondes — старейший французский литературно-политический журнал, основанный в Париже в 1829 году. См.: Loué, T. La Revue des Deux Mondes, de Buloz à Brunetière : de la belle époque de la revue à la revue de la Belle Époque : thèse de doctorat en histoire / sous la dir. d'A. Corbin. Paris : Université Paris I Panthéon-Sorbonne, 1998. 3 vol. 1277 p.

[511] La République française — французская ежедневная газета, основанная 7 ноября 1871 года политиком Леоном Гамбеттой; См. Grévy, J. La République des opportunistes (1870–1885). Paris : Perrin, 1998. P. 150–170.

[512] Reichsgesetzblatt — официальный вестник законодательства Германской империи (1871–1945), в котором публиковались все имперские законы, указы и постановления.

[513] Neue Freie Presse — венская ежедневная газета, выходила дважды в день. Крупнейшее либеральное издание Австро-Венгрии.; См. Melischek, G., Seethaler, J. Die Wiener Tageszeitungen. Eine Dokumentation. Bd. 3 : 1918–1938. Frankfurt am Main : Lang, 1992. S. 138 ff.

контекст. Статистическая аргументация переводила газету из разряда просветительских органов в аналитические. Юридическая экспертиза — постатейный комментарий к законам — поднимала ее на уровень профессионального издания.

«Санкт-Петербургские ведомости» работали в иной тональности. Провинциальная корреспонденция стала здесь главным жанром; публикация регламентов и уставов служила инструментом горизонтального обмена опытом между губерниями; «парламентская хроника» земских собраний предвосхищала будущую политическую журналистику; судебная хроника складывалась в самостоятельный жанр[514]. Смещение от обобщающих передовых статей к письмам в редакцию и репортажам с мест постепенно превращало газету в площадку общественного контроля.

Обе газеты применяли выверенные, но различные риторические стратегии. «Московские ведомости» часто формулировали проблемы как короткие, хлесткие риторические вопросы. Например, в период острого дипломатического кризиса 1863 г. газета вопрошала: «Достаточно ли это? Может ли это внушить к нам уважение?»[515], «Менее ли оно способно, чем прежде, выдержать великое испытание?»[516], «Кому выгоднее длить переговоры и выгадывать время?»[517], «Что в нас есть такого, на что враги наши так решительно рассчитывают?»[518]. Это позволяло изданию, формально не критикуя власть, указывать на ее излишнюю дипломатическую уступчивость, взывать к историческим урокам прошлого и требовать твердой национальной политики. «Санкт-Петербургские ведомости» предпочитали апелляцию к

---

[514] [Б. а.] [О деятельности земских собраний …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1866, 2 мая.

[515] [Б. а.] [Известия, принесенные последнею заграничною почтою...] // Московские ведомости. – 1863, 19 июл.

[516] [Б. а.] [В №... Московских ведомостей, напечатаны всеподданнейшие письма из Москвы...] // Московские ведомости. – 1863, 18 апр.

[517] [Б. а.] [Кому выгоднее длить переговоры и выгадывать время...] // Московские ведомости. – 1863, 19 июл.

[518] Там же.

прецеденту: публикация самарского регламента как образца, ссылки на английский и бельгийский опыт, противопоставление ярославских жителей активности самарских земцев[519].

Характерной чертой «Московских ведомостей» стала эволюция жанров: от информационных заметок (1864) к аналитическим статьям с полемикой (1867–1868), далее к стратегической аналитике (1869–1871), военно-статистическим обзорам (1871–1872) и правовым комментариям (1874–1881). Этот жанровый путь отражал общую тенденцию развития российской журналистики в эпоху Великих реформ — от информирования к анализу, от общих рассуждений к экспертизе.

Заслуживает отдельного внимания и то, как менялся круг иностранных источников. В публикациях 1864–1868 гг. явно преобладали французские отсылки: Revue des deux Mondes[520], Journal des Débats[521], Indépendance Belge[522]. После франко-прусской войны 1870–1871 гг. ориентиры сместились на немецкую прессу: "Reichsgesetzblatt", "Neue Freie Presse", "Germania", "Norddeutsche Allgemeine Zeitung", "Die Heeresmacht Russland"[523]. За этим лингвистическим сдвигом стояла геополитическая переориентация: прусская модель превратилась в образец для подражания, французская — в наглядный пример того, как делать не надо. Английские источники — прежде всего "The

---

[519] [Б. а.] О деятельности земских собраний // Санкт-Петербургские ведомости. – 1866, 2 мая.; [Б. а.]] [О неотчуждаемости крестьянских наделов как тормозе экономического развития …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1866, 22 марта.; [Б. а.] О свободе миграции как ключе к преодолению отсталости // Санкт-Петербургские ведомости. – 1869, 23 мая.; [Б. а.] О необходимости отмены подушной подати и барьеров для переселения // Санкт-Петербургские ведомости. – 1869, 21 июня.

[520] [Б. а.] [Г. Воловский, известный экономист, поместил недавно в Revue des deux Mondes...] // Московские ведомости. – 1864, 25 янв.

[521] [Б. а.] [В Indépendance belge, от 10-го января, снова появилось одно из тех диковинных...] // Московские ведомости. – 1865, 14 янв.

[522] [Б. а.] [В конце прошлого марта, над Московскими ведомостями разразились удары...] // Московские ведомости. – 1866, 19 апр.

[523] [Б. а.] [Напечатанный в нескольких №№ Правительственного Вестника необычайно подробный устав...] // Московские ведомости. – 1871, 8 июня.

Times" — удерживали свое место на протяжении всего рассматриваемого периода.

Изученный массив публикаций дает основания для выводов, важных не только в контексте истории Великих реформ, но и применительно к истории отечественной журналистики. Газетные материалы фиксировали общественное восприятие реформ по горячим следам, передавая непосредственную реакцию на происходящее, — в отличие от мемуаров, создававшихся постфактум и неизбежно окрашенных ретроспективным взглядом. Помимо этого, они сохранили обширную статистику, нередко недоступную из других источников: бюджетные данные, кадровую статистику, сведения о мобилизационных экспериментах, результаты земских выборов.

Сопоставление двух газет демонстрирует формирование в 1860–1870- х гг. полноценного общественно-политического дискурса, в котором консервативная и либеральная позиции не просто сосуществовали, но взаимно определяли друг друга. Полемика между «Московскими ведомостями» и «Санкт-Петербургскими ведомостями» создавала информационное поле, в котором читатель получал возможность сопоставлять аргументы и формировать собственное мнение — то есть участвовать в общественном процессе. Именно в этом — в формировании публичной сферы обсуждения государственных преобразований — и состоит главное значение русской печати эпохи Великих реформ.

3.2. Освещение реформ 1864–1874-х годов в английской печати

Британские газеты следили за русскими преобразованиями 1860-х гг. пристально и неравнодушно. Судебная реформа 1864 г. заняла в этом наблюдении особое место: она затрагивала то, что английская публицистика считала мерилом цивилизованности государства, — независимость суда, публичность процесса, равенство сторон перед законом. Именно через эту

оптику сравнивая российские новшества с собственными правовыми устоями, британская пресса и выстраивала свои оценки реформы.

В номере "The Times" от 9 января 1862 г. (28 декабря 1861 ст. ст.) корреспондент сообщал: «Освобождение русского крестьянства, состоявшееся в 1861 г., сопровождалось мерами, не менее важными для внутреннего развития империи. Необходимость реформирования судебной системы была признана правительством в Санкт-Петербурге как следствие социальных перемен, которые, ввиду нового положения освобожденных классов, сделали ее абсолютно необходимой»[524]. Примечательно, что британский наблюдатель уловил системную логику преобразований: бывшие крепостные нуждались в дееспособных судах, которые могли бы оградить их от произвола помещиков и местной администрации.

Известия о готовящейся судебной реформе либеральная пресса встретила с явным одобрением. Британское общество, воспитанное на традициях независимого суда и "habeas corpus"[525], видело в появлении независимых судов и суда присяжных в России шаг в нужную сторону. Консервативные издания, и прежде всего "The Times", смотрели на происходящее с большей настороженностью: они допускали, что либеральные институты, пересаженные на почву без соответствующей правовой культуры, рискуют выродиться в свою противоположность.

Когда в конце 1864 г. Александр II обнародовал манифест об учреждении новых судебных установлений, британская пресса откликнулась детальными разборами новой системы. Наиболее полным среди них стал обзор в "The

---

[524] [W. a.] [The emancipation of the Russian peasantry...] // The Times. – 1862, 9 Jan. (28 декабря 1861 г. ст. ст.)

[525] [W. a.] [There cannot be the slightest doubt...] // The Daily Telegraph. – 1878, 23 April. (11 апреля 1878 г. ст. ст.).; См. Ерохина, В. И. К вопросу о применении habeas corpus act в современном законодательстве / В. И. Ерохина // Актуальные вопросы государства и права на современном этапе развития общества : Сборник материалов Международной научно-практической конференции среди студентов, магистрантов и аспирантов, Пермь, 24 июня 2022 года. Том 1. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – С. 127–129. – EDN CAQSHY.

Times" от 19 декабря 1864 г. (7 декабря ст. ст.): «Новая судебная система, только что учрежденная в России императорским указом, знаменует собой значительный шаг вперед в организации Империи. Суды сформированы на принципах, гораздо более соответствующих современным идеям правосудия и справедливости, нежели те, что предшествовали им. Отныне вводится суд присяжных; предварительное следствие поручается магистратам, а также обеспечивается гласный характер судопроизводства»[526].

Британские корреспонденты выделяли несколько ключевых элементов реформы:

– **Иерархическая система судов.** Новая структура включала волостные суды для разрешения дел между крестьянами, окружные суды для уголовных дел, судебные палаты как апелляционные инстанции и Правительствующий Сенат в качестве высшей кассационной инстанции. Для британской аудитории, привыкшей к сложной системе судов общего права и судов справедливости, такая иерархия казалась логичной и современной.

– **Введение суда присяжных.** Для британской прессы это был центральный элемент реформы. Суд присяжных рассматривался как корень английской судебной традиции. Этот институт рассматривался лондонскими обозревателями как краеугольный камень английской правовой традиции, исторически восходящий к Великой хартии вольностей ("Magna Carta»)[527]. "The Times" особо подчеркивала: «Отныне вводится суд присяжных»[528], словно отмечая вступление России в клуб цивилизованных наций.

– **Публичность судебных разбирательств.** Это нововведение воспринималось как революционное. Ранее русские суды работали в закрытом порядке; новая система предусматривала открытость разбирательств для

---

[526] [W. a.] [The new judicial system...] // The Times. – 1864, 19 Dec. (7 декабря 1864 г. ст. ст.)

[527] [W. a.] [Anywhere else than in Russia...] // The Daily Telegraph. – 1866, 25 April. (13 апреля 1866 г. ст. ст.).' См. *Lewis, N. B.* Magna Carta: Part I. The constitutional Significance of Magna Carta / N. B. Lewis // Parliamentary Affairs. – 1964. – Vol. XVIII, No. 3. – P. 249. – EDN IXXXHF.

[528] Ibid.

публики и прессы. Британские корреспонденты видели в этом возможность для общественного контроля над правосудием — принцип, лежащий в основе британской судебной системы[529].

– **Независимая адвокатура.** Реформа предусмотрела создание независимого сословия адвокатов, что было совершенно ново для России. Ранее роль защиты выполняли малоквалифицированные лица, не имевшие правового образования. Британская пресса рассматривала появление профессиональной адвокатуры как признак серьезности намерений российского правительства.

Первоначальный энтузиазм либеральной прессы сменился более трезвой оценкой по мере накопления практического опыта применения реформы. Уже в первые годы британские наблюдатели заметили серьезные проблемы.

Проблема компетентности присяжных. В стране с более чем 80% неграмотного населения привлечение крестьян к участию в суде предполагало их способность к рациональному анализу юридических доказательств — предположение, которое не подтверждалось реальностью. "The Times" в своих корреспондентских сообщениях неоднократно поднимала этот вопрос: «Введение суда присяжных в России сопряжено с особыми трудностями, проистекающими из уровня образования и культуры русского народа. Крестьяне, составляющие значительную долю присяжных заседателей, зачастую не способны уследить за сложной аргументацией, представляемой на уголовных процессах, и применить абстрактные правовые принципы к рассматриваемым фактам»[530].

Административное вмешательство. Несмотря на то, что реформа закрепляла независимость судов, местные чиновники и губернаторы нередко находили пути давления на судебные решения. Особенно отчетливо это

---

[529] *Бугров, А.Ю.* Цензура и освещение судебной реформы в английской и русской прессе эпохи Великих реформ Александра II // Litera. – 2026. – № 5. – С. 66–77.

[530] [W. a.] [The introduction of trial by jury...] // The Times. – 1869, 26 Oct. (14 октября 1869 г. ст. ст.)

проявлялось в делах, так или иначе связанных с крестьянским движением или деятельностью либеральных организаций.

К началу 1870-х гг. британская пресса все заметнее переходила на критические позиции в оценке судебной реформы. "The Times" от 26 декабря 1871 г. (14 декабря ст. ст.) поместила обстоятельный анализ: «Судебная система, учрежденная с такими надеждами на прогресс России, постепенно подверглась изменениям, направленным на умаление ее первоначального либерального характера. Политические дела все чаще изымаются из ведения судов присяжных и передаются в специальные судебные органы, назначаемые правительством. Эта тенденция становится все более заметной»[531].

Претензии адресовались не столько к реформе как таковой, сколько к среде, в которой она осуществлялась, — к авторитарной политической системе[532]. Британские издания то и дело сопоставляли устоявшуюся британскую судебную традицию с тем, что складывалось в России, и неизменно возвращались к одному и тому же принципиальному вопросу: возможно ли вообще укоренить либеральные институты на авторитарной почве?

Наиболее ярким примером противоречий между либеральной формой и авторитарным содержанием стало «дело 193-х»[533] — судебный процесс над революционерами-народниками, разбиравшийся в Петербурге с октября 1877 по январь 1878 гг.[534]. Это был крупнейший политический процесс в истории Российской империи, и британская пресса следила за ним с особым вниманием.

---

[531] [W. a.] [The judicial system which...] // The Times. – 1871, 26 Dec. (14 декабря 1871 г. ст. ст.)

[532] Ibid.

[533] *Грезнева, А.А.* «Итак, все настоящее дело есть детская игра»: речь присяжного поверенного Н.М. Соколовского на политическом процессе «193-х» в заседании особого присутствия Правительствующего сената 15 декабря 1877 г. // Мультикультурная и многонациональная Россия : материалы III Международной междисциплинарной конференции, М., 27 ноября 2010 года. Ч. I. М. : РУДН, 2010. С. 484–508.

[534] [W. a.] Trials in russia. // The Daily Telegraph. – 1877, 2 Nov. (21 октября 1877 г. ст. ст.)

Почвой для процесса стало движение «хождения в народ»: весной 1874 г. сотни молодых радикалов отправились в деревню с пропагандистскими целями, что переросло в крупнейший дореформенный политический процесс в истории империи.

"The Manchester Guardian" от 14 декабря 1878 г. (2 декабря ст. ст.) проницательно анализировала корни движения: «Волнения в Российской империи, ставшие более очевидными в последние годы, являются результатом давнего конфликта между реформаторскими намерениями правительства и радикальными устремлениями молодого поколения образованных русских. Молодые люди, арестованные в ходе недавних судебных преследований, руководствовались убеждением, что крестьянское население России нуждается в просвещении в духе более передовых политических и социальных идей, нежели те, которые правительство было готово санкционировать»[535].

"The Daily Telegraph" отправила специального корреспондента в Петербург для освещения процесса. Уже в первые дни суда корреспондент начал отмечать необычные черты этого разбирательства. В выпуске от 2 ноября 1877 г. (21 октября ст. ст.) сообщалось: «Суд над 193 обвиняемыми начался 18 октября на специально назначенном заседании Правительствующего Сената России. Судебный процесс проходит в условиях полной гласности, которую обеспечивает реформированная судебная система России. Зал суда ежедневно переполнен зрителями, а российской прессе, равно как и иностранным корреспондентам, разрешено присутствовать на разбирательствах и публиковать свои отчеты. Это поразительное новшество, поскольку политические процессы в России исторически проводились втайне»[536].

Однако вскоре корреспондент начал замечать серьезные проблемы в проведении процесса: «Присутствуя на процессе впервые, поражаешься очевидной слабости доводов обвинения. Выдвинутые против подсудимых

---

[535] [W. a.] [The disturbances in the Russian Empire...] // The Manchester Guardian. – 1878, 14 Dec. (2 декабря 1878 г. ст. ст.)

[536] [W. a.] Trials in russia. // The Daily Telegraph. – 1877, 2 Nov. (21 октября 1877 г. ст. ст.)

обвинения по большей части сводятся к утверждениям о том, что они читали запрещенные книги, распространяли революционную литературу или вели разговоры политического толка. Невольно задаешься вопросом: могут ли эти действия, как бы сильно правительство против них ни возражало, составлять уголовное преступление при любом разумном толковании закона? Многие из обвиняемых, судя по всему, годами находились в тюрьме в ожидании суда по обвинениям самого пустякового свойства»[537].

Наиболее известный эпизод — демонстративный уход корреспондента "The Times" из зала суда. "The Daily Telegraph" опубликовала: «Сообщается, что корреспондент "The Times", посетив первые заседания суда, заявил, что не видит никаких перспектив справедливого и беспристрастного разбирательства. Изучив характер представленных доказательств и отметив, что многие подсудимые обвиняются в чтении определенных книг или ведении философских бесед, корреспондент, как утверждают, сказал: "Я присутствую здесь уже два дня и слышу лишь то, что один читал Лассаля, другой вез в вагоне поезда "Капитал" Маркса, а третий просто дал книгу другу". Корреспондент покинул Санкт-Петербург, выразив мнение, что этот судебный процесс не отвечает стандартам правосудия, которые он ожидал бы увидеть в цивилизованной стране»[538].

Эпизод был особенно красноречив: корреспондент издания, как правило державшегося близко к официальной позиции, открыто выразил недовольство ходом процесса. Около двух третей подсудимых были оправданы — это свидетельствовало, что судебная система сохраняла хоть какую-то самостоятельность. Тем не менее "The Manchester Guardian" не скрывала иронии: «Хотя тот факт, что значительная часть подсудимых была оправдана, вызывает удовлетворение, это оправдание далось ужасной ценой. Эти молодые люди годами находились в заключении, порой в суровых условиях, ожидая суда, который теперь привел к их освобождению. Таким образом,

---

[537] Ibid.

[538] Ibid.

правительство добилось извращенного результата: оно без суда лишило свободы лиц, чьи действия, как теперь установил сам суд, не являлись преступными. Это, пожалуй, самый убийственный обвинительный акт всему этому делу»[539].

«Дело 193-х стало для британской прессы наглядным воплощением неразрешимого противоречия: либеральные судебные формы не могут работать по-настоящему там, где политическая система остается в своей основе авторитарной. Оценивая итоги процесса, британские обозреватели задавались принципиальным вопросом: способна ли судебная система сохранять свою независимость и беспристрастность, когда само правительство прямо заинтересовано в исходе дела? Ход разбирательства наглядно продемонстрировал западной аудитории, что само по себе наличие реформированных институтов — независимых судов, суда присяжных и гласности — не обеспечивает справедливости, если фундаментальные основы государства остаются самодержавными».

[539] [W. a.] [The Eastern Question. Notes from Vienna…] // The Manchester Guardian. – 1878, 14 Dec. (2 декабря 1878 г. ст. ст.)

Таблица 10. Позиции ведущих изданий Великобретании по подготовке к судебной реформе 1864

Аспект процесса	**Формальное соответствие реформе 1864 г.**	**Фактическая реализация**	**Оценка британской прессы**
Публичность	Суд открыт для прессы и публики	Полностью соблюдено	Признание прогресса
Суд присяжных	Присяжные участвуют в вынесении вердикта	Соблюдено, но под давлением атмосферы	Сомнения в независимости
Право на защиту	Квалифицированные адвокаты	Соблюдено	Признание профессионализма адвокатов
Предварительное заключение	Презумпция невиновности	2–4 г. ожидания суда	Резкая критика
Доказательная база	Убедительные доказательства вины	Чтение книг, философские беседы	Критика слабости обвинений
Независимость суда	Суд независим от администрации	Политическое давление очевидно	Констатация ограниченности реформы

К исходу 1880-х гг. британская пресса смотрела на судебную реформу без всякого оптимизма. После гибели Александра II в 1881 г. его сын Александр III взял откровенно консервативный курс. В 1889 г. появилась должность земского начальника, наделенного правом вмешиваться в судебные решения по крестьянским делам, — что воспринималось британскими обозревателями как прямое зачеркивание принципа независимости судов[540].

Подводя итоги преобразований, британские издания приходили к неутешительному выводу: реформа, задуманная как часть широкой программы модернизации, оказалась скомпрометирована сохранением самодержавных основ. Журналисты сходились в понимании фундаментального противоречия российской действительности: попытки пересадить элементы западного либерального правосудия в политическую систему, остающуюся по своей природе авторитарной, неминуемо вели к сбоям. Без сопутствующих

[540] [W. a.] Count tolstoi's schemes. // The Times. – 1889, 12 Feb. (31 января 1889 г. ст. ст.)

изменений в структуре государства — создания представительных институтов, твердых гарантий гражданских свобод и верховенства закона — судебная реформа осталась незавершенной и крайне уязвимой для административного произвола, что со всей очевидностью и продемонстрировала эпоха контрреформ[541].

Британская пресса внимательно следила за ходом преобразований, рассматривая военную реформу 1874 г. — введение всеобщей воинской повинности — как важнейший показатель способности России к модернизации и окончательный разрыв со старым сословным строем. "The Times" от 23 января 1874 г. (11 января ст. ст.), анализируя положения нового Устава о воинской повинности, делала акцент на его беспрецедентно эгалитарном характере: «Фундаментальный принцип новой организации заключается в том, что защита престола и страны есть долг, обязательный для каждого русского подданного, и что мужское население, без различия сословий, подлежит военной службе»[542].

Для консервативной британской аудитории этот шаг выглядел как грандиозная по своим масштабам мера, доказывающая, что военная необходимость заставила самодержавие пойти на беспрецедентную демократизацию общества.

"The Daily Telegraph", ориентированная на более широкую публику, вписывала реорганизацию армии в общий триумфальный контекст либеральных реформ Александра II. Оценивая масштаб изменений в передовице от 13 мая 1874 г. (1 мая ст. ст.); приуроченной к историческому визиту императора в Лондон, издание не скрывало восхищения темпами модернизации: «...была учреждена новая судебная система; законы были реформированы, а администрация очищена; армия и флот подверглись реорганизации; и при нынешнем царе Россия добилась более основательного

---

[541] [W. a.] Ruin in russia. // The Daily Telegraph. – 1888, 26 Apr. (14 апреля 1888 г. ст. ст.)

[542] [W. a.] The new russian military law. // The Times. – 1874, 23 Jan. (11 января 1874 г. ст. ст.)

прогресса на пути к цивилизации, чем за любое предыдущее царствование со времен Петра Великого»[543].

Для либерального британского наблюдателя техническое и организационное обновление армии стало не просто милитаристским вызовом Европе, а скорее неопровержимым доказательством, что Россия необратимо становится современным европейским государством, способным на сложнейшие структурные реформы.

Признание компетентности Милютина было важным: британская пресса понимала, что реформы проводились под руководством квалифицированного администратора, а не были просто прихотью правительства.

Одним из наиболее революционных аспектов реформы стало введение в 1874 г. всеобщей воинской повинности, заменившей прежнюю систему рекрутского набора. При старой системе крестьяне отбирались по жеребьевке, и те, на кого падал выбор, должны были служить 25 лет. Новая система призывала мужское население на значительно более короткий срок.

Британские наблюдатели четко видели двойной характер реформы. С одной стороны, она устанавливала более справедливое распределение военного бремени. Как подчеркивала газета "The Times" в январе 1874 г., обозревая новый закон, его фундаментальный принцип состоял в том, что отныне военная служба ложится на мужское население «без различия сословий»[544]. С другой стороны, реформа формировала новый вид отношений между государством и гражданином. Отмена традиционного деления общества, при котором высшие классы освобождались от повинности, воспринималась в Британии как решительный шаг к равенству перед законом[545].

Однако это восхищение реформаторским фасадом неизбежно порождало в британской печати фундаментальный вопрос о внутренних противоречиях

---

[543] [W. a.] [Editorial] // The Daily Telegraph. – 1874, 13 May. (1 мая 1874 г. ст. ст.)

[544] [W. a.] The new russian military law. // The Times. – 1874, 23 Jan. (11 января 1874 г. ст. ст.)

[545] Idin.

системы: могут ли современные, рациональные институты долгосрочно сосуществовать с авторитарной политической реальностью, не меняя самой сути самодержавия? Оценивая этот хрупкий баланс, наблюдатели расходились во мнениях. Изначально многие надеялись, что внедрение передовых административных и военных практик неизбежно приведет общество к требованиям политических свобод.

Но историческая реальность оказалась суровее. Столкновение обновленного общества с нежеланием властей идти на политические уступки привело к радикализации молодежи. Британские аналитики прямо связывали нарастающий кризис с половинчатым характером реформ. В частности, газета The Manchester Guardian в своей программной передовице от 2 марта 1880 года (по случаю 25-летия царствования Александра II) усматривала причину охватившего империю террора именно в этом глубинном конфликте: правительство дало обществу лишь «форму свободных институтов, утаив их суть». По мнению обозревателей, нация, прогрессивные устремления которой были лишь «раздразнены видением свободы», закономерно столкнулась с жесткими охранительными рамками самодержавия[546].

Знаковым испытанием военной реформы стала Русско-турецкая война 1877–1878 гг. — первая крупная кампания, в которой русская армия вела боевые действия после преобразований Милютина. Британские наблюдатели, пристально следившие за театром военных действий, оценивали результаты этого экзамена двояко. С одной стороны, реорганизованная армия продемонстрировала несомненную боеспособность: быстрота мобилизации и общее качество войск выгодно отличались от эпохи Крымской войны.

С другой стороны, кампания обнажила серьезные организационные просчеты верхушки. Осенью 1877 г., когда быстрое наступление сменилось изнурительной осадой Плевны, британская пресса начала открыто критиковать неслаженность русского штаба. Специальный корреспондент

---

[546] [W. a.] [To-day is the 25th anniversary...] // The Manchester Guardian. – 1880, 2 March. (19 февраля 1880 г. ст. ст.).

"The Times" в подробном обзоре от 11 октября отмечал, что главная причина катастрофических потерь кроется «в тактическом и стратегическом руководстве кампанией»[547].

Признавая должное невероятной стойкости и храбрости русских солдат, британский журналист констатировал, что армии по-прежнему мешает «недостаток системы и организации», а вина за неудачи прямо ложится на «плохое командование»[548]. Растянутые линии снабжения и неспособность эффективно управлять огромными массами войск на больших расстояниях привели к тому, что война затянулась, обернувшись для империи истощением ресурсов, превзошедшим все первоначальные расчеты.

Британская пресса видела реформы как в целом успешные, но также проницательно замечала скрытые угрозы для самого самодержавия. Анализируя последствия введения всеобщей воинской повинности, обозреватели указывали на опасный для властей парадокс: стремясь укрепить государство и создать массовый резерв, правительство пропускало через армию огромное количество студентов и разночинцев.

Британские издания еще на этапе принятия закона отмечали, что новые правила призыва, дающие льготы по образованию, неизбежно приведут к массовому притоку в армию представителей «образованных классов»[549]. Таким образом, военная машина невольно формировала кадры обученных и организованных людей, которые в условиях политического кризиса могли обратить свои навыки против государства. Это предвидение оказалось пророческим: многие участники революционных движений 1870-х гг. имели за плечами опыт военной подготовки.

Кроме того, британская имперская политика базировалась на поддержании баланса сил, и успехи русской военной реформы стали восприниматься Лондоном как прямая угроза этому равновесию. Если в

---

[547] [W. a.] Russian explanations of failures. // The Times. – 1877, 11 Oct. (29 сентября 1877 г. ст. ст.)

[548] Ibid.

[549] [W. a.] The new russian military law. // The Times. – 1874, 23 Jan. (11 января 1874 г. ст. ст.)

Европе возросшая мощь милютинской армии просто заставляла державы с тревогой прислушиваться к Петербургу, то главным предметом британского беспокойства стала безостановочная экспансия России в Центральной Азии.

Успешные среднеазиатские кампании наглядно продемонстрировали Западу эффективность новой военной машины. В разгар Русско-афганского кризиса весной 1885 г., когда в британском парламенте открыто заговорили о возникшей «великой чрезвычайной ситуации», охватившая страну тревога базировалась именно на оценке новых логистических возможностей русских войск. Обновленная армия оказалась способна безостановочно осуществлять «русское продвижение» и оперативно перебрасывать регулярные части на огромных расстояниях вплоть до афганской границы[550].

Для лондонских стратегов это стало неопровержимым доказательством того, что Россия обрела организационную возможность проецировать мощь далеко за пределы своих границ, создавая непосредственную угрозу Индии и требуя от Британии экстренных мер для «защиты интересов Империи»[551].

Британские журналисты постепенно осознали парадокс, лежащий в основе александровских реформ: были ли они действительно либеральными преобразованиями или лишь прагматичной попыткой укрепить самодержавное государство путем модернизации его аппарата и армии?

Трагическая смерть Александра II в марте 1881 г. стала для лондонской прессы поводом подвести окончательный и мрачный итог этому противоречию. Говоря о царствовании, лондонская "The Times" в обширном аналитическом некрологе от 14 марта назвала эпоху реформ «сложной и полной противоречий»[552]. В издании подчеркивалось, что, несмотря на освобождение крестьян и грандиозную реорганизацию государственных структур, правительство так и не решилось на политические свободы, а «бюрократическая система России... осталась нетронутой в своих основах».

---

[550] [W. a.] The russian advance. // The Manchester Guardian. – 1885, 31 Mar. (19 марта 1885 г. ст. ст.)

[551] [W. a.] Imperial parliament. // The Manchester Guardian. – 1885, 31 Mar. (19 марта 1885 г. ст. ст.)

[552] [W. a.] Alexander II // The Times. – 1881, 14 Mar. (2 марта 1881 г. ст. ст.)

Обозреватели констатировали, что попытка привить западные институты к политической системе, остающейся по своей сути автократической, создала в империи фатальное напряжение. Пропуская через обновленную армию сотни тысяч людей, обучая их современной дисциплине и прививая офицерскому корпусу новые профессиональные стандарты, самодержавие невольно создавало общество, чьи ожидания рано или поздно должны были вступить в конфликт с бюрократическим произволом. То, что задумывалось как модернизация ради укрепления абсолютной власти, на деле лишь углубило разрыв между пробудившимся обществом и репрессивным аппаратом, приведя к самому трагическому финалу в истории русской монархии[553]

В оценке этих событий британская печать продемонстрировала поистине пророческое чутье: именно это противоречие между модернизированным государственным аппаратом и закостеневшей политической системой окажется в числе главных пружин русской революции 1917 г. [554].

Смерть Николая I в 1855 г. и поражение в Крымской войне подготовили почву для либерализации внутренней политики. В 1858 г. Александр II снял большинство цензурных ограничений на периодическую печать, что выплеснулось волной новых изданий и оживило общественную дискуссию.

Британские современники воспринимали эпоху Александра II как время беспрецедентного обновления. "The Times" от 13 сентября 1859 г. (1 сентября ст. ст.) относится к самому раннему слою наблюдений за русскими реформами. Газета, будучи изданием консервативного толка, следила за либерализацией с осторожным интересом, однако ее корреспондент прямо констатировал, что послабления коренным образом изменили облик страны, впервые с 1825 г. открыв пространство для формирования общественного мнения: «С момента восшествия на престол нынешнего Императора прессе в России была

---

[553] [W. a.] Count tolstoi's schemes. // The Times. – 1889, 12 Feb. (31 января 1889 г. ст. ст.)

[554] [W. a.] Foreign opinion on the assassination. // The Daily Telegraph. – 1881, 14 Mar. (2 марта 1881 г. ст. ст.)

предоставлена гораздо большая свобода… Открыто обсуждаются вопросы, о которых раньше нельзя было и упоминать»[555]. Это стало первым шагом правительства на пути к искоренению коррупции и бюрократической неэффективности».

"The Times" от 8 октября 1862 г. (26 сентября ст. ст.) следила за подготовительными работами комиссии[556]. Октябрь 1862 г. был моментом переломным: уже в ноябре комиссия представит свои предложения, предусматривавшие передачу контроля исключительно Министерству внутренних дел и признание необходимости свободной прессы по европейскому образцу.

В январе 1863 г. по указу Александра II надзор за прессой в области литературы и журналистики перешел к Министерству внутренних дел. Министр Валуев учредил Комитет по пересмотру цензурного законодательства. Летом того же года комиссия князя Оболенского подготовила законопроект о прессе, насчитывавший 336 статей.

6 апреля 1865 г. Александр II утвердил мнение Государственного совета «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати» — итоговый документ цензурной реформы, вступивший в силу 1 сентября 1865 г. Реформа принесла несколько ключевых изменений: книги объемом свыше десяти печатных листов (160 страниц) освобождались от предварительной цензуры; контроль переносился на этап после публикации; издатели сами отвечали за выходящий материал; наконец, вводилась система предупреждений — три предупреждения влекли закрытие газеты на шесть месяцев.

"The Times" от 28 сентября 1865 г. (16 сентября ст. ст.) поместила материалы, вышедшие почти сразу после того, как реформа вступила в силу.

---

[555] [W. a.] The press in Russia. // The Times. – 1859, 13 Sep. (1 сентября 1859 г. ст. ст.)

[556] [W. a.] Russia. // The Times. – 1862, 8 Oct. (26 сентября 1862 г. ст. ст.)

Британская пресса реагировала оперативно и расценивала происходящее в России как событие международного масштаба[557].

Столкнувшись с ростом радикальных настроений, правительство активно использовало новые механизмы контроля. Однако к концу 1870-х гг. британские наблюдатели констатировали провал этой системы. Как отмечала лондонская "The Times" осенью 1879 г., «неэффективность и бесполезность строгого контроля, осуществляемого над русской прессой, становятся с каждым днем все более очевидными», поскольку карательная цензура лишь подогревала интерес общества к запретным темам[558].

Эпоха Великих реформ началась с беспрецедентного пробуждения русского общественного мнения. Британская пресса рассматривала отмену крепостного права не только как социальный сдвиг, но и как триумф гласности. Обсуждение крестьянского вопроса, за которым пристально следили лондонские "The Daily Telegraph" (весной 1861 г.) и "The Times" (весной 1862 г.), дало российской печати немыслимую прежде свободу[559]. На короткое время цензурные барьеры рухнули, и британские обозреватели с оптимизмом констатировали, что в России появилось пространство для легальной публичной дискуссии о будущем страны.

Однако этот либеральный импульс оказался недолговечным, и вскоре британцы осознали всю хрупкость свободы слова при самодержавии. Анализируя состояние русского общества в начале 1877 г. на примере фундаментального труда британского журналиста и дипломата Д. М. Уоллеса «Россия»[560] — двухтомного исследования, основанного на личных наблюдениях автора в ходе почти шестилетнего пребывания в империи (1870–1875) и считающегося одним из наиболее авторитетных иностранных

---

[557] [W. a.] Russia and its nationalities. // The Times. – 1865, 28 Sep. (16 сентября 1865 г. ст. ст.)

[558] [W. a.] The censorship in russia. // The Times. – 1879, 16 Oct. (4 октября 1879 г. ст. ст.)

[559] [W. a.] Russia. the emancipation of the russian serfs. // The Daily Telegraph. – 1861, 21 Mar. (9 марта 1861 г. ст. ст.); [W. a.] Emancipation of the serfs in russia. // The Times. – 1862, 24 Apr. (12 апреля 1862 г. ст. ст.)

[560] *Wallace, D.M.* Russia : in 2 vols. London : Cassell, Petter and Galpin, 1877.

свидетельств о пореформенной России, "The Manchester Guardian" подчеркивала критическое отсутствие независимых политических институтов и жесткие рамки, в которые бюрократия вновь загнала публичную мысль[561]. Власти оказались не готовы терпеть свободную журналистику, и по мере закручивания гаек легальное поле для дискуссий стремительно сужалось.

Британская пресса проницательно зафиксировала катастрофические последствия этой цензурной политики: лишенное возможности говорить открыто, общество ушло в подполье. "The Manchester Guardian" летом 1879 г. в обзоре «Революционное движение в России» прямо связывала нарастающий политический кризис с невозможностью легального выражения протеста[562]. Удушение свободы слова привело к тому, что место газетных передовиц занял нелегальный печатный станок. Кульминацией этого процесса стала трагедия марта 1881 г. Охваченная шоком после убийства Александра II, лондонская "The Daily Telegraph" была вынуждена публиковать и анализировать «Манифест нигилистов» (Nihilist Manifesto) — зловещее доказательство того, какую форму принимает гражданский протест, когда государство уничтожает свободу печати[563].

Любые надежды на то, что новый император ослабит цензурный гнет, рухнули в первые же годы правления Александра III. Символическую черту под историей пореформенной свободы слова подвела "The Times" осенью 1884 г. в большом аналитическом материале «Русская пресса»[564]. Издание задокументировало планомерный разгром независимой журналистики, кульминацией которого стало закрытие властями главного рупора либеральной интеллигенции — журнала «Отечественные записки». Для британских

---

[561] [W. a.] Russia and the russians. // The Manchester Guardian. – 1877, 9 Feb. (28 января 1877 г. ст. ст.)

[562] [W. a.] The revolutionary movement in russia. // The Manchester Guardian. – 1879, 5 Jun. (24 мая 1879 г. ст. ст.)

[563] [W. a.] The assassination of the emperor of russia. Nihilist manifesto. // The Daily Telegraph. – 1881, 16 Mar. (4 марта 1881 г. ст. ст.); [W. a.] The russian press. // The Times. – 1884, 2 Sep. (21 августа 1884 г. ст. ст.)

[564] [W. a.] THE RUSSIAN PRESS. // The Times. – 1884, 2 Sep. (21 августа 1884 г. ст. ст.)

наблюдателей это событие означало окончательную победу цензора над общественной мыслью и возврат империи к глухому полицейскому контролю.

Как отмечается в обзорной статье по истории российской цензуры, опубликованной на академической платформе EBSCO Research Starters: «Несмотря на усилия Валуева, революционные движения продолжали набирать силу. Когда в 1881 г. Александр II был убит, на престол взошел Александр III. Александр III, давний сторонник жесткой цензурной политики, 27 августа 1882 г. утвердил временные меры»[565].

[565] History of Censorship in Russia // EBSCO Research Starters. — EBSCO Information Services, 2018. — URL: https://www.ebsco.com/research-starters/politics-and-government/history-censorship-russia (дата обращения: 10.02.2026).

Таблица 11. Позиции ведущих периодических изданий Великобритании по ходу цезурной реформы

Дата / Период	Издание	Этап реформы / Событие	Позиция и оценка британской прессы
13 сентября 1859 г.	The Times	Ранние послабления цензуры при Александре II	**Осторожный оптимизм.** В газете констатируется небывалая свобода печати в России: открыто обсуждаются вопросы, о которых раньше нельзя было и упоминать. Свобода слова оценивается как первый шаг к искоренению коррупции и бюрократии.
21 марта 1861 г.	The Daily Telegraph	Манифест об отмене крепостного права	**Восторг и поддержка.** Реформа воспринимается не только как социальный сдвиг, но и как триумф гласности. Обсуждение крестьянского вопроса открыло в России пространство для легальной публичной дискуссии.
8 октября 1862 г.	The Times	Подготовка цензурного устава (комиссия кн. Оболенского)	**Внимательный мониторинг.** Регулярное отслеживание работы комиссии с надеждой на передачу контроля светским ведомствам и переход к свободной прессе по европейскому образцу.
28 сентября 1865 г.	The Times	Вступление в силу цензурной реформы 1865 г.	**Оперативная фиксация изменений.** Подробное освещение отмены предварительной цензуры для толстых книг и введения карательной системы (трех предупреждений). Оценка реформы как события международного масштаба.
9 февраля 1877 г.	The Manchester Guardian	Осмысление политической реальности (Рецензия на книгу «Россия»)	**Осознание иллюзорности свобод.** В газете указывается на критическое отсутствие независимых институтов: общество остается в жестких рамках бюрократического контроля, государство не готово терпеть свободную мысль.
5 июня 1879 г.	The Manchester Guardian	Усиление цензурного пресса и кризис 1870-х	**Предупреждение об угрозе.** Проницательный вывод о том, что удушение легальной журналистики загоняет протест в подполье. Лишение общества права на открытую дискуссию ведет страну к политическому насилию.
16 октября 1879 г.	The Times	Кризис карательной системы цензуры	**Констатация провала реформы 1865 г.** Система контроля признана «неэффективной и бесполезной». Указано, что русское правительство

Дата / Период	Издание	Этап реформы / Событие	Позиция и оценка британской прессы
			«всегда боялось света», а запреты лишь подогревают интерес к закрытым темам.
16 марта 1881 г.	The Daily Telegraph	Убийство Александра II и радикализация	**Шок и осознание последствий.** Публикация нелегального «Манифеста нигилистов» как мрачного доказательства того, во что превращается голос общества, когда государство уничтожает легальную свободу печати.
2 сентября 1884 г.	The Times	Разгром прессы Александром III	**Итоговое разочарование.** Фиксация планомерного уничтожения независимой журналистики, в частности закрытия «Отечественных записок». Вывод о начале «нового крестового похода против прессы» и возврате к полицейскому государству.

Анализ материалов "The Times", "The Daily Telegraph" и "The Manchester Guardian" за период 1859–1884 гг. выявляет несколько сквозных тем, объединяющих восприятие судебной, военной и цензурной реформ.

1. Признание исторической значимости и беспрецедентного масштаба. Все британские газеты, несмотря на политические различия, признавали, что реформы Александра II были важнейшим шагом к модернизации Российской империи. Как отмечала лондонская печать, это был грандиозный опыт перестройки государственных институтов. Оценивая масштаб изменений (от судов до переустройства армии), газета "The Daily Telegraph" в мае 1874 г. констатировала, что при нынешнем царе Россия добилась более основательного прогресса на пути к цивилизации, чем за любое предыдущее царствование со времен Петра Великого[566].

2. Парадокс либеральной формы в авторитарном контексте. Британские наблюдатели первыми нащупали главное внутреннее противоречие эпохи: попытку самодержавия пересадить на русскую почву передовые западные институты (независимых судей присяжных, всеобщую воинскую повинность

[566] [W. a.] [To-day his Imperial Majesty...] // The Daily Telegraph. – 1874, 13 May. (1 мая 1874 г. ст. ст.)

без различия сословий, элементы свободы прессы), категорически отказываясь предоставлять обществу политические права. Правительство хотело получить современную военную машину и эффективную экономику, но не желало ограничивать собственную абсолютную власть. При подведении итогов царствования Царя-Освободителя в газете "The Times" созданная им система называлась «сложной и полной противоречий» [567].

4. Крах иллюзий и победа реакционного полицейского государства. Надежды британских либералов на то, что реформы эволюционным путем изменят природу русского самодержавия, окончательно рухнули в 1880-е гг. Пресса подробно задокументировала, как Александр III осуществил планомерный демонтаж достижений своего отца. Для Запада символическими точками невозврата стали начало «нового крестового похода против прессы» в 1884 г. и уничтожение независимого мирового суда путем введения института земских начальников (Zemskie Natchalniki) в 1889 г.[568]

3.3. Сравнение обозрения реформ 1864–1874-х годов в английской и русской печати

Предшествующие разделы данного исследования были посвящены детальному анализу освещения Великих реформ в русской (3.1) и английской (3.2) печати. Сопоставительный анализ обнаруживает не просто расхождения в оценках — он выявляет глубинное различие самих призм, через которые отечественная и британская журналистика смотрела на одни и те же преобразования. Русская пресса, находившаяся внутри реформируемого общества, неизбежно становилась участницей процесса; английская, наблюдавшая извне, превращала реформы в зеркало собственных представлений о цивилизации, прогрессе и положении России в европейском миропорядке.

---

[567] [W. a.] Alexander II. // The Times. – 1881, 14 Mar. (2 марта 1881 г. ст. ст.)

[568] [W. a.] Count tolstoi's schemes. // The Times. – 1889, 12 Feb. (31 января 1889 г. ст. ст.)

Методологическая рамка настоящего пункта выстраивается вокруг нескольких направлений сравнения: идеологическая позиция изданий и ее влияние на интерпретацию реформ; информационные источники и каналы получения сведений; жанровый инструментарий; динамика оценок (от первоначальной реакции до итоговых суждений); наконец, то, что можно обозначить как «горизонт ожиданий» — те критерии, по которым каждая из пяти газет судила об успехе или провале преобразований.

Прежде чем переходить к содержательному сопоставлению, необходимо зафиксировать типологическое различие русских и английских изданий. Различие это не сводится к языку или географии — оно обусловлено условиями существования прессы в двух странах и, как следствие, несовпадающим пониманием самой функции газеты.

Русская печать 1860–1880-х гг. функционировала в условиях, которые не имели аналогов в Англии. До 1865 г. периодика находилась под предварительной цензурой; после реформы 6 апреля 1865 г. столичные издания перешли под «карательную» цензуру — систему административных предостережений, позволявшую приостановить газету после трех взысканий[569]. В провинции предварительная цензура сохранялась. Обе русские газеты — и консервативные «Московские ведомости» Каткова, и умеренно-либеральные «Санкт-Петербургские ведомости» Корша — существовали в этом поле, и каждая их публикация несла на себе отпечаток цензурного давления: либо как уступка, либо как преодоления.

Английская пресса к 1860-м гг. находилась на качественно ином уровне свободы. После отмены штемпельного сбора («налогов на знание», "taxes on knowledge") [570] в 1855 г. и бумажной пошлины ("Paper Duty") в 1861 г. английские газеты работали в условиях практически полной редакционной

---

[569] [Б. а.] О продолжении выкупных операций и земельных делах // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 4 сент.

[570] *Hewitt, M.* The Dawn of the Cheap Press in Victorian Britain: The End of the ‘Taxes on Knowledge’, 1849–1869. London : Bloomsbury Academic, 2013. P. 1–6.

свободы[571]. "The Times" — "The Thunderer"[572], как ее называли — стала рупором политического истеблишмента, но при этом выражала позицию, не диктуемую правительством[573]. "The Manchester Guardian", основанная в 1821 г. в Манчестере, к 1860-м гг. стала голосом радикального либерализма и промышленной буржуазии[574]. "The Daily Telegraph", основанная в 1855 г., была первой лондонской газетой по пенни за экземпляр, рассчитанной на массовую аудиторию[575].

Различие условий определяло различие методов. Русские газеты часто вынуждены были прибегать к эзопову языку, намекам, сравнительным экскурсам в европейский опыт вместо прямой оценки. «Московские ведомости» систематически использовали латинские, французские и немецкие вставки — "conditio sine qua non"[576], "vae victis"[577], "laissez faire"[578] и "le pays légal"[579] — не только как интеллектуальное украшение, но и как способ сказать то, что нельзя было произнести по-русски прямо[580]. Английские газеты,

---

[571] *Brown, L.* Victorian News and Newspapers. Oxford : Clarendon Press, 1985. 303 p.

[572] Прозвище The Thunderer по отношению к газете The Times утвердилось в британском публичном дискурсе еще в 1830-е годы и использовалось для обозначения ее громового, властного тона и политического влияния.

[573] The History of The Times. Vol. II : The Tradition Established, 1841–1884. London : The Times, 1939. 622 p.

[574] *Mills, W.H.* The Manchester Guardian: A Century of History. London : Chatto & Windus, 1921. 146 p.

[575] *Lee, A.J.* The Origins of the Popular Press in England, 1855–1914. London : Croom Helm, 1976. 310 p.

[576] [Б. а.] [Неужели же должны мы признать дефицит за condicio sine qua non в жизни Русского государства...] // Московские ведомости. – 1864, 24 февраля.

[577] [Б. а.] [В одной из последних тетрадей английского Полишинеля (Punch), на картинке, имеющей подпись vae victis...] // Московские ведомости. – 1871, 9 марта.

[578] [Б. а.] [Мы не будем говорить потом, насколько справедлив приговор суда относительно этих рабочих Невской мануфактуры... Мы не сторонники мудрого правила "laissez faire, laissez passer"...] // Московские ведомости. – 1870, 7 февраля.

[579] [Б. а.] [Нам сообщают, что из юго-западных губерний представлены... Земские учреждения... не оставляют за своими дверьми никого... подобно прежнему французскому представительному цензу, именовавшемуся легальным земством, le pays légal...] // Московские ведомости. – 1870, 2 октября.

[580] [Б. а.] Значение привлечения земства к обсуждению проектов реформы подушных налогов // Московские ведомости. – 1870, 26 окт.

напротив, могли позволить себе прямую и жесткую оценку российских реформ, не рискуя ничем, кроме репутационных потерь в случае ошибки[581].

Таблица 12. Сравнение позиций ведущих периодических изданий России и Великобритании во времена Великих реформ

Параметр	**Московские ведомости**	**Санкт-Петербургские ведомости**	**The Times**	**The Manchester Guardian**	**The Daily Telegraph**
Идеологическая позиция	Консерватизм, охранительство	Умеренный либерализм	Консерватизм	Радикальный либерализм	Умеренный либерализм
Редактор в 1860-е	М. Н. Катков	В. Ф. Корш	Дж. Т. Делейн	—	—
Тираж	Несколько тыс. экз.	До 11 000 экз.	~60 000 экз.	~30 000 экз.	>100 000 экз.
Условия свободы печати	Цензура / предостережения	Цензура / предостережения	Полная свобода	Полная свобода	Полная свобода
Основная аудитория	Образованное дворянство, чиновничество	Либеральная интеллигенция	Правящий класс	Промышленная буржуазия	Широкая публика
Преобладающий жанр	Передовая статья, аналитика	Корреспонденция, хроника	Аналитический обзор	Редакционная статья	Корреспонденция
Частота обращения к теме реформ	Еженедельно	Еженедельно	Эпизодически (при ключевых событиях)	Эпизодически	Эпизодически

Земская реформа 1864 г. — пожалуй, наиболее показательный пример того, как различие оптик русской и английской прессы создавало принципиально разные образы одного и того же преобразования.

Русские газеты освещали земскую реформу с дателизированностью, недоступной английским корреспондентам. «Московские ведомости» уже 11 января 1864 г. откликнулись на Положение о земских учреждениях передовой статьей, содержавшей детальный анализ конкретных параграфов закона: §§ 46,

[581] *Бугров, А.Ю.* Цензура и освещение судебной реформы в английской и русской прессе эпохи Великих реформ Александра II // Litera. – 2026. – № 5. – С. 66–77.

59, 99, 117[582]. Публикация за публикацией — статьи от 14 января, 27 марта, 29 мая 1864 г. — выстраивали развернутый юридический комментарий, переходивший в философское осмысление. Редакция Каткова писала: «Самоуправление только тогда имеет надлежащий вид, когда является органом той же самой государственной власти»[583]. «Санкт-Петербургские ведомости» шли иным путем: публиковали первый в России регламент земского собрания — 17 пунктов Самарского уездного собрания (Самарское губернское земское собрание открылось одним из самых первых в империи еще 20 февраля 1865 г.), включая порядок подписания журнала неграмотными знаками «+» или «−»[584]; фиксировали угличскую ситуацию, когда обыватели не знали, что такое земство[585]; передавали из Ярославля картину «обломовского farniente»[586] — полного безразличия местных жителей к новым учреждениям: «о непробудном сне, о ничем не нарушаемом обломовском farniente ярославских жителей»[587].

Английская пресса, по контрасту, практически не уделяла земской реформе самостоятельного внимания. Земство упоминалось как элемент общей картины реформ, но не становилось предметом специального анализа. Причина понятна: для английского читателя, привыкшего к многовековой традиции местного самоуправления — от "county councils" до "justices of the peace"[588], — само понятие земства не содержало того драматизма новизны, который оно несло для русской аудитории. Если в «Московских ведомостях»

---

[582] [Б. а.] О слиянии земских управ с мировыми съездами // Московские ведомости. – 1864, 13 янв.

[583] [Б. а.] Условия успешности местного самоуправления // Московские ведомости. – 1864, 27 мар.

[584] [Б. а.] О дискриминационном положении государственных крестьян // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 7 марта.

[585] [Б. а.] О борьбе против принципа неотчуждаемости крестьянских наделов // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 6 марта.

[586] "Farniente" — итальянское слово (от fare — делать и niente — ничего), означающее абсолютное «ничегонеделание» или праздность (часто употребляется в устойчивом выражении dolce far niente — «сладкое ничегонеделание».

[587] [Б. а.] О деятельности земских собраний // Санкт-Петербургские ведомости. – 1866, 2 мая.

[588] *Nishchymna, S.* The legal institution of justices of the peace: feasibility and risks / S. Nishchymna // Economics. Finances. Law. – 2025. – Vol. 5/2025, No. . – P. 39–43. DOI 10.37634/efp.– 2025.5.8. EDN CLIXLK.

сравнивали земство с английскими мировыми судами, доказывая, что «Англия всем известна как образцовая страна местного самоуправления»[589], то для "The Times" или "The Manchester Guardian" это было общим местом, не требующим доказательства.

Это порождает парадокс: русская пресса, ограниченная цензурой, оказалась несравненно более информативной в освещении земской реформы, нежели свободная английская печать. «Московские ведомости» публиковали детальную табличную сводку по земским выборам в Самарской губернии: 208 крестьян из 401 гласного в уездных собраниях, но 55 дворян и лишь 1 крестьянин среди губернских гласных[590]. В «Санкт-Петербургских ведомостях» сообщали точные цифры по Костромской губернии: «255 гласных: 120 помещиков, 6 священников, 1 чиновник, 27 купцов, 1 мещанин, 89 крестьян, 11 иных»[591]. Подобной статистической детальности английские газеты не предоставляли и не могли предоставить: у них просто не было корреспондентской сети в русской провинции.

Вместе с тем английская пресса вносила один важный элемент, которого русской не хватало: взгляд извне, не скованный внутриполитическими счетами. Оценивая итоги преобразований, лондонские обозреватели раз за разом возвращались к фундаментальному противоречию эпохи Александра II: попытке внедрить передовые свободные институты в государственное устройство, которое по своей сути оставалось деспотическим[592]. Этот тезис — о непреодолимом конфликте между либеральной формой и автократией — прилагался ко всем реформам, в том числе к судебной и земской. Британские

---

[589] [Б. а.] Необходимость усиления элемента крупного землевладения. Недостаточность существующей земской организации для борьбы с пожарами и необходимость скорейшего введения мирового суда // Московские ведомости. – 1865, 29 мая.

[590] [Б. а.] К вопросу о консолидации кредитных билетов по плану гр. Шувалова // Московские ведомости. – 1864, 3 мар.

[591] [Б. а.] О ходе выкупной операции и финансовых отчетах // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 4 марта.

[592] [W. a.] Alexander II. // The Times. – 1881, 14 Mar. (2 марта 1881 г. ст. ст.)

журналисты проницательно констатировали, что созданная система оказалась «сложной и полной противоречий», поскольку, несмотря на дарованные свободы, сама бюрократическая машина империи осталась «нетронутой в своих основах». Закономерным итогом этого неразрешимого противоречия британцы считали контрреформы 1880-х гг., когда самодержавие приступило к планомерному демонтажу независимых судов и земского самоуправления[593].

Русские газеты, находясь внутри той же системы, ставили проблему иначе: в «Московских ведомостях» видели угрозу в «ложном демократизме»[594], а «Санкт-Петербургские ведомости» — в бюрократическом удушении самоуправления[595].

Если проследить, как менялись оценки земской реформы, обнаруживается любопытное расхождение. Русские газеты прошли заметную эволюцию: «Московские ведомости» — от «торжественного воодушевления» 1864 г. к «полному разочарованию» 1882–1884 гг.; «Санкт-Петербургские ведомости» — от энтузиазма к накоплению критических наблюдений, при этом сам принцип самоуправления под сомнение не ставился. Английская пресса вела себя иначе: на протяжении всего периода она сохраняла куда более устойчивую и куда более скептическую позицию. Для нее земство с первых шагов было экспериментом с непредсказуемым исходом — и по мере того, как накапливались тревожные данные, исходный скептицизм лишь крепчал.

Судебная реформа 1864 г. — единственная из четырех, получившая сопоставимое по масштабу освещение и в русской, и в английской прессе. Причина очевидна: введение суда присяжных — института, составляющего гордость английской правовой традиции и восходящего к "Magna Carta"[596], — неизбежно привлекало внимание британских наблюдателей.

---

[593] [W. a.] Count tolstoi's schemes. // The Times. – 1889, 12 Feb. (31 января 1889 г. ст. ст.)

[594] [Б. а.] Что такое наши земские соборы // Московские ведомости. – 1882, 22 мая.

[595] [Б. а.] О роли дворянства в проведении реформы и его «великом гражданском подвиге» // Санкт-Петербургские ведомости. – 1869, 29 июля.

[596] *Lewis, N.B.* Magna Carta: Part I. The constitutional Significance of Magna Carta / N. B. Lewis // Parliamentary Affairs. – 1964. – Vol. XVIII, No. 3. – P. 249. EDN IXXXHF.

Оценивая преобразования Александра II, британская печать воспринимала новую судебную систему как монументальный шаг вперед. Летом 1865 г. лондонская пресса (в частности, "The Manchester Guardian") публиковала развернутые обзоры «социальных реформ» в империи, с восторгом перечисляя новые принципы правосудия. Обозреватели подчеркивали колоссальный контраст с прошлой эпохой: «Он учредил суд присяжных по уголовным делам; он сделал судей несменяемыми; он объявил, что суды будут открыты для публики; он заменил письменные свидетельства устными»[597]. Констатация того факта, что в России наконец-то появился суд присяжных, звучала на страницах британских газет почти торжественно — словно фиксация вступления империи в «клуб цивилизованных наций», как это было отмечено в нашем анализе английской прессы.

«Московские ведомости» в тот же период — весной 1864 г. — вели собственную аналитическую кампанию. Передовая статья от 31 марта 1864 г. критиковала дореформенный суд с использованием латинских вставок — "insani praemia scribae", "quorum alterum esse volumus"[598]. Апрельские номера 1865 г. (№ 79–92) составили целую серию комментариев к Судебным уставам с привлечением бельгийского и английского опыта, со ссылками на Indépendance Belge и Morning Post[599].

Здесь обнаруживается примечательная асимметрия. Русские газеты ссылались на английский опыт как на образец; английские газеты анализировали русскую реформу, сравнивая с собственными стандартами. Получался своеобразный замкнутый круг взаимных отражений: редакция Каткова писала о "justices of the peace"[600], доказывая необходимость

---

[597] [W. a.] Social reforms in russia. // The Manchester Guardian. – 1865, 28 Jul. (16 июля 1865 г. ст. ст.)

[598] [Б. а.] Кому и на каком основании будет даваться у нас звание мировых судей // Московские ведомости. – 1864, 31 мар.

[599] [Б. а.] Начало словесного суда — самое существенное начало новых уставов // Московские ведомости. – 1865, 15 апр.

[600] *Nishchymna, S.* The legal institution of justices of the peace: feasibility and risks / S. Nishchymna // Economics. Finances. Law. – 2025. – Vol. 5/2025, No. . – P. 39–43. DOI 10.37634/efp.– 2025.5.8. EDN CLIXLK.

аналогичного института в России[601]; анализируя судебную реформу, британская печать констатировала неизбежность ее искажений на практике из-за колоссального разрыва между внедрением передового европейского суда присяжных и глубоким невежеством недавней крепостной массы[602]. Одни и те же институты оценивались с противоположных позиций: для русских они были целью, для англичан — стандартом, которому Россия не соответствовала.

«Санкт-Петербургские ведомости» занимали особую позицию в этом треугольнике. В газете судебная реформа не столько анализировалась теоретически, сколько формировался новый журналистский жанр — судебная хроника. С мая 1866 г. в газете появились постоянные рубрики «В камере мирового судьи», «Судебная хроника»[603]. 26 апреля 1866 г. была опубликована роспись 28 мировых участков Петербурга — документ, не имевший прецедента. Именно «Санкт-Петербургские ведомости» создали тот жанр судебного репортажа, который впоследствии стал визитной карточкой русской журналистики. Ничего подобного английские газеты не могли «создать» — у них этот жанр существовал уже столетиями.

Переломным моментом для обеих традиций стало дело Засулич (1878) и «дело 193-х» (1877–1878). Здесь позиции русской и английской прессы разошлись максимально. «Московские ведомости» после оправдания Засулич судом присяжных окончательно перешли на позицию пересмотра принципа присяжных по политическим делам. Редакция Каткова, как отмечал исследователь М. В. Немытина, использовала процесс 193-х как «аргумент против “излишне мягкого” суда присяжных и в пользу усиления репрессивной

---

[601] [Б. а.] Определение выражений «мировой суд» и «мировой судья». Случай из практики мировых судов, послуживший органу «Отголоски русской печати» предлогом глумления над этим учреждением // Московские ведомости. – 1866, 4 июл.

[602] [W. a.] Russia and the russians. // The Manchester Guardian. – 1877, 9 Feb. (28 января 1877 г. ст. ст.)

[603] [Б. а.] Об экономическом положении пореформенного дворянства и выкупных платежах // Санкт-Петербургские ведомости. – 1866, 26 апр.

политики», Судебных уставов и самодержавием в целом, а не о конкретной оценке процесса 193-х[604].

Английская пресса увидела в масштабных политических процессах конца 1870-х гг. (таких как «дело 193-х») не триумф нового правосудия, а наглядную иллюстрацию его ограниченности в авторитарном государстве. Главным объектом критики со стороны лондонских обозревателей стала не столько сама процедура суда, сколько вопиющая практика административного произвола, предшествовавшая процессу. Оценивая попытки властей справиться с революционным движением, британская печать (в частности, "The Manchester Guardian") с тревогой констатировала, что при столкновении с политическим инакомыслием самодержавие легко обходит принципы независимого суда. Британские журналисты указывали на катастрофическое противоречие: оправдание значительной части обвиняемых судом присяжных или особым присутствием обесценивалось тем фактом, что сотни молодых людей до этого годами содержались в одиночных камерах без суда и следствия по малейшему подозрению в политической неблагонадежности. Для западного наблюдателя это служило горьким доказательством того, что фасад либеральных институтов не способен защитить личность от репрессивного аппарата империи[605].

Таблица 13. Позиции ведущих периодических изданий России и Великобретании по ходу судебной реформы

Аспект судебной реформы	**Московские ведомости**	**Санкт-Петербургские ведомости ведомости**	**The Times**	**The Manchester Guardian**	**The Daily Telegraph**
Первая реакция (1864)	Энтузиазм, детальный анализ	Безусловная поддержка	Осторожное одобрение	Одобрение с оговорками	Подробный обзор

[604] См. *Немытина, М.В.* Суд в России: вторая половина XIX — начало XX вв. : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Немытина Марина Викторовна. М., 1999. – 403 с.

[605] [W. a.] The revolutionary movement in Russia. // The Manchester Guardian. – 1879, 5 Jun. (24 мая 1879 г. ст. ст.)

Аспект судебной реформы	**Московские ведомости**	**Санкт-Петербургские ведомости ведомости**	**The Times**	**The Manchester Guardian**	**The Daily Telegraph**
Суд присяжных	Поддержка → ревизия	Постоянная поддержка	Скепсис (неграмотность населения)	Принципиальная поддержка	Позитивная оценка
Дело 193-х / Засулич	Требование пересмотра	Защита принципов	Демонстративный протест	Резкая критика режима	Детальный репортаж
Итоговая оценка (1880-е)	За контрреформу	За сохранение принципов	Пессимизм	Констатация краха	Сбалансированный скепсис
Мировые судьи	Критика выборности	Защита института	Сравнение с justices of the peace	Мало внимания	Мало внимания

Принципиально важно, что русские газеты спорили о деталях судебной реформы — о конкретных институтах, статьях уставов, кадровом составе. В «Московских ведомостях» приводили статистику: «337 мировых судей, из них 70 — с высшим юридическим образованием, 177 — с высшим неюридическим, 114 — со средним»[606]. В «Санкт-Петербургских ведомостях» фиксировали, что расходы на судебное ведомство выросли с 21 958 489 руб. до 66 271 076 руб.[607]. Английские газеты не оперировали этими данными — их интересовали принципы, а не бухгалтерия. Анализируя систематическое изъятие политических дел из ведения судов присяжных в пользу военных трибуналов, британская печать констатировала крушение фасада либерального правосудия и готовность самодержавия жертвовать принципами права ради сохранения полицейского контроля[608]. Это был не институциональный анализ, а политический диагноз.

---

[606] [Б. а.] Определение выражений «мировой суд» и «мировой судья». Случай из практики мировых судов, послуживший органу «Отголоски русской печати» предлогом глумления над этим учреждением // Московские ведомости. – 1866, 4 июл.

[607] [Б. а.] Независимость суда от администрации. Мировая юстиция. Почему мировые судьи работают не от имени Его Величества. Распоряжение министра юстиции о зеркалах и мундирах // Московские ведомости. – 1866, 25 июл.

[608] [W. a.] The revolutionary movement in russia. // The Manchester Guardian. – 1879, 5 Jun. (24 мая 1879 г. ст. ст.)

Цензурная реформа 1865 г. обнаруживает, пожалуй, наиболее парадоксальную ситуацию: русская пресса вынуждена была обсуждать собственную свободу в условиях ее ограничения, а английская — оценивать реформу, аналогов которой в ее опыте давно не существовало.

4 сентября 1865 г. — первый день выхода столичных газет без предварительной цензуры — стал знаковым. «Санкт-Петербургские ведомости» использовали метафору, сознательно рифмовавшую цензурную и крестьянскую реформы: «Крепостная зависимость наша от цензуры, от личной воли и личного усмотрения постороннего лица — кончилась»[609]. «Московские ведомости» в тот же день выступили с иной тональностью: «Первым словом освобожденной печати будет слово хвалы и благодарения Монарху... Отныне печать наша находится на твердой почве закона и не подлежит произволу»[610]. Разница показательна: для «Санкт-Петербургские ведомости» реформа — освобождение от «крепостной зависимости»; для «Московские ведомости» — утверждение закона вместо произвола. В либеральной газете акцентировалась свобода, в консервативной — порядок.

Английская пресса воспринимала русскую цензурную реформу с позиции страны, где свобода печати к тому времени являлась неотъемлемой частью политической культуры. "The Times" от 28 сентября 1865 г. (16 сентября ст. ст.) анализировала новый закон практически сразу после его вступления в силу, а "The Times" от 8 октября 1862 г. (26 сентября ст. ст.) отслеживала еще подготовительные работы комиссии Оболенского. Британские наблюдатели четко фиксировали парадоксальность системы: хотя предварительная цензура была отменена, система трех предостережений создавала постоянное давление, фактически заменяя внешнего цензора внутренним.

Хроника административных взысканий, которую реконструировали в пункте 3.1, подтверждает этот тезис. «Санкт-Петербургские ведомости»

---

[609] [Б. а.] [Крепостная зависимость наша от цензуры, от личной воли и личного усмотрения постороннего лица — кончилась …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 4 сент.

[610] [Б. а.] Судьба народного просвещения в России // Московские ведомости. – 1865, 4 сен.

получили первое предостережение уже 20 сентября 1865 г. — через 19 дней после начала бесцензурного существования[611]. Второе — 13 апреля 1866 г., третье — 2 сентября того же года, с приостановкой на три месяца. После возобновления, 2 марта 1867 г. — новое предостережение. П. Д. Боборыкин вспоминал: «В Петербурге "Санкт-Петербургские ведомости", теснимые цензурой, все-таки выдерживали свое либеральное обличье»[612]. Отстранение Корша от редакторства в конце 1874 г. стало финалом эпохи.

«Московские ведомости», при всем консерватизме, также испытывали давление. Катков получал формальные предостережения от Главного управления по делам печати[613]. Его знаменитое письмо от 28 февраля 1881 г. содержало формулировку, немыслимую для английского издателя именно потому, что в Англии не было необходимости ее произносить: «Будучи верноподданным своего Государя, он отнюдь не признает себя верноподданным министров»[614].

Для английской прессы отношение к свободе слова стало главным критерием искренности преобразований: обозреватели понимали, что без легальной дискуссии новые институты остаются лишь уязвимым фасадом, поскольку власть, по выражению "The Times", «всегда боялась света»[615]. Этот диагноз полностью подтвердился в 1880-е гг., когда империя перешла к контрреформам, разгромив независимую печать и суды, тем самым доказав Западу, что за ширмой либеральных законов самодержавная машина осталась

---

[611] См.: Административные взыскания, полученные периодической печатью Российской империи во второй половине XIX в. // История. Электронный научно-образовательный журнал. Приложение: табл. «Административные взыскания…». Предостережение газете «Санкт-Петербургс

[612] См. *Боборыкин, П. Д.* За полвека : (Мои воспоминания) / П. Д. Боборыкин ; ред., предисл. и примеч. Б. П. Козьмина. – Москва ; Л. : Земля и фабрика, 1929. – 383 с.

[613] [Б. а.] Объяснение с Главным управлением по делам печати // Московские ведомости. – 1866, 16 апр.

[614] [Б. а.] По поводу обвинения редактора «Московских ведомостей» в его сношениях с высокопоставленными лицами и об аренде недоимки // Московские ведомости. – 1881, 28 фев.

[615] [W. a.] The censorship in Russia. // The Times. – 1879, 16 Oct. (4 октября 1879 г. ст. ст.)

«нетронутой в своих основах»[616]. Цензурная реформа, таким образом, оценивалась как лакмусовая бумажка всей системы: неполная свобода печати указывала на неполноту всех прочих свобод[617].

Статистика, которую приводили английские наблюдатели, впечатляла: между 1865 и 1880 гг. было выдано 177 предупреждений различным изданиям и закрыто 52 периодических издания. "The Daily Telegraph" опубликовала в 1875 г., к десятилетию реформы, серию материалов, анализирующих ужесточение цензурного контроля. "The Times" от 16 октября 1879 г. (4 октября ст. ст.) отражала атмосферу террористической активности народовольцев, в условиях которой свобода печати сокращалась.

Русские газеты, по контрасту, вынуждены были обсуждать цензурные ограничения опосредованно. «Московские ведомости» резко критиковали постановление от 13 июня 1867 г., ограничивавшее гласность земских собраний: «Новой вышеупомянутой мерой восстанавливается предварительная цензура для оглашения в печати... речей, произносимых в их прениях»[618]. Ограничение гласности земств напрямую связывало цензурную и земскую реформы: пресса лишалась возможности информировать общество о деятельности тех учреждений, ради которых и была проведена реформа.

Парадокс киевской прессы, отмеченный «Московские ведомости», обнажал абсурд системы: провинциальные газеты, находясь под предварительной цензурой, могли быть одновременно преследуемы за «злоупотребление» свободой печати, которой они не обладали[619]. Английская пресса не могла понять этого парадокса изнутри — она могла лишь

---

[616] [W. a.] The russian press. // The Times. – 1884, 2 Sept. (21 августа 1884 г. ст. ст.)

[617] *Бугров, А.Ю.* Цензура и освещение судебной реформы в английской и русской прессе эпохи Великих реформ Александра II // Litera. – 2026. – № 5. – С. 66–77.

[618] [Б. а.] Указ 13-го июня 1867 года о порядке печатания постановлений и отчетов земских собраний // Московские ведомости. – 1868, 29 фев.

[619] [Б. а.] Судебное преследование издателя газеты «Киевлянин» // Московские ведомости. – 1869, 5 сен.

констатировать его как еще одно проявление авторитарной непоследовательности.

Военная реформа — единственная из четырех, где позиции русских и английских газет определялись не только идеологическими, но и геополитическими соображениями. Если земская, судебная и цензурная реформы были внутренним делом России, то модернизация армии непосредственно затрагивала баланс сил в Европе — а значит, жизненные интересы Великобритании.

«Московские ведомости» уделили военной реформе наибольшее внимание среди всех рассматриваемых изданий — более 60 номеров за 1864–1881 гг. Редакция прошла долгий путь: от статистических заметок 1864 г. с данными о расходах военного ведомства (812 196 тыс. руб. в 1863 г., рост до 1 135 975 тыс. руб. в 1864 г.[620]) — через стратегическую аналитику 1870-х — к ретроспективным обзорам 1881 г. Газета не чуралась исторических экскурсов: от указа Петра III о пожизненной службе до поэтапных сокращений сроков при Александре I и Николае I[621]. Степень детализации впечатляет: в статье от 22 января 1870 г. давалась полная раскладка русской армии — «650 000 пехоты, 30 000 кавалерии, 12 артиллерийских дивизий (1 272 орудия), 372 000 запасных, 57 000 ополченцев, 8 000 казаков»[622].

Для английской прессы (в частности, "The Times" и "The Daily Telegraph") русская военная реформа 1874 г. была прежде всего вопросом европейской безопасности[623]. Анализируя введение всеобщей воинской повинности, лондонские обозреватели констатировали, что создание массовой

---

[620] [Б. а.] Задача национального духа в 1863 году. Сила общественного мнения // Московские ведомости. – 1864, 11 янв.

[621] [Б. а.] Вопрос о всесословной воинской повинности в разработке комиссии для пересмотра рекрутского устава // Московские ведомости. – 1864, 12 мая.

[622] [Б. а.] О городских общественных банках, свободной банковской конкуренции и проектированных земских банках // Московские ведомости. – 1870, 22 янв.

[623] [W. a.] [The English translation of the Russian Military law...] // The Times. – 1874, 23 Jan. (11 января 1874 г. ст. ст.); [W. a.] [To-day His Imperial Majesty Alexander II., Emperor of all the Russias, arrives...] // The Daily Telegraph. – 1874, 13 May. (1 мая 1874 г. ст. ст.)

армии неминуемо изменит баланс сил на континенте. Британская печать указывала, что беспрецедентный рост численности и мобильности русских войск кардинально усиливает позиции Петербурга в международных делах. За сдержанными дипломатическими формулировками газет о том, что Европа не может оставаться безучастной к таким переменам, скрывалась глубокая стратегическая обеспокоенность. Запад осознавал, что, отказываясь от устаревшей рекрутской повинности в пользу передовой «прусской системы» (the Prussian system), Россия создает беспрецедентную по масштабам «колоссальную армию» (a colossal army), способную стать решающим фактором в будущих европейских конфликтах.

"The Daily Telegraph" проявляла сильный интерес не только к геополитическому смыслу военной реформы, но и к ее технико-организационным аспектам[624]. Анализируя масштаб преобразований, лондонские обозреватели отдавали должное компетентности военного министра Милютина и его аппарата. Газеты проницательно отмечали, что новый план подразумевает не просто механическое заимствование западных технических новшеств, но тотальную перестройку самих принципов комплектования, обучения и управления армией. Признание этого факта — важная деталь: английская печать ясно понимала, что модернизация военной машины империи проводится высококвалифицированными администраторами, способными эффективно интегрировать передовой европейский опыт в российские реалии.

Франко-прусская война 1870–1871 гг. стала переломным моментом для обеих прессовых традиций. Быстрый разгром Франции произвел глубокое впечатление. «Московские ведомости» внимательно анализировали прусскую систему, указывая, что полевые войска Германского Союза в мирное время насчитывают 320 тыс. человек, а в военное время вместе с ландвером эта

---

[624] [W. a.] [To-day His Imperial Majesty Alexander II., Emperor of all the Russias, arrives...] // The Daily Telegraph. – 1874, 13 May. (1 мая 1874 г. ст. ст.)

цифра достигает 977 000 человек[625]. В газете настойчиво подчеркивалось решающее значение этого обученного запаса, надежного аналога которого русская армия тогда не имела, из-за чего была вынуждена содержать огромные силы в мирное время[626]. Для английской прессы прусская победа усиливала тревогу: британские издания отмечали, что военный триумф Берлина неизбежно пробудит в России живой интерес к военной реорганизации[627]. Впоследствии лондонская печать с нескрываемым беспокойством писала о формировании в России многомиллионной армии по прусской модели, что в корне меняло расклад сил на континенте[628].

Введение Устава о воинской повинности 1 января 1874 г. было встречено по-разному. «Московские ведомости» подробно разбирали статьи 58–60 и 174–182 Устава, приводя финансовую раскладку: общая сумма 16 354 000 руб., содержание нижнего чина — 75 руб.[629] «Санкт-Петербургские ведомости» встретили Устав «как торжество тех принципов, которые отстаивала на протяжении десятилетия». Оценивая устав 1874 г. о всеобщей воинской повинности как «радикальную меру реформирования», британская печать видела в нем торжество либеральных принципов, окончательно уничтожившее сословную несправедливость старой рекрутчины[630].

Здесь выявляется ключевое различие в восприятии. Русские газеты спорили о деталях — о льготах по образованию, о сроках службы, о мобилизационных экспериментах. В «Московских ведомостях» сообщали о конкретных опытах: призыв в Люблинской губернии показал, что «на сбор

---

[625] [Б. а.] [Всякие догадки и предположения...] // Московские ведомости. – 1870, 4 июля.

[626] [Б. а.] [В наше время много говорят о разоружении...] // Московские ведомости. – 1870, 4 ноября.

[627] [Б. а.] [Тотчас после первых успехов...] // Московские ведомости. – 1870, 19 августа.

[628] [Б. а.] [В английской печати то и дело поднимается речь...] // Московские ведомости. – 1874, 25 мая.

[629] [Б. а.] Военно-конская повинность и проект ее применения по брошюре ген. Гребенщикова // Московские ведомости. – 1874, 17 авг.

[630] [W. a.] [The English translation of the Russian Military law...] // The Times. – 1874, 23 Jan. (11 января 1874 г. ст. ст.)

отпускных и укомплектование войск потребовалось всего четыре дня»[631]. В «Санкт-Петербургских ведомостях» настаивали, что образовательные льготы дадут стимул крестьянам «сесть за парты и получить образование». Английская же пресса смотрела на реформу глобально. В "The Times" в ней видели не просто смену армейского устава, а «радикальную меру реформирования», которая вводит «принцип всеобщей повинности», тем самым нанося сокрушительный удар по старым сословным барьерам[632].

Анализируя эскалацию насилия в конце десятилетия, газета "The Manchester Guardian" с тревогой констатировала успехи «революционной пропаганды» даже в армейской среде. В условиях полного отсутствия легальных политических свобод эта организованная сила, по мнению британцев, неизбежно должна была обратиться против самой власти[633]. Это предвидение оказалось пророческим: многие участники последующего революционного движения имели реальную военную подготовку.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала практической проверкой. «Московские ведомости» от 11 февраля 1880 г. подвели ретроспективный итог: «759 188 чел.» общей численности, проблемы с «40 000 лишних», задержки «в 10, 12–13 дней вместо плановых»[634]. "The Daily Telegraph" от 14 марта 1881 г. (2 марта ст. ст.) признавала: «Русская армия, реорганизованная в соответствии с принципами генерала Милютина, продемонстрировала значительную боеспособность (или значительный потенциал) в условиях военной кампании (или в походных условиях)», — но указывала на проблемы с длиной линий снабжения и ограничениями железнодорожной сети[635].

---

[631] [Б. а.] Полемика с «Русским инвалидом» по поводу призыва отпускных // Московские ведомости. – 1872, 21 сен.

[632] [W. a.] [The English translation of the Russian Military law...] // The Times. – 1874, 23 Jan. (11 января 1874 г. ст. ст.)

[633] [W. a.] The revolutionary movement in russia. // The Manchester Guardian. – 1879, 5 Jun. (24 мая 1879 г. ст. ст.)

[634] [Б. а.] Результаты дознания о взрыве в Зимнем дворце // Московские ведомости. – 1880, 11 фев.

[635] [W. a.] [Assassination of the Emperor of Russia. The Late Emperor …] // The Daily Telegraph. – 1881, 14 mar. (2 марта 1881 г. ст. ст.)

Таблица 14. Позиции ведущих периодических изданий России и Великобритании о ходе военной реформы

Аспект военной реформы	**Русская пресса («Московские ведомости» + «Санкт-Петербургские ведомости»)**	**Английская пресса (Times + Guardian + The Daily Telegraph)**
Основной фокус	Внутреннее устройство, статистика, бюджет	Геополитические последствия, баланс сил
Отношение к Милютину	«Московские ведомости»: уважение к компетенции; «Санкт-Петербургские ведомости»: безусловная поддержка	Признание профессионализма
Всеобщая повинность	«Московские ведомости»: детальный анализ статей Устава; «Санкт-Петербургские ведомости»: торжество равенства	Двойственность: равенство + новый контроль
Франко-прусская война	Стимул к ускорению реформы	Тревога за баланс сил в Европе
Русско-турецкая война	Анализ успехов и проблем мобилизации	Оценка военного потенциала, стратегические выводы
Образовательные льготы	Дискуссия о деталях	Парадокс: образованные призывники = потенциальные революционеры
Центральноазиатская экспансия	Минимальное внимание	Серьезная озабоченность безопасностью Индии

Особого внимания заслуживает тема, практически отсутствовавшая в русской прессе, но центральная для английской: проекция возросшей российской военной мощи на Центральную Азию. Русская печать — и «Московские», и «Санкт-Петербургские ведомости» — обсуждала реформу армии преимущественно в контексте европейского баланса сил и внутренних административных задач. Тема «Большой игры» и угрозы британской Индии оставалась за рамками их дискуссий.

Английская же пресса смотрела на модернизацию империи совершенно иначе. Лондонские обозреватели с тревогой констатировали, что создание массовой армии и развитие логистики позволяют России беспрецедентно

быстро перебрасывать крупные силы к афганским границам[636]. В периоды обострения восточного вопроса (в частности, во время русско-афганского кризиса 1885 г.) британская печать прямо указывала, что новая военная машина царя превратилась в грозную силу в Азии. Для Лондона это означало радикальное изменение геополитической обстановки: отныне британским стратегам при обеспечении безопасности своих индийских владений приходилось всерьез считаться с русским военным потенциалом[637].

[636] [W. a.] Russia and central asia. // The Daily Telegraph. – 1875, 22 Apr. (10 апреля 1875 г. ст. ст.)

[637] [W. a.] England and russia. The military preparations. // The Manchester Guardian. – 1885, 31 Mar. (19 марта 1885 г. ст. ст.)

Выводы к главе 3

По материалам данной главы можно сделать следующие выводы:

Сопоставление русской и английской прессы по всем четырем реформам обнаруживает несколько устойчивых закономерностей, выходящих за пределы частных расхождений по отдельным вопросам.

Первая закономерность — различие масштабов детализации. Русские газеты оперировали микроуровнем: конкретные статьи законов, бюджетные цифры по отдельным уездам, персональный состав земских собраний и управ, хроника предостережений, кадровая статистика мировых судей. Английские газеты работали на макроуровне: общие принципы, политические тенденции, геополитические следствия. Это не означает, что английская пресса была поверхностной; просто она решала другую задачу — не участвовала в реформе, а оценивала ее извне, как элемент общеевропейского порядка.

Вторая закономерность — различие в отношении к «переносимости институтов». Русские газеты — и «Московские ведомости», и «Санкт-Петербургские ведомости» — исходили из того, что европейские институты (суд присяжных, местное самоуправление, свобода печати) могут и должны быть перенесены на русскую почву, хотя расходились в вопросе о том, как именно это следует делать. Катков ссылался на английских мировых судей, баденский[638] и остзейский опыт[639], французскую модель адвокатуры[640]. Редакция В. Ф. Корша публиковала регламенты земских собраний, формируя институциональную культуру. Английская пресса, напротив, все настойчивее ставила вопрос о самой возможности такого переноса. Британские обозреватели резонно сомневались, что передовые формы свободного суда и

---

[638] *Макагонова, Н.М.* Зарубежный опыт местного самоуправления: возможность применения в России // Вестник экспертного совета. – 2019. – №2 (17). – С. 31–35.

[639] *Маркварт, Э.* Организация местного самоуправления в Германии и применимость немецкого опыта к российским реалиям // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2011. – № 2. – С. 25–36.

[640] *Адоньева, И.Г.* Дискуссия о европейском опыте при обсуждении судебной реформы в русской журнальной периодике (1857-1864) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2019. – №6. – С. 18–29.

самоуправления могут бесконфликтно прижиться в империи, где подавляющее большинство населения составляли неграмотные массы с неразвитым политическим сознанием[641].

Третья закономерность — различие в «точке перелома». Для русских газет ключевыми моментами были конкретные события внутренней политики: дело Засулич (1878) для судебной реформы, закон 13 июня 1867 г. для цензурной, нарастающий абсентеизм земских собраний для земской, итоги русско-турецкой войны для военной. Для английской прессы все четыре реформы были подчинены единой драматургии — нарастанию противоречия между попытками либерализации и неизменной сутью автократии. Убийство Александра II 1 марта 1881 г. стало для английских наблюдателей не просто трагическим событием, а подтверждением центрального тезиса о неустойчивости «реформ сверху». Подводя итог эпохи, "The Times" констатировала, что, несмотря на все новые учреждения, сама деспотическая машина империи осталась «нетронутой в своих основах», создав систему, полную неразрешимых противоречий[642].

Четвертая закономерность — различие в роли прессы. Русские газеты были не просто наблюдателями реформ, но их участниками. «Санкт-Петербургские ведомости» формировали институциональную культуру земства, публикуя регламенты и создавая платформу для обмена опытом между губерниями. «Московские ведомости» влияли на правительственные решения — современники неоднократно фиксировали это влияние. Английские газеты были наблюдателями, но наблюдателями, формировавшими международное общественное мнение о России. Материалы "The Times", "The Daily Telegraph" и "The Manchester Guardian" широко перепечатывались в других европейских газетах и создавали тот образ России, который определял политику европейских держав.

---

[641] [W. a.] Russia and the russians. // The Manchester Guardian. – 1877, 9 Feb. (28 января 1877 г. ст. ст.)

[642] [W. a.] Alexander II. // The Times. – 1881, 14 Mar. (2 марта 1881 г. ст. ст.)

Одним из наиболее значимых результатов сравнительного анализа является выявление глубокой информационной асимметрии между русской и английской прессой. Эта асимметрия имела несколько измерений.

Русские газеты располагали несравненно большим объемом фактической информации о реформах. Корреспондентская сеть «Санкт-Петербургские ведомости» охватывала десятки губерний: материалы из Ярославля, Тамбова, Вологды, Новгорода, Углича, Самары, Пскова, Костромы составляли фактографическую основу газеты. «Московские ведомости» привлекали экспертов по военному делу, юриспруденции, финансам. Статистические данные, публиковавшиеся обеими газетами, не имели аналогов в английской печати.

В отличие от русской прессы, вынужденной прибегать к эзопову языку и осторожным намекам, английские газеты обладали свободой прямой политической интерпретации и открыто называли русских подданных «непредставленным и безголосым народом»[643]. Там, где отечественные публицисты искали обходные пути для критики, лондонская печать выносила бескомпромиссный вердикт: несмотря на фасад либеральных реформ, система управления империей по-прежнему опирается исключительно на «полицию и цензуру», что делает невозможным любой диалог власти и общества[644]. Этот вопрос всегда был «особенно щекотливым» и «враждебно вообще настроенным» к России, сама редакция М. Н. Каткова признавала, что «его откровенный тон лучше лицемерия лондонской печати»[645].

Информационная асимметрия порождала характерные искажения. Русские издания, при всей их детальности, были склонны к институциональному оптимизму: и «Московские ведомости», и «Санкт-Петербургские ведомости» в начальный период исходили из предположения,

---

[643] [W. a.] Russian press censorship. // The Daily Telegraph. – 1881, 5 Jul. (23 июня 1881 г. ст. ст.)

[644] [W. a.] The state of russia. The police and the censorship. // The Manchester Guardian. – 1880, 13 Mar. (1 марта 1880 г. ст. ст.)

[645] [Б. а.] [Она заключает в себе две различные...] // Московские ведомости. – 1873, 13 июня.

что правильно устроенные институты сами по себе способны преобразовать общество. Английская пресса, не обремененная этим оптимизмом, с самого начала указывала на системное ограничение: любые институты бессильны, если политическая система остается авторитарной. В конечном счете история подтвердила скорее английский диагноз, чем русский прогноз.

Вместе с тем британские издания были подвержены собственному искажению — к проецированию британского опыта на российскую реальность. Когда "The Times" сравнивала русский суд присяжных с английской версией ("trial by jury"), она неявно предполагала, что институт может быть перенесен целиком, со всей инфраструктурой правовой культуры. Русские газеты, знавшие реальность изнутри, понимали, что перенос институтов — это процесс, а не событие: отсюда внимание «Московских ведомостей» к кадровой подготовке, финансовому обеспечению, организационным деталям.

Жанровый анализ выявляет примечательные параллели и контрасты. «Московские ведомости» культивировали жанр аналитической передовой статьи — развернутого авторского комментария, насыщенного юридическим разбором, цифрами и сравнительными экскурсами. По форме это ближе всего к тому, что английская пресса именовала передовой статьей (editorial, "leading article"), однако катковская передовица была одновременно чем-то большим: юридическим комментарием, политическим памфлетом и экспертной запиской в одном лице.

«Санкт-Петербургские ведомости» осваивали жанры, более близкие английской традиции: провинциальную корреспонденцию (аналог "from our correspondent"), судебную хронику («court reporting"), публикацию документов — регламентов, росписей, уставов. По своей журналистской модели «Санкт-Петербургские ведомости» стояли ближе к английскому образцу, чем «Московские ведомости», — хотя именно последние чаще апеллировали к английскому опыту в своих текстах.

"The Times" и "The Daily Telegraph" тяготели к жанру "overview" — обзорной статьи, дающей общую картину российских событий для аудитории, не знакомой с русскими реалиями. "The Manchester Guardian" выделялась более выраженной редакционной позицией: ее материалы тяготели к жанру "editorial comment", а не к нейтральному информационному обзору.

«Санкт-Петербургские ведомости» апеллировали к прецеденту: публиковали образцовые регламенты, ссылались на конкретные случаи. Английские издания придерживались стратегии «стороннего наблюдателя»: сначала описание фактов, затем философское обобщение.

Отдельного внимания заслуживает жанровая эволюция «Московских ведомостей». От коротких информационных заметок 1864 г. газета двигалась к полемическим статьям 1867–1868 гг., затем к стратегической аналитике 1869–1871 гг. и наконец к правовым комментариям 1874–1881 гг. Этот путь — от информирования через полемику к экспертизе — отражал вызревание профессиональной аналитической журналистики в России. Английская пресса ничего подобного не переживала: жанровая система там сложилась еще до 1860-х гг.

Лингвистический сдвиг в «Московские ведомости» также показателен. В 1864–1868 гг. доминировали французские ссылки: "Revue des deux Mondes", "Journal des Débats", "Indépendance Belge". После франко-прусской войны произошла переориентация на немецкие источники: "Reichsgesetzblatt", "Neue Freie Presse", "Germania". Английские источники — прежде всего "The Times" — сохраняли стабильное присутствие на протяжении всего периода. Этот сдвиг, подробно охарактеризованный в п. 3.1, отражал геополитическую переориентацию российского общественного мнения и оставался совершенно незаметным для английского читателя.

Сопоставление итоговых оценок русской и английской прессы обнаруживает неожиданную перекличку. «Московские ведомости» к середине 1880-х гг. пришли к выводу, что реформы были проведены неудовлетворительно: земство бюрократизировалось, суд присяжных

скомпрометировал себя политическими процессами, свобода печати подорвана административным произволом. «Санкт-Петербургские ведомости» — точнее, та традиция, которую они представляли до отстранения В. Ф. Корша, — настаивали, что дело не в самих реформах, а в непоследовательности их проведения.

Английская пресса сформулировала иной диагноз — не институциональный, а системный. Подводя итоги имперской модернизации в конце XIX века, лондонские обозреватели (в частности, "The Daily Telegraph") констатировали глубокое, неразрешимое противоречие: государство добилось значительных успехов в реформировании армии и создании внешнего фасада европейской державы, но при этом продолжало опираться на фундамент жесткого самодержавия и подавления любой политической свободы. Как проницательно отмечала британская печать еще в марте 1881 г., оценивая трагический финал царствования Александра II, все попытки так называемых «реформ сверху» парадоксальным образом послужили лишь укреплению традиционной деспотической власти[646]. Для английских наблюдателей становилось очевидным, что система, построенная на столь фундаментальных противоречиях, в исторической перспективе абсолютно неустойчива и обречена[647].

Суждение Ключевского о реформах, приведенно в п. 3.1[648], в нем, высказанное крупнейшим русским историком в год первой русской революции, по существу, подтвердило то, что английская пресса диагностировала еще в 1870–1880-е гг.: противоречие между модернизированным аппаратом и архаичной политической системой.

---

[646] [W. a.] The assassination of the czar of russia. // The Manchester Guardian. – 1881, 17 Mar. (5 марта 1881 г. ст. ст.)

[647] [W. a.] Death of the czar. // The Daily Telegraph. – 1894, 2 Nov. (21 октября 1894 г. ст. ст.)

[648] *Ключевский, В.О.* Дневники и дневниковые записи // Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский. М. : Мысль, 1990. Т. IX : Материалы разных лет. С. 341.

При этом русская пресса оказалась права в другом: в оценке значения конкретных институтов. Земства, несмотря на все свои недостатки, стали школой общественного самоуправления; новая судебная система создала профессиональную адвокатуру и правовую культуру; даже ограниченная свобода печати сформировала традицию общественной дискуссии. Английская пресса, ставившая правильный системный диагноз, недооценивала долгосрочное значение институциональных изменений — подтвердившееся в 1905 г., когда именно земские деятели и адвокаты составили основу либерального движения.

Сравнение пяти газет позволяет зафиксировать важный момент в истории международной журналистики. В 1860–1880-е гг. впервые в русской истории одни и те же события освещались одновременно с двух сторон: изнутри — русской прессой, извне — английской. Для историка это создает стереоскопический эффект особой ценности: то, что оставалось невидимым изнутри (системное противоречие реформ), отчетливо проступало снаружи; то, что было закрыто для внешнего взгляда (институциональная ткань реформ, живая практика земства и суда), улавливалось только внутри страны.

Полемика между «Московскими ведомостями» и «Санкт-Петербургскими ведомостями», разворачивавшаяся на страницах русских газет, складывалась в информационное поле, где читатель мог сопоставлять доводы и вырабатывать собственную позицию. Английская пресса выстраивала иное поле — международного общественного мнения, в котором взвешивалась способность России к обновлению. Пересечение этих полей — через ссылки «Московских ведомостей» на "The Times" и "The Morning Post", через использование английскими корреспондентами данных русских газет — питало ту транснациональную публичную сферу, которая станет отличительной чертой XX века, но зарождалась именно в эпоху Великих реформ.

Русская пресса, при всех ограничениях, создала беспрецедентный массив первичных данных: выборную статистику, бюджетные раскладки,

кадровые сводки, хронику административных взысканий, тексты регламентов и уставов. Английская пресса создала не менее ценный массив интерпретаций: системных диагнозов, сравнительных оценок, прогнозов, оказавшихся в значительной мере пророческими. Вместе они образуют источниковый комплекс, позволяющий реконструировать не только факты реформ, но и их восприятие — одновременно в двух культурных контекстах.

Именно в формировании этой двусторонней публичной сферы обсуждения государственных преобразований — где русская пресса обеспечивала детальность, а английская — масштаб обобщения; где русская фиксировала процесс, а английская ставила диагноз; где русская пресса спорила о средствах, а английская — о целях — и состоит главное значение журналистского освещения Великих реформ для истории международной общественной коммуникации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование было посвящено сравнительному изучению образа реформ Александра II в русской и британской периодической прессе в период с 1856 по 1874 г. — времени, когда Россия переживала наиболее масштабные преобразования со времен Петра I, а британская журналистика находилась на пике своего классического расцвета. В центре внимания находились пять изданий: с русской стороны — «Московские ведомости» и «Санкт-Петербургские ведомости», воплощавшие полярно противоположные модели консервативного и либерального публицистического дискурса пореформенной России; с британской стороны — "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph", каждое из которых воплощало определенную модель политической и журналистской культуры викторианской Великобритании и располагало широкой читательской аудиторией, способной формировать общественное мнение как внутри страны, так и в дипломатических кругах.

В совокупности исследованный корпус текстов охватил публикационную деятельность пяти изданий на протяжении всего периода 1856–1874 гг. и позволил проследить сложную динамику восприятия российских преобразований как в свете британских либеральных, консервативных и радикальных ценностных систем, так и сквозь призму консервативного и либерального дискурсов русской периодической печати.

Диссертация строилась на концептуальной основе медиаистории, риторического анализа и сравнительной политической истории XIX века. Это сочетание методологических подходов оказалось продуктивным: оно позволило преодолеть ограниченность как чисто историографических, так и чисто медиаведческих подходов к материалу, предложив интегрированную картину того, каким образом публицистический дискурс взаимодействовал с реальными политическими процессами и как образ «реформирующейся

России» конструировался, поддерживался, корректировался или разрушался в зависимости от конъюнктуры — дипломатической, военной, идеологической.

Первая, вторая и третья задачи исследования состояли в том, чтобы реконструировать исторический и политический контекст, в котором осуществлялись реформы Александра II, проследить, каким образом этот контекст преломлялся в редакционной политике ведущих русских и британских изданий, и сопоставить обе традиции. Исследование показало, что лондонская пресса воспринимала реформаторский курс Александра II не изолированно, а в неразрывной связи с общеевропейской динамикой 1848–1871 гг. — эпохи, когда идеи «конституционного правления» ("constitutional government") повсеместно вступали в жесткий конфликт с традициями абсолютизма.

Крымская война 1853–1856 гг. стала для британских журналистов ключевой точкой отсчета: военное поражение империи было широко интерпретировано не просто как неудача на поле боя, а как закономерный крах репрессивной государственной системы Николая I. В этом контексте последовавшие великие реформы оценивались английскими обозревателями как вынужденный, но совершенно реальный ответ самодержавия на угрозу внутреннего коллапса — попытка адаптироваться к новым цивилизационным реалиям и сохранить управляемость государством[649].

Консервативная "The Times", выступавшая в 1850-х–1860-х гг. в роли полуофициального рупора британского политического истеблишмента, уделяла российским делам значительное внимание, формируя образ державы, способной к трансформации, но пока не готовой в полной мере обеспечить неприкосновенность собственности и базовые гражданские права.

---

[649] См. материалы, сопоставляющие трансформацию российских институтов с политическим пробуждением в Европе, а также подводящие итоги николаевской эпохи: [W. a.] Prussia / Russia // The Manchester Guardian. – 1858, 12 Nov. (31 октября 1858 г. ст. ст.); [W. a.] The social and political state of Russia.. // The Times. – 1858, 6 Jan. (25 декабря 1857 г. ст. ст.); [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1856, 12 Sept. (31 августа 1856 г. ст. ст.).

Редакционные статьи издания, изученные за период с 1856 по 1874 г., демонстрируют устойчивую концептуальную рамку: реформы Александра II рассматривались как «великодушные», но «незавершенные» — как шаги в правильном направлении, которые неизбежно тормозятся саботажем землевладельцев, крестьянской отсталостью и неготовностью самодержавия к последовательному внедрению свободных институтов (free institutions)[650].

Качественная "The Manchester Guardian" занимала более критическую позицию, последовательно указывая на противоречие между высокими декларациями об «императорском милосердии» и реальными экономическими механизмами их осуществления. В свою очередь, либеральная "The Daily Telegraph", апеллируя к широкой массовой аудитории, нередко использовала более эмоциональный регистр, проявляя особый интерес к гуманитарным и социальным последствиям преобразований — прежде всего к реальной судьбе крестьянства после 1861 г.[651].

Принципиально важен вывод о том, что восприятие британскими изданиями реформ Александра II определялось не только собственно российскими событиями, но и внутрибританской дискуссией о роли государства, гарантиях неприкосновенности собственности и неизбежности перехода традиционных монархий к «конституционному правлению» (constitutional government). Российские события становились своеобразным зеркалом, в котором лондонские комментаторы нередко усматривали отражение собственных политических тревог и надежд — от гордости за английский цивилизационный опыт освобождения (как в случае с отменой рабства в британских колониях) до глубокого страха перед всеразрушающей

---

[650] См., например, передовую статью, посвященную сопротивлению дворянства и проблеме свободы: [W. a.] There is no more curious problem.. // The Times. – 1858, 11 May. (29 апреля 1858 г. ст. ст.)

[651] См., например, характерные публикации данных изданий, отражающие критику половинчатых мер и ожидание эмансипации: [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1856, 12 Sept. (31 августа 1856 г. ст. ст.); [W. a.] Russia // The Daily Telegraph. – 1861, 25 Feb. (13 февраля 1861 г. ст. ст.)

«жакерией» (jacquerie), которая неизбежно грозит любому государству, запаздывающему с внедрением свободных институтов[652].

Русская печать вступила в обсуждение предпосылок реформ еще в середине 1850-х гг. После поражения в Крымской войне «Московские ведомости» и «Санкт-Петербургские ведомости» сделались ареной идейной борьбы различных общественных течений, а сам реформаторский курс Александра II подавался ими как разрыв с репрессивной системой Николая I и возвращение к образу «просвещенного монарха». В отличие от британской прессы, искавшей в русских событиях подтверждения универсальности конституционных принципов, отечественные издания осмысляли предпосылки преобразований изнутри — как назревшую необходимость обновления государственного строя, способную предотвратить более глубокий кризис.

Четвертая, пятая и шестая задачи были сосредоточены на отмене крепостного права — центральной реформе александровского царствования: на ее освещении в русской и британской печати и сравнительном анализе двух складывавшихся нарративов. Исследование показало: реакция лондонской печати на обнародование Манифеста 19 февраля 1861 г. была в целом восторженной, однако содержала весомые оговорки и расходилась в расстановке акцентов между изданиями. Все три ведущие английские газеты признали освобождение крестьян выдающимся историческим актом, открывающим подлинную «новую эру» (new era) в развитии империи. Консервативная "The Times", еще на этапе подготовки реформы поставившая

---

[652] См., например, передовые статьи и репортажи, в которых российские преобразования прямо сопоставляются с британским колониальным опытом отмены рабства, а также оцениваются через призму английских политических концептов (угроза бунта, защита собственности, свободные институты): [W. a.] The social and political state of Russia.. // The Times. – 1858, 6 Jan. (25 декабря 1857 г. ст. ст.); [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1856, 12 Sept. (31 августа 1856 г. ст. ст.); [W. a.] Russia // The Daily Telegraph. – 1861, 25 Feb. (13 февраля 1861 г. ст. ст.)

ее в один ряд с британской отменой рабства в колониях, усматривала в событии беспрецедентный социальный сдвиг[653].

Но уже в первых весенних откликах 1861 г. зазвучала тревога по поводу экономических механизмов преобразования: выкупные платежи, отсутствие твердых гарантий собственности и сохранение общинного уклада расценивались британскими обозревателями как факторы, способные серьезно сузить реальное содержание дарованной свободы и спровоцировать низовое сопротивление[654].

Качественная британская пресса довольно быстро сформулировала ключевой критический вопрос, не терявший остроты на протяжении всего последующего десятилетия. Обозреватели задавались закономерным вопросом о реальных пределах дарованной свободы в условиях, когда крестьяне обязывались выплачивать правительству выкупные платежи (рассчитанные на сорок девять лет) и оставались в жесткой административной зависимости от сельской общины. Эта риторика отражала подлинную аналитическую растерянность лондонских наблюдателей, пытавшихся увязать исторический масштаб императорского акта с суровостью его экономических механизмов, которые на практике грозили обернуться для крестьянства лишь новой формой финансового закрепощения[655].

Подводя итоги пореформенного двадцатилетия в 1880-х гг., британская печать констатировала, что пропасть между крестьянскими ожиданиями и

---

[653] См., например, передовую статью, сопоставляющую подготовку российских реформ с британским колониальным опытом эмансипации: [W. a.] The social and political state of Russia.. // The Times. – 1858, 6 Jan. (25 декабря 1857 г. ст. ст.).

[654] См., например, публикацию подробного изложения Манифеста и первый критический анализ его экономических последствий: [W. a.] Abolition of Serfdom. Manifesto // The Daily Telegraph. – 1861, 26 March. (14 марта 1861 г. ст. ст.).

[655] См., например, материалы британской прессы, в которых подробно анализируются экономические условия Манифеста (включая проблему выкупных платежей) и выражаются сомнения в обретении крестьянами подлинной личной независимости: [W. a.] Abolition of Serfdom. Manifesto // The Daily Telegraph. – 1861, 26 March. (14 марта 1861 г. ст. ст.); [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1861, 18 Oct. (6 октября 1861 г. ст. ст.).

реальным итогом освобождения никуда не делась. Обозреватели отмечали, что вместо подлинной независимости и ясных прав на землю крестьянство оказалось опутано сложной системой административных ограничений и непосильных финансовых обязательств. Этот вывод, прозвучавший спустя два десятилетия после обнародования Манифеста, свидетельствовал об устойчивости аналитического подхода, сложившегося в лондонских изданиях еще в 1861–1862 гг.[656]

В целом исследование показало, что ведущие английские газеты демонстрировали значительно более глубокое понимание социально-экономических изъянов крестьянской реформы, чем принято думать в историографии, порой склонной видеть в викторианской прессе лишь выразительницу поверхностного либерального оптимизма»[657].

Русская пресса формировала принципиально иной нарратив. В 1861–1865 гг. «Московские ведомости» и «Санкт-Петербургские ведомости» выступали с позиций общего консенсуса в поддержку Манифеста, расходясь лишь в акцентах: «Санкт-Петербургские ведомости» апеллировали к «единению сословий» и нравственному измерению освобождения, «Московские ведомости» предпочитали финансовый анализ и прагматическую оценку экономических механизмов[658].

---

[656] См., например, ретроспективные материалы британской прессы 1880-х гг., подводящие долгосрочные социально-экономические итоги царствования Александра II и анализирующие положение крестьянства: [W. a.] Assassination of the Emperor of Russia // The Daily Telegraph. – 1881, 16 March. (4 марта 1881 г. ст. ст.); [W. a.] The Russian Agrarian Question // The Times. – 1886, 6 Nov. (25 октября 1886 г. ст. ст.).

[657] См., например, публикации начала 1860-х гг., доказывающие наличие глубокого критического взгляда на экономические механизмы эмансипации уже в первые месяцы после реформы: [W. a.] Abolition of Serfdom. Manifesto // The Daily Telegraph. – 1861, 26 March. (14 марта 1861 г. ст. ст.); [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1861, 18 Oct. (6 октября 1861 г. ст. ст.).

[658] См., например, публикации о прагматическом и финансовом подходе «Московских ведомостей» к крестьянской реформе см. передовую статью: [Б. а.] [Северная Почта, со свойственным официальной газете лаконизмом...] // Московские ведомости. – 1865, 25 сент.; [Б. а.] [Первым словом освобожденной печати да будет слово хвалы...] // Московские ведомости. – 1865, 3 сент.; [Б. а.] [Какое положение должно быть принято русским общественным мнением...] // Московские ведомости. – 1866, 29 июля.

Однако уже к середине 1860-х гг. в русском информационном поле наметилась нарастающая поляризация. В то время как часть прессы и публицистов пыталась идеализировать крестьянский уклад, «Московские ведомости» выступили жесткими критиками общинных устоев. В газете в общинном землевладении и круговой поруке видели «продолжение крепостного права» и главное препятствие «свободному развитию сил русского народа». Вместо страха перед «избыточной свободой», издание Каткова настойчиво требовало предоставления крестьянам права личной собственности, «свободы земли и от земли» и полной отчуждаемости наделов[659].

Это движение от первоначального консенсуса к острой идеологической поляризации составляет зеркальную противоположность динамике британского медийного дискурса: если лондонская печать эволюционировала от общих восторженных ожиданий к устойчивому критическому консенсусу, оценивая освобождение как «незавершенную реформу», не обеспечившую крестьянам подлинной личной независимости и твердых гарантий собственности, то русская пресса двигалась в прямо противоположном направлении[660].

Значение крестьянского вопроса вышло далеко за рамки одной реформы. Еще в период подготовки преобразования русская периодика

---

[659] См. например О том, что круговая порука и общинное землевладение есть «продолжение крепостного права», см. полемику «Московских ведомостей» со славянофилами (в частности, с Ю. Ф. Самариным и газетой «День»): [Б. а.] [Не одна петербургская печать, но точно так же и московская посвящают нам свои досуги. Газета «День» почти в каждом номере хлопочет и о наших мнениях...] // Московские ведомости. – 1864, 4 апр. Характеристика общины как «главного препятствия свободному развитию сил русского народа» приводится в статье: [Б. а.] [Мы должны протестовать не только против этого неуместного сопоставления, но и против извращения истины, которое по этому поводу дозволяет себе Рижская Газета. Она не имела права говорить...] // Московские ведомости. – 1866, 10 янв.

[660] См., например, материалы британской прессы, демонстрирующие формирование единого критического взгляда на ограниченность экономических и правовых итогов реформы: [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1861, 18 Oct. (6 октября 1861 г. ст. ст.); [W. a.] The Russian Agrarian Question // The Times. – 1886, 6 Nov. (25 октября 1886 г. ст. ст.).

превратилась в арену общественной дискуссии, а Манифест 19 февраля 1861 г. лишь закрепил и ускорил этот процесс. Именно крестьянский вопрос сформировал в России ту модель газетной журналистики — ориентированной на общественную дискуссию, апеллирующей к широкой читательской аудитории и включенной в процесс осмысления государственных преобразований, — которая затем распространилась на освещение судебной реформы, земского движения.

Седьмая, восьмая и девятая задачи охватывали земскую, судебную, военную и цензурную реформы — их освещение в русской прессе, в британской прессе и в сравнительной перспективе. Для лондонских изданий введение суда присяжных ("trial by jury") и гласности судопроизводства ("open courts") стало индикатором контраста между либеральными декларациями и имперской практикой. Признавая новые уставы триумфом европейского права «на бумаге», британские обозреватели констатировали, что в реальности передовые институты неизменно сталкивались с административным произволом и принципиальной неготовностью самодержавия мириться с независимым судом[661].

На первых порах реакция лондонских изданий была весьма позитивной. "The Times" в своей публикации от 19 декабря 1864 г. охарактеризовала утверждение новых судебных уставов как важнейший шаг в государственном развитии империи. Введение суда присяжных, передача предварительного следствия независимым магистратам и обеспечение гласности судопроизводства оценивались как решительный переход к современным европейским стандартам правосудия. В этом контексте реформа воспринималась британскими обозревателями как обнадеживающий знак

[661] См., например, материалы британской прессы, посвященные обнародованию новых судебных уставов, а также последующую критику административного вмешательства в отправление правосудия: [W. a.] Russia // The Times. – 1864, 19 Dec. (7 декабря 1864 г. ст. ст.); [W. a.] Russia // The Daily Telegraph. – 1865, 7 Jan. (26 декабря 1864 г. ст. ст.); [W. a.] Latest Intelligence: Russia // The Times. – 1889, 12 Feb. (31 января 1889 г. ст. ст.).

того, что Россия не просто заимствует внешний фасад западных институтов, но делает реальную попытку усвоить их базовые внутренние принципы[662].

Однако достаточно быстро этот первоначальный энтузиазм сменился более сдержанной и, в конечном счете, глубоко скептической оценкой. Все три ведущих издания обнаружили принципиальное противоречие: новые передовые институты функционировали в рамках самодержавной политической системы, которая на практике не допускала ни подлинной независимости судебной власти от чиновничьего аппарата, ни реального ограничения полномочий администрации[663].

Лондонская периодика стала все чаще ставить под сомнение саму возможность успешного механического заимствования европейских судебных практик и их прямого переноса на русскую почву. Обозреватели аргументированно доказывали, что такие институты, как суд присяжных, могут эффективно работать лишь при наличии политически зрелого общества и готовности государства мириться с независимым правосудием. Этот аргумент, предвосхищавший более поздние дискуссии историков права о пределах заимствования западных институтов, демонстрировал поразительную аналитическую глубину, совершенно нетипичную для повседневной викторианской прессы[664]

К середине 1880-х гг., на фоне разворачивающихся контрреформ, "The Manchester Guardian" подвела закономерную черту под судьбой александровского правосудия. Обозреватели констатировали, что изолированная судебная реформа оказалась обречена: в условиях сохранения

---

[662] См. публикацию, содержащую первый подробный анализ новых судебных уставов и принципов их функционирования: [W. a.] Russia // The Times. – 1864, 19 Dec. (7 декабря 1864 г. ст. ст.).

[663] См., например, материалы британской прессы, критически оценивающие столкновение независимого правосудия с административной системой империи: [W. a.] Russia // The Times. – 1869, 26 Oct. (14 октября 1869 г. ст. ст.).

[664] См., например, аналитические публикации, ставящие под сомнение жизнеспособность заимствованных институтов в условиях отсутствия зрелых гражданских традиций: [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1871, 28 Feb. (16 февраля 1871 г. ст. ст.).

самодержавного строя и отсутствия свободных политических институтов передовые суды остались абсолютно беззащитными перед лицом административного и полицейского произвола. Британские авторы приходили к устойчивому выводу, что без фундаментальной трансформации государственного аппарата и появления действенных механизмов общественного контроля любые правовые заимствования неизбежно сводятся на нет, превращаясь в фикцию[665]. Сравнительный анализ публикаций трех британских изданий по данной теме представлен в таблице 15.

Русская пресса оценивала судебную реформу в иных категориях. Либеральные издания, такие как «Санкт-Петербургские ведомости» и «Голос», неизменно приветствовали новые судебные институты, видя в их абсолютной независимости шаг к правовому государству. «Московские ведомости», первоначально также горячо поддержавшие гласный суд и суд присяжных как триумф законности, со временем заняли иную позицию. В расширении корпоративных судебных гарантий в газете Каткова начали усматривать угрозу государственному авторитету.[666]

Оправдательные приговоры присяжных (как по политическим, так и по уголовным делам) и превращение адвокатуры в «торг совестью» воспринимались ею как насмешка над правосудием[667]. Главную же опасность

---

[665] См., например, ретроспективные оценки эпохи реформ и анализ усиления административного контроля в 1880-е годы: [W. a.] Foreign Telegrams: Russia // The Manchester Guardian. – 1885, 16 Nov. (4 ноября 1885 г. ст. ст.).

[666] О том, что круговая порука и общинное землевладение есть «продолжение крепостного права», см. полемику «Московских ведомостей» со славянофилами (в частности, с Ю. Ф. Самариным и газетой «День»): [Б. а.] [Не одна петербургская печать, но точно так же и московская посвящают нам свои досуги. Газета «День» почти в каждом номере хлопочет и о наших мнениях...] // Московские ведомости. - 1864. - 1–5 апр. Характеристика общины как «главного препятствия свободному развитию сил русского народа» приводится в статье: [Б. а.] [Мы должны протестовать не только против этого неуместного сопоставления, но и против извращения истины, которое по этому поводу дозволяет себе Рижская Газета. Она не имела права говорить...] // Московские ведомости. - 1866. - 10–11 янв.

[667] Требование полной отчуждаемости крестьянских наделов и полемика со сторонниками так называемой «законодательной опеки» (из-за страха перед свободой) подробно разворачиваются в статье: [Б. а.] Что такое неотчуждаемость недвижимой собственности? Что это такое, свобода или стеснение свободы?..

в «Московских ведомостях» видели в укоренении доктрины, согласно которой независимый суд образует некую «самодержавную республику», неподконтрольную верховной власти[3]. Там, где британская пресса видела «трансплантацию» западных правовых институтов, русская пресса видела вопрос о пределах государственного суверенитета внутри самодержавной системы.

Таблица 15. Сравнительный анализ оценок судебной реформы 1864 г. в британской прессе

Аспект	The Times	The Manchester Guardian	The Daily Telegraph
Первоначальная реакция (1864–1865)	Положительная: оценка новых уставов как решительного шага к европейским стандартам правосудия	Сдержанно-положительная: приветствие принципов при сомнении в успехе их прямого переноса на русскую почву	Положительная: акцент на цивилизующем значении и попытке усвоить дух западного права
Отношение к суду присяжных ("trial by jury")	Признание важности института, но опасения из-за отсутствия политически зрелого общества	Скепсис в отношении реальной независимости присяжных от административного давления	Фокус на практическом функционировании судов и контрасте между буквой закона и реальностью
Политические процессы (1877–1878 гг.)	Жесткая критика административного вмешательства и изъятия политических дел из ведения присяжных	Констатация фундаментального конфликта между гласным судом и самодержавным аппаратом	Подробные репортажи: акцент на шаткости прокурорских доказательств и сочувствие к подсудимым
Итоговая оценка (1880-е гг.)	Признание того, что без политических свобод передовые суды превращаются в фикцию	Вывод об обреченности изолированной правовой реформы в условиях полицейского государства	Мрачный итог: фиксация полного подчинения юстиции чиновничьему диктату

Особое место в этом блоке заняло изучение того, как отечественные и лондонские издания воспринимали реформы местного самоуправления и

// Московские ведомости. – 1864, 4 февр. Лозунги о «свободе земли и от земли» и «пользе водворения личной собственности» (в противовес общине) редакция защищает в передовице: [Б. а.] Удивительно, что все это говорится как будто против нас и людей нам единомышленных.. // Московские ведомости. – 1870, 18 янв.

цензурного законодательства — то есть те преобразования, которые непосредственно закладывали основы для формирования свободных институтов и независимой печати[668]. Как показало исследование, земская реформа 1864 г. получила в британской прессе значительно меньше оперативного внимания, чем освобождение крестьян или новые суды. Однако концептуально она неизменно рассматривалась через традиционный для английских комментаторов политический вопрос: в какой мере создание выборных структур местного самоуправления ("local institutions" / "Zemstvos") является закономерным шагом к представительному правлению (representative government) и будущей конституции[669].

Публикации "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph" обнаруживали устойчивое сравнительное мышление: лондонские журналисты нередко сопоставляли земства с британскими институтами местного управления (прежде всего с административными функциями мировых судей — "justices of the peace"), фиксируя как внешнее типологическое сходство, так и фундаментальные отличия. Прежде всего британские обозреватели указывали на отсутствие у земств реальной законодательной и финансовой самостоятельности, а также на их полную зависимость от губернской бюрократии: то, что в английской традиции

---

[668] О том, как русская печать воспринимала эти реформы в качестве фундамента для новой политической и общественной жизни,: [Б. а.] [Проект положения о губернских и уездных земских учреждениях...] // Московские ведомости. – 1863, 22 марта ; а также восторженную оценку нового цензурного устава, с которым «русское общественное мнение впервые возводится на степень законной силы, и празднует теперь свое политическое совершеннолетие»: [Б. а.] Первым словом освобожденной печати да будет слово хвалы.. // Московские ведомости. – 1865, 3 сент; [Б. а.] [Земское дело. Об открытии костромского губернского земского собрания...] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 24 марта. [Б. а.] [Земское дело. О ходе земского дела в Самарской губернии...] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 8 марта. [Б. а.] [Англия. Обзор политической повестки и британской прессы: мнения газет «Times» и др...] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1860, 19 октября.

[669] См., например, материалы британской прессы, посвященные анализу нового цензурного законодательства, а также оценке политического потенциала земств: [W. a.] Russia [о новом законе о печати] // The Daily Telegraph. – 1865, 7 Jan. (26 декабря 1864 г. ст. ст.); [W. a.] Free Russia [обзор института земства] // The Times. – 1870, 22 April. (10 апреля 1870 г. ст. ст.).

составляло саму суть свободного местного самоуправления, в российских реалиях оставалось во многом формальной оболочкой[670].

Однако, когда на рубеже 1870–1880-х гг. политическое движение земских гласных за расширение своих полномочий резко активизировалось (процесс, известный в историографии как «земский конституционализм»), оно вызвало колоссальный интерес лондонской прессы. Для британских корреспондентов петиции провинциальных собраний стали главным маркером того, что земства превращаются в потенциальный вектор движения империи к общенациональному представительному правлению (representative government)[671].

Реформа цензурного законодательства 1865 г., урезавшая предварительную цензуру для ряда категорий изданий, вызвала у британской прессы нескрываемый интерес. Журналисты, кровно заинтересованные в свободе слова, пристально следили за тем, насколько реально расширятся границы общественного мнения ("public opinion") в России после введения нового закона о печати[672]. Рост числа периодических изданий в империи в 1860-е гг. — с 87 в 1856 г. до значительно большего количества к исходу эпохи Великих реформ — воспринимался в Лондоне как важнейший индикатор складывания независимой журналистики[673].

---

[670] См., например, подробный разбор принципов устройства земств и критику отсутствия у них реальной политической автономии: [W. a.] Free Russia // The Times. – 1870, 22 April. (10 апреля 1870 г. ст. ст.).

[671] См., например, анализ политической активности провинциальных собраний на рубеже 1870–1880-х годов и их стремления к представительному правлению: [W. a.] The Assassination of the Emperor of Russia // The Daily Telegraph. – 1881, 16 March. (4 марта 1881 г. ст. ст.).

[672] См., например, о первых надеждах русской печати, связывавших отмену предварительной цензуры с «политическим совершеннолетием» общества, см. передовую статью: [Б. а.] [Первым словом освобожденной печати да будет слово хвалы и благодарения Монарху...] // Московские ведомости. – 1865, 3 сент.

[673] См., например, материал, отражающий интерес британской прессы к новому закону о печати и надежды на формирование общественного мнения: [W. a.] Russia // The Daily Telegraph. – 1865, 7 Jan. (26 декабря 1864 г. ст. ст.).

Однако уже в 1866–1870 гг. британские издания начали обращать внимание на растущее несоответствие между декларируемым освобождением прессы и реальной практикой. Система министерских «предостережений» и постоянного административного давления на редакции наглядно доказывала лондонским обозревателям, что самодержавие по-прежнему не готово мириться с подлинно свободным печатным словом[674].

Отдельного рассмотрения в рамках того же блока потребовала военная реформа 1874 г. В условиях обострения «Восточного вопроса» ("Eastern Question") и тревоги из-за продвижения России в Азии, лондонская пресса оценивала введение всеобщего призыва отнюдь не как внутреннюю административную меру[675]. Для британских обозревателей создание колоссального армейского резерва означало скрытую подготовку к дальнейшим завоеваниям и прямую угрозу имперским интересам Англии[676].

Анализ публикаций показал, что военная реформа стала переломным моментом в подаче российских дел лондонской печатью: если преобразования 1861–1865 гг. рассматривались британскими обозревателями главным образом через призму внутреннего «цивилизационного прогресса», то новый военный устав 1874 г. был воспринят прежде всего как радикальный сдвиг в «европейском равновесии» ("European equilibrium") и соотношении сил в

---

[674] См., например, публикацию, содержащую критику системы министерских взысканий и давления на российские редакции: [W. a.] Russia // The Times. – 1866, 13 Nov. (1 ноября 1866 г. ст. ст.).

[675] См., например, материалы русской прессы, в которых анализ нового закона о всеобщей воинской повинности напрямую увязывается с военной мощью империи, а также публикации, отражающие тревогу по поводу продвижения России вглубь азиатских территорий: [Б. а.] Новое положение о воинской повинности и предполагаемые преобразования по военному ведомству [о новом военном законе и балансе вооруженных сил в Европе] // Московские ведомости. – 1874, 9 янв.; [Б. а.] Английская печать о переговорах между Англиею и Россией по среднеазиатским делам. Искусственная агитация общественного мнения в Англии [о панике в Лондоне из-за продвижения к Хиве] // Московские ведомости. – 1873, 29 янв.

[676] См., например, материалы британской прессы, в которых анализ нового закона о всеобщей воинской повинности напрямую увязывается с военной мощью империи, а также публикации, отражающие тревогу по поводу продвижения России вглубь азиатских территорий: [W. a.] Russia [о новом военном законе и всеобщем призыве] // The Times. – 1874, 23 Jan. (11 января 1874 г. ст. ст.); [W. a.] Russia, Khiva, and Bokhara // The Times. – 1874, 6 Jan. (25 декабря 1873 г. ст. ст.).

Азии. Введение всеобщей воинской повинности, увеличивавшей потенциальную армию и военные резервы империи с нескольких сотен тысяч до нескольких миллионов человек, в Лондоне и Манчестере расценивалось уже не как шаг к социальному развитию, а как прямая военная угроза британским имперским интересам[677].

"The Manchester Guardian" довольно рано указала на политическую двойственность нового военного строительства. Обозреватели отмечали, что всеобщая воинская повинность ("universal conscription"), с одной стороны, впервые вводила в империи беспрецедентный элемент равенства всех сословий, а с другой — таила в себе колоссальную угрозу для самодержавия. Редакции проницательно предупреждали, что призыв в армию представителей образованных классов неизбежно создаст внутри военной машины критически мыслящую прослойку, которая при определенном стечении обстоятельств может обратить свое недовольство против самого государства. Этот британский прогноз относительно политизации русской армии оказался весьма точным[678].

Подводя общие итоги пореформенного развития к концу XIX века, лондонская периодика "The Daily Telegraph" в своих ретроспективных обзорах) сформировала устойчивую и весьма мрачную оценку результатов государственного строительства. В глазах западных наблюдателей Российская империя представляла собой тревожный парадокс: государство добилось выдающихся успехов в реорганизации вооруженных сил и приобрело внешние атрибуты современной европейской державы, однако продолжало опираться

---

[677] См., например, редакционные материалы лондонской и манчестерской прессы, в которых создание массовой армии на основе всеобщего призыва прямо оценивается через призму угрозы европейскому балансу сил и интересам Англии: [W. a.] Russia [о новом военном законе и всеобщем призыве] // The Times. – 1874, 23 Jan. (11 января 1874 г. ст. ст.); [W. a.] Russia [об увеличении военной мощи империи] // The Manchester Guardian. – 1874, 26 Jan. (14 января 1874 г. ст. ст.)

[678] См., например, аналитические материалы британской прессы, посвященные введению всеобщего призыва и потенциальным политическим последствиям милитаризации общества: [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1874, 26 Jan. (14 января 1874 г. ст. ст.).

на архаичный фундамент абсолютной власти и подавления политических свобод. Этот образ России — внешне модернизирующейся военной империи, но глубоко авторитарной по своей сути — занял господствующее место в британском медийном дискурсе на рубеже веков[679].

Русская пресса оценивала военную реформу сквозь совершенно иную оптику. В «Санкт-Петербургских ведомостях» приветствовали всеобщую воинскую обязанность как шаг к гражданскому равенству и знак того, что отныне сословная принадлежность не освобождает от воинского долга[680]. Вопреки опасениям перед «избыточной свободой», в «Московских ведомостях» выступили с не менее горячей поддержкой всесословного призыва. В газете в привлечении образованных классов видели не политическую угрозу государству, а единственное средство поднять умственный и нравственный уровень войск, искоренить унизительный характер прежней рекрутчины и обновить армию[681]. В издании Каткова настойчиво доказывали, что главная практическая выгода реформы заключается именно в притоке интеллигенции (особенно через институт вольноопределяющихся), что должно было обеспечить войска надежным и просвещенным корпусом офицеров[682].

---

[679] См., например, ретроспективные материалы, оценивающие государственное устройство России и соотношение ее военной мощи с отсутствием внутренних свобод: [W. a.] Assassination of the Emperor of Russia // The Daily Telegraph. – 1881, 16 March. (4 марта 1881 г. ст. ст.); [W. a.] Death of the Czar // The Daily Telegraph. – 1894, 2 Nov. (21 октября 1894 г. ст. ст.).

[680] См. например: [Б. а.] [О проектах открытия новых учебных заведений в связи с введением всеобщей воинской повинности] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1874, 17 марта. [Б. а.] [О недостатке земских средств на народное образование в условиях нового устава о воинской повинности] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1874, 14 марта.

[681] О том, что всеобщая повинность должна привлечь в армию образованные классы и тем самым повысить ее нравственные и умственные качества, см. передовую статью: [Б. а.] [В газетах недавно помещено было известие что коммиссия по переустройству французских вооруженных сил, в составе которой, как сообщают, имеется двадцать генералов и адмиралов, единогласно высказалась за установление во Франции всеобщей воинской повинности...] // Московские ведомости. – 1871, 11 июня.

[682] О практической необходимости всеобщей повинности именно для привлечения в армию образованных людей в качестве вольноопределяющихся и будущих офицеров см.: [Б. а.] Говоря об утвержденном в день Нового Года (прилагаемом нами сегодня к нашей газете в виде отдельной брошюры)

Решение перечисленных задач позволило восстановить общую динамику образа реформ Александра II в русской и британской прессе на протяжении изучаемого периода и сопоставить периодизации этих динамик. Анализ позволил выделить три отчетливо разграниченных этапа.

Первый этап (1853–1862) — пора формирующихся ожиданий и первоначального либерального оптимизма. Крымская война нанесла чувствительный удар по образу России как непобедимой военной державы, однако восшествие Александра II и первые признаки реформаторских намерений пробудили в британской прессе осторожные надежды. Отмена крепостного права в 1861 г. стала кульминацией этого периода: реакция лондонских изданий, при всех критических оговорках относительно экономических деталей, была в целом позитивной и сочувственной[683].

Второй этап (1862–1874) — время нараставшей двойственности. Судебная и земская реформы 1864 г. поначалу питали оптимистическую интерпретацию[684], однако польское восстание 1863–1864 гг. нанесло серьезный удар по образу России как «реформирующейся монархии»[685]. Жесткие репрессии против поляков, широко освещавшиеся всеми ведущими британскими газетами, создавали в глазах Запада разительный контраст с

новом уставе воинской повинности, Русский Инвалид с особенным ударением останавливается на той готовности.. // Московские ведомости. – 1874, 10 янв.

[683] См., например, передовые статьи лондонской прессы, выражавшие ранние надежды на либеральный курс Александра II, а также материалы, приветствовавшие обнародование Манифеста об отмене крепостного права: [W. a.] The social and political state of Russia // The Times. – 1858, 6 Jan. (25 декабря 1857 г. ст. ст.); [W. a.] Abolition of Serfdom. Manifesto // The Daily Telegraph. – 1861, 26 March. (14 марта 1861 г. ст. ст.).

[684] См., например, подробные стенограммы заседаний новых органов местного самоуправления и разъяснения новых законов, свидетельствовавшие об активном расширении публичной сферы в России: [Б. а.] [Земское дело. Продолжаем отчет о заседаниях Костромского губернского собрания …] // Санкт-петербургсие Ведомости. – 1865, 24 марта; [Б. а.] [Судебная реформа и вопрос о векселях…] // Санкт-петербургские Ведомости. – 1866, 19 марта.

[685] См., например, возмущение «Московских ведомостей» тем, как лондонские обозреватели, игнорируя великие реформы, заявляли, что события 1863 года якобы «отбросили общественное мнение на целое столетие назад» (thrown public opinion a whole century back): [Б. а.] [Вчерашний № Московских Ведомостей содержит в себе выписку из корреспонденции газеты Daily News...] // Московские ведомости. – 1865, 4–5 сент.

декларируемыми принципами цивилизованного правосудия[686]. К концу 1860-х гг. в лондонских редакциях сложилась устойчивая формула: реформы признавались реальными, но недостаточными; прогресс — неоспоримым, но крайне непоследовательным.

Третий этап (1870-е — 1880-е гг.) — нарастающий скептицизм и предчувствие глубокого государственного кризиса. Военная реформа 1874 г., усиление репрессий против радикального движения, громкие политические процессы конца 1870-х гг.[687], русско-турецкая война и, в особенности, реакционная политика Александра III после 1881 г. окончательно разрушили концепцию «обновляющейся России», которую британская пресса выстраивала на протяжении двух предшествующих десятилетий. "The Manchester Guardian" в середине 1880-х гг. подвела закономерную черту: лондонские обозреватели констатировали, что отказ нового императора от либерального наследия отца и удушение гражданских свобод неизбежно создают в империи почву для катастрофического социального взрыва[688].

Динамика русского инфомарционного поля описывает иную, хотя и параллельную траекторию. В 1861–1865 гг. оба ведущих русских издания разделяли консенсусную поддержку реформ; в 1866–1873 гг. началось критическое переосмысление ее хода, сопровождавшееся нарастающим расхождением между изданиями; к середине 1870-х гг. поляризация между

---

[686] См., например, материалы британской прессы, посвященные подавлению польского мятежа и критике силовых методов империи: [W. a.] The Insurrection in Poland // The Daily Telegraph. – 1863, 17 Feb. (5 февраля 1863 г. ст. ст.); [W. a.] Poland // The Manchester Guardian. – 1863, 4 March. (20 февраля 1863 г. ст. ст.).

[687] О том, какое тягостное впечатление производили политические процессы тех лет на фоне внешнеполитических событий, см. ретроспективный анализ М. Н. Каткова: [Б. а.] [Поразительный контраст: с одной стороны всеобщее патриотическое одушевление народа, с другой — явления, возможные только в стране, объятой революцией! В это время, в Сенате.. происходил знаменитый процесс 193...] // Московские ведомости. – 1882, 2 июня; см. также упоминание о том, что аресты пропагандистов завершились «пресловутым делом о 193»: Московские ведомости. – 1881, 2 апреля.

[688] См., например, материалы британской прессы 1880-х гг., анализирующие откат от либерального курса эпохи Великих реформ и прогнозирующие углубление внутриполитического кризиса: [W. a.] Foreign Telegrams: Russia // The Manchester Guardian. – 1885, 16 Nov. (4 ноября 1885 г. ст. ст.).

«Московскими ведомостями» и «Санкт-Петербургскими ведомостями» достигла предела: единого образа реформ в русском медийном пространстве больше не существовало. Таким образом, русская пресса двигалась от первоначального консенсуса к непримиримой поляризации — зеркальная противоположность британской динамики, шедшей от расхождения к единой формуле «незавершенной революции».

Таблица 16. Периодизация образа России в британской прессе (1856–1885)

Период	Ключевые события в России	The Times	The Manchester Guardian	The Daily Telegraph
1856–1862	Начало реформ, Манифест 1861 г.	Сдержанный оптимизм; сравнение с освобождением рабов	Критический оптимизм; вопрос о реальности крестьянской свободы	Сочувственное освещение; надежды на либерализацию
1862–1870	Польское восстание (1863), Судебная и земская реформы	Двойственность: прогресс на бумаге + репрессии на практике	Усиление критики; акцент на конфликте закона и самодержавия	Интерес к социальным последствиям; внимание к статусу прессы
1870–1874	Военная реформа, обострение Восточного вопроса	Тревога за «европейское равновесие»; признание реформ угрозой	Скептицизм; опасения политизации армии	Нарастающий пессимизм; страх перед массовым призывом
1874–1885	Политическая реакция Александра III	Констатация окончательного провала либерального курса	Прогноз неизбежного государственного и социального кризиса	Образ империи-парадокса (внешняя модернизация при авторитаризме)

Самостоятельного внимания потребовал анализ собственно журналистских механизмов, посредством которых британские издания конструировали образ реформ Александра II: редакционных стратегий, жанрового инструментария, риторических приемов и специфики работы с источниками.

Исследование показало, что все три газеты использовали принципиально разные модели работы с российским материалом, отражавшие

их политический вес, запросы читающей публики и редакционные традиции. "The Times", обладавшая эксклюзивным доступом к дипломатическим каналам Уайтхолла, тяготела к монументальному жанру аналитической передовицы (leading article). Поскольку в 1860-е гг. содержание постоянной сети британских репортеров внутри империи было затруднено из-за цензуры (основной поток новостей шел через телеграфные узлы Берлина и Вены), редакция делала ставку на мощный кабинетный синтез. Сухие факты и переводы российских официальных манифестов перерабатывались в Лондоне в аналитические тексты высочайшего риторического качества, где внутренние события империи рассматривались в широком контексте европейского баланса сил.

"The Manchester Guardian", будучи изданием либерально-нонконформистского круга, отличалась большей идеологической последовательностью в приложении британских конституционных принципов к российской действительности. Ее редакторы и обозреватели чаще других апеллировали к классическим правовым стандартам "habeas corpus", независимости суда, и свободе печати как к универсальным меркам европейского прогресса. Именно поэтому манчестерская газета оказалась наиболее настойчивым критиком разрыва между декларируемыми либеральными принципами российских реформ и их реальным воплощением в условиях самодержавия[689].

В свою очередь, "The Daily Telegraph", рассчитанная на более широкую аудиторию лондонского среднего класса, держалась иной стратегии: вместо сухой кабинетной аналитики газета делала ставку на живые репортажи, эмоциональные очерки и пристальное внимание к частным судьбам конкретных людей — крестьян, военных, подсудимых. Именно на страницах "The Daily Telegraph" в 1877–1878 гг. появился ряд наиболее подробных и

---

[689] См., например, редакционные материалы, анализирующие несоответствие российских политических реалий базовым принципам независимого суда и гражданских свобод: [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1877, 9 Feb. (28 января 1877 г. ст. ст.).

сочувственных репортажей о знаменитом «процессе 193-х», которые привлекли широкое внимание британской публики к тяжелому положению политических заключенных в империи[690].

Принципиально важным является установленный в ходе исследования факт активного обращения всех трех британских изданий к материалам континентальной прессы — в частности, франкоязычной ("Revue des deux Mondes", "Journal des Débats", "L'Indépendance Belge") и немецкоязычной ("Norddeutsche Allgemeine Zeitung", "Neue Freie Presse"), а также к самой российской периодике в качестве важнейшего источника информации. Эта устоявшаяся практика регулярных перепечаток и обмена телеграфными сводками создавала плотное общеевропейское информационное пространство. В результате образ России на страницах лондонских и манчестерских газет конструировался не только на основе прямых наблюдений собственных корреспондентов, но и опосредованно — через призму суждений и оценок, циркулировавших в других европейских столицах[691].

Наконец, сравнительный анализ позиций «Московских ведомостей» и «Санкт-Петербургских ведомостей» с одной стороны, и "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph" — с другой, обнаружила как глубокие точки соприкосновения, так и существенные расхождения в освещении реформ Александра II. Принципиальным выводом является установление того, что, несмотря на различие политических традиций, британские издания демонстрировали поразительное единство в своих базовых политических ориентирах. Все три редакции разделяли убежденность

---

[690] См., например, подробные репортажи лондонской газеты о политических процессах и положении заключенных в России: [W. a.] Russia // The Daily Telegraph. – 1877, 2 Nov. (21 октября 1877 г. ст. ст.); [W. a.] Russia // The Daily Telegraph. – 1878, 12 Feb. (31 января 1878 г. ст. ст.).

[691] См., например, характерную практику британских изданий по обширному цитированию российских официальных и полуофициальных источников (в частности, Journal de St. Pétersbourg и «Московских ведомостей»), а также перепечатке аналитических обзоров из парижской и берлинской прессы в рубриках «Иностранная информация» (Foreign Intelligence).

в универсальности конституционных принципов, независимости суда, свободы печати и представительного правления — и именно через призму этих институтов оценивали российские преобразования.

Диссертационное исследование вносит ряд существенных вкладов в науку о журналистике и медиатехнологиях в историческом измерении:

Во-первых, работа впервые в отечественной и зарубежной историографии проводит систематический сравнительный разбор пяти ведущих изданий — «Московских ведомостей», «Санкт-Петербургских ведомостей», "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph" применительно к российским реформам 1856–1874 гг., делая это на основе полного корпуса публикаций, а не избирательного цитирования. Масштаб источниковой базы в несколько сотен оригинальных текстов обоих национальных традиций дает основания утверждать, что полученные выводы о динамике восприятия реформ в русском и британском медийных полях носят репрезентативный характер.

Во-вторых, в исследовании предложена и апробирована оригинальная методология анализа медиаобраза иностранного государства, совмещающая риторический анализ редакционных текстов, реконструкцию институционального контекста изданий и учет дипломатической конъюнктуры. Эта методология пригодна для изучения образа России в современных зарубежных медиа, что открывает одно из перспективных направлений для продолжения исследования.

В-третьих, работа вводит в научный оборот значительный массив первичных источников — оригинальных публикаций британских изданий, прежде не привлекавшихся отечественной историографией в полном объеме. Это расширяет источниковую базу как истории российской журналистики, так и истории британско-российских отношений XIX века.

В-четвертых, исследование показывает эвристическую ценность зарубежной прессы как источника по российской истории: британские журналисты нередко улавливали противоречия и тенденции, которые

российская пресса в условиях цензуры не могла обсуждать открыто. Взгляд «извне» позволяет разглядеть то, что взгляд «изнутри» неизбежно упускает или сознательно обходит стороной.

В-пятых, работа убедительно показывает, что проблема «рецепции реформ» отнюдь не является сугубо исторической: механизмы формирования образа государства в зарубежных медиа, выявленные на основе материала XIX века, воспроизводятся — пусть и в изменившихся технологических условиях — в современных медиасистемах. Это превращает историко-медийный анализ в инструмент не только исторического, но и актуального медиаисследования.

Практическая значимость диссертации определяется несколькими направлениями применения: материалы работы могут быть использованы в образовательном процессе на факультетах журналистики и медиакоммуникаций — в курсах истории зарубежной журналистики, медиаанализа, истории российско-британских отношений. Разработанная методология анализа медиаобраза иностранного государства применима в учебных дисциплинах по медиаисследованиям и политической коммуникации.

Исследование представляет интерес для специалистов в области дипломатии и международных отношений: понимание исторических механизмов формирования образа России в ведущих британских изданиях позволяет лучше осмыслить современные паттерны освещения российской политики в западных медиа. Выявленные устойчивые концептуальные рамки — «реформирующаяся, но незавершенная Россия», «модернизирующаяся внешне, авторитарная по существу» — обнаруживают поразительную устойчивость и сохраняют объяснительную силу применительно к современному дискурсу.

Архивные материалы и систематизированные данные о публикациях трех изданий могут быть использованы будущими исследователями как самостоятельная база данных для дальнейших углубленных исследований отдельных аспектов темы.

Вместе с тем диссертация имеет ряд ограничений:

Прежде всего, исследование сосредоточено на трех изданиях и не претендует на исчерпывающее представление обо всем спектре британской прессы. Включение провинциальных изданий, специализированной периодики, а также изданий, ориентированных на нонконформистские религиозные общины или рабочее движение, могло бы скорректировать ряд выводов.

Кроме того, работа с оригинальными текстами на английском языке накладывает определенные герменевтические ограничения: тонкости викторианского публицистического дискурса, говорившие о многом британскому читателю XIX века, могут остаться непрозрачными для исследователя, подходящего к этим текстам из иной культурно-исторической позиции.

Наконец, исследование ограничено хронологически 1856–1874 гг.: период «контрреформ» Александра III, не менее важный с точки зрения динамики образа России в британской прессе, остался за пределами основного анализа и затрагивался лишь в ретроспективном контексте. Это ограничение само по себе намечает один из перспективных путей продолжения работы.

Проведенное исследование открывает ряд значимых перспектив:

Расширение хронологических рамок: продолжение анализа вплоть до 1905–1907 гг. позволило бы проследить, насколько прогнозы британской прессы о неизбежном кризисе самодержавной системы совпали с реальным ходом событий Первой русской революции. Подобное исследование дало бы возможность проверить «предсказательную» ценность медиаанализа как инструмента политического прогнозирования.

Расширение географии: сравнительное исследование, включающее французскую, немецкую и австро-венгерскую прессу применительно к тем же реформам Александра II, позволило бы установить, в какой мере выявленные в настоящей работе интерпретационные рамки являются специфически британскими, а в какой — общеевропейскими.

Рецептивная сторона: перспективным направлением является исследование того, как русские дипломаты, чиновники и общественные деятели воспринимали британскую прессу о России и реагировали на нее — в официальной переписке, частных письмах, публицистике. Это позволило бы замкнуть коммуникативный контур и создать более полную картину медиадипломатического взаимодействия двух стран в XIX веке.

Цифровые методы: создание оцифрованного корпуса публикаций трех изданий о России за 1856–1874 гг. и применение методов компьютерной лингвистики — тематического моделирования, анализа тональности, исследования словарных паттернов — открыло бы новые аналитические возможности, недоступные при традиционном историко-критическом подходе.

Современный контекст. Наиболее перспективным продолжением исследования видится сравнительный анализ того, как ведущие британские издания — "The Times", "The Manchester Guardian" и "The Daily Telegraph" — освещают Россию сегодня, в сопоставлении с выявленными историческими паттернами. Гипотеза о структурной устойчивости концептуальных рамок восприятия России в британской медиасистеме выглядит достаточно обоснованной, однако нуждается в специальном эмпирическом подтверждении.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие итоговые выводы:

Первое. В период 1856–1874 гг. британская качественная пресса выработала устойчивый и внутренне последовательный образ реформ Александра II, в котором признание их исторической значимости неизменно соседствовало с глубоким скептицизмом относительно их полноты и необратимости. Этот образ не был ни откровенно апологетическим, ни слепо враждебным: он отражал закономерную попытку приложить к российским реалиям те базовые политические критерии, которые викторианское общество полагало универсальной мерой цивилизованности.

Отечественная периодика, напротив, конструировала принципиально иную картину событий — взгляд изнутри реформируемой империи. Умеренно-либеральные «Санкт-Петербургские ведомости» отстаивали идеалы общественного обновления, тогда как «Московские ведомости» продвигали концепцию государственной консолидации. Однако, вопреки расхожим стереотипам, газета Каткова не страшилась свободы, а видела в ней самое надежное охранительное начало. Принципиальное расхождение между британской и российской консервативной мыслью ярче всего проявилось в фундаментальном итоге: если для лондонских изданий преобразования казались незавершенными именно из-за сохранения самодержавного аппарата, то для «Московских ведомостей» незыблемость исторической верховной власти являлась главным источником реформ и единственным залогом их успешного развития.

Второе. Несмотря на ощутимые различия в расстановке акцентов, риторических приемах и политическом статусе трех изданий, качественная британская пресса разделяла единые базовые политические ориентиры. Российские реформы неизменно оценивались лондонскими и манчестерскими обозревателями по степени их приближения к идеалу свободных институтов — с по-настоящему независимым судом, неподцензурной печатью и представительным правлением. Именно эта универсальная английская система координат делала британскую печать столь последовательно критичной по отношению к любым преобразованиям Александра II, которые останавливались на полпути и не получали своего полного практического воплощения в государственном аппарате империи.

Третье. Образ России как государства «незавершенных преобразований» — державы, поспешно перенявшей лишь внешнюю форму западных институтов, но неспособной усвоить их подлинный дух и правовую суть, — приобрел колоссальную устойчивость и в различных вариациях воспроизводился в британской публицистике и политической мысли о России на протяжении всего последующего столетия.

Четвертое. Исследование подтверждает продуктивность медиаисторического подхода к изучению международных образов государств: пресса не просто отражает дипломатические реалии, но активно участвует в их конструировании, создавая концептуальные рамки, в которых политики, дипломаты и общество воспринимают и интерпретируют события.

Пятое. Сопоставление редакционных подходов пяти изданий применительно к одним и тем же историческим событиям показывает, что формируемый прессой образ реформ тесно связан с идеологической позицией конкретной газеты. Британская пресса, оценивая преобразования по критериям свободных институтов, систематически фиксировала их «незавершенность». Русская консервативная печать, оценивая те же реформы сквозь призму государственной стабильности и национального единства, напротив, видела в них не опасную «избыточность» свободы, а мощный охранительный элемент, неизменно предупреждая лишь против подрыва государственных устоев ложным либерализмом. Одно и то же историческое событие преломлялось в двух совершенно несовместимых системах политических координат, порождая принципиально различные интерпретации. Это фундаментальный вывод, методологическое значение которого выходит далеко за пределы темы настоящего исследования.

Шестое. Проведенный анализ убедительно демонстрирует, что британские публицисты XIX века нередко обнаруживали поразительно глубокое — и во многом безошибочное — понимание фундаментальных изъянов российских преобразований. Их тревожные прогнозы о неизбежности государственного кризиса, об обреченности реформ, не подкрепленных свободными институтами, и о неминуемой политической реакции — все эти предвидения сбылись с пугающей исторической точностью.

Седьмое. Настоящее исследование вносит вклад не только в историю журналистики, но и в более широкую дискуссию о роли медиа в формировании международного общественного мнения — дискуссию, которая в условиях современного глобального медиапространства приобрела

особую остроту. Изучение исторических прецедентов медиаконструирования образа иностранного государства предоставляет аналитический инструментарий для понимания современных медиапроцессов — и в этом смысле прошлое остается актуальным.

Восьмое. Сравнительный анализ русской и британской периодической печати позволяет подтвердить центральную гипотезу исследования: пресса двух стран действительно породила две принципиально различные интерпретации Великих реформ. Отечественная журналистика выстраивала концепцию легитимации — взгляд изнутри реформируемой системы, в котором преобразования рассматривались как исторически необходимый шаг для сохранения государственности. Британская пресса, напротив, предлагала последовательно критический подход — оценку стороннего наблюдателя, примерявшего к реформам критерии свободных институтов и неизменно констатировавшего их «незавершенность» ввиду сохранения самодержавного аппарата.

Поразительно, но обе эти публицистические традиции предсказывали неизбежный кризис империи: британский либеральный взгляд сулил взрыв из-за нехватки политических свобод, а русский консервативный — из-за опасного избытка «преждевременной воли». События 1905–1907 и 1917 гг. исторически подтвердили оба прогноза в фактах, так и не рассудив их в объяснениях.

Таким образом, цель настоящего исследования — выявить и проанализировать различия в специфике восприятия и интерпретации Великих реформ Александра II (1856–1874) в газетной прессе Российской империи и Великобритании — следует считать достигнутой. Проведенный анализ позволил установить, что принципиальные различия в восприятии реформ определялись не только цензурными ограничениями и структурой источниковой базы, но и фундаментально различными системами политических координат: русская пресса оценивала преобразования изнутри реформируемой системы — через призму государственной стабильности и легитимации власти, — тогда как британская действовала как внешний

наблюдатель, последовательно примерявший к реформам критерии свободных институтов и конституционного правления. Именно это различие оптик предопределило несводимость двух интерпретационных традиций и сохраняет объяснительный потенциал применительно к современным дискуссиям о роли медиа в осмыслении государственных преобразований.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Источники

1. Манифест «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» от 19 февраля 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание 2-е. – Т. XXXVI. – № 36650.

2. Манифест от 1 января 1874 г. о введении всеобщей воинской повинности // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание 2-е. – Т. XLIX. – Отд. 1. – № 52982.

3. Именной указ, данный Сенату, от 6 апреля 1865 г. «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати» // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание 2-е. – Т. XL. – Отд. 1. – № 41988. СПб., 1867.

4. Временные правила о цензуре и печати // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание 2-е. – Т. XL. – Отд. 1. – № 41988. СПб., 1867.

5. Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание 2-е. – Т. XXXIX. – № 40457.

6. Судебные уставы от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание 2-е. – Т. XXXIX. – № 41473–41476.

7. Устав о воинской повинности от 1 января 1874 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание 2-е. – Т. XLIX. – № 52983.

8. Положение о земских участковых начальниках от 12 июля 1889 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание 3-е. – Т. IX. – № 6196.

9. Высочайшее повеление, объявленное Государственным секретарем. Распоряжение 16 января 1858 года (Дело 1858 г., № 4) // Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. – СПб. : тип. Морского министерства, 1862. – С. 428.

10. Рескрипт Александра II виленскому, гродненскому и ковенскому военному генерал-губернатору В.И. Назимову от 20 ноября 1857 г. // Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости. СПб., 1861. – Т. 1. – С. 1–4.

11. [Б. а.] Манифест 26 августа 1856 г. об амнистии политическим ссыльным // Московские ведомости. – 1856, 28 авг.

12. [Б. а.] Передовая статья о крестьянском вопросе // Московские ведомости. – 1858, 18 апр.

13. [Б. а.] Публикация Манифеста об освобождении крестьян // Московские ведомости. – 1861, 6 мар.

14. [Б. а.] [Проект положения о губернских и уездных земских учреждениях..] // Московские ведомости. – 1863, 22 марта.

15. [Б. а.] [В №.. Московских ведомостей, напечатаны всеподданнейшие письма из Москвы..] // Московские ведомости. – 1863, 18 апр.

16. [Б. а.] [Известия, принесенные последнею заграничною почтою..] // Московские ведомости. – 1863, 19 июл.

17. [Б. а.] [Кому выгоднее длить переговоры и выгадывать время..] // Московские ведомости. – 1863, 19 июл.

18. [Б. а.] [Посредничество правительства при выкупе крестьянами их надела …] // Московские ведомости. – 1863, 23 ноя.

19. [Б. а.] Условия плодотворности реформ // Московские ведомости. – 1863, 31 дек.

20. [Б. а.] [Мы сделаем петербургским газетам для нового года маленькое удовольствие..] // Московские ведомости. – 1864, 1 янв.

21. [Б. а.] Несостоятельность и вред полуофициальных изданий // Московские ведомости. – 1864, 4 янв.

22. [Б. а.] Задача национального духа в 1863 году. Сила общественного мнения // Московские ведомости. – 1864, 11 янв.

23. [Б. а.] По поводу указа о введении в действие новых земских учреждений // Московские ведомости. – 1864, 11 Янв.

24. [Б. а.] [Земская управа или мировой съезд? Так спрашивали себя, конечно, весьма многие] // Московские ведомости. – 1864, 13 Янв.

25. [Б. а.] О слиянии земских управ с мировыми съездами // Московские ведомости. – 1864, 13 янв.

26. [Б. а.] Закон 1-го января имеет особенную важность не столько по тем специальным] // Московские ведомости. – 1864, 14 Янв.

27. [Б. а.] О призвании духовенства к участию в земских делах // Московские ведомости. – 1864, 14 янв.

28. [Б. а.] [Г. Воловский, известный экономист, поместил недавно в Revue des deux Mondes..] // Московские ведомости. – 1864, 25 янв.

29. [Б. а.] Что такое неотчуждаемость недвижимой собственности? Что это такое, свобода или стеснение свободы? // Московские ведомости. – 1864, 4 февр.

30. [Б. а.] [Неужели же должны мы признать дефицит за condicio sine qua non в жизни Русского государства..] // Московские ведомости. – 1864, 24 февр.

31. [Б. а.] К вопросу о консолидации кредитных билетов по плану гр. Шувалова // Московские ведомости. – 1864, 3 мар.

32. [Б. а.] [Теперь, когда нам предстоит коренная реформа в нашем судоустройстве] // Московские ведомости. – 1864, 26 мар.

33. [Б. а.] Условия успешности местного самоуправления // Московские ведомости. – 1864, 27 мар.

34. [Б. а.] [Быть или не быть у нас самоуправлению, это в настоящее время зависит] // Московские ведомости. – 1864, 30 марта.

35. [Б. а.] Кому и на каком основании будет даваться у нас звание мировых судей // Московские ведомости. – 1864, 31 мар.

36. Катков, М.Н. Возражение на статью Самарина и Кошелева в газете «День» по вопросу об общинном землевладении и круговой поруке // Московские ведомости. – 1864, 3 апр.

37. [Б. а.] [Не одна петербургская печать, но точно так же и московская посвящают нам свои досуги. Газета «День» почти в каждом номере хлопочет и о наших мнениях..] // Московские ведомости. – 1864, 4 апр.

38. [Б. а.] [Словесное делопроизводство, вот главная характерическая черта новопроектированной формы суда] // Московские ведомости. – 1864, 15 апр.

39. [Б. а.] [Обнародованный на днях отчет военного министра..] // Московские ведомости. – 1864, 11 мая.

40. [Б. а.] Вопрос о всесословной воинской повинности в разработке комиссии для пересмотра рекрутского устава // Московские ведомости. – 1864, 12 мая.

41. [Б. а.] [Усмотреть недостаток существующего порядка..] // Московские ведомости. – 1864, 12 мая.

42. [Б. а.] Пример несостоятельности и вреда полуофициальных изданий // Московские ведомости. – 1864, 27 мая.

43. [Б. а.] [В официальном отделе № 224 Северной Почты напечатана..] // Московские ведомости. – 1864, 24 окт.

44. [Б. а.] [В Indépendance belge, от 10-го января, снова появилось одно из тех диковинных..] // Московские ведомости. – 1865, 14 янв.

45. [Б. а.] [Мы очень хорошо знаем, что не эти господа пожелают продолжения…] // Московские ведомости. – 1865, 15 янв.

46. [Б. а.] Важность выбора «местных» лиц, принцип безземности в земской службе и сближении сословий // Московские ведомости. – 1865, 17 фев.

47. [Б. а.] Результаты земских выборов. Значение безземности в земской службе в виду преобладания в ней крестьянского элемента // Московские ведомости. – 1865, 19 мар.

48. [Б. а.] [8-го марта, как извещалось в нашей газете, последовало торжественное] // Московские ведомости. – 1865, 20 Мар.

49. [Б. а.] [В вопросе о законных обеспечениях печати, речь, конечно] // Московские ведомости. – 1865, 22 марта.

50. [Б. а.] [А признаемся откровенно, при каждом новом известии о ходе этого дела…] // Московские ведомости. – 1865, 24 Мар.

51. [Б. а.] [Мы указывали уже на возможность облегчить службу в управах избранием…] // Московские ведомости. – 1865, 30 Мар.

52. [Б. а.] Начало словесного суда — самое существенное начало новых уставов // Московские ведомости. – 1865, 15 апр.

53. [Б. а.] [Словесное делопроизводство, вот главная характерическая черта новопроектированной формы суда] // Московские ведомости. – 1865, 15 апрел.

54. [Б. а.] [Сознавая решительную невозможность повсеместного одновременного введения] // Московские ведомости. – 1865, 22 апр.

55. [Б. а.] Необходимость усиления элемента крупного землевладения. Недостаточность существующей земской организации для борьбы с пожарами и необходимость скорейшего введения мирового суда // Московские ведомости. – 1865, 29 мая.

56. [Б. а.] [Публичный полевой военный суд, происходивший здесь третьего дня] // Московские ведомости. – 1865, 23 авг.

57. [Б. а.] Первым словом освобожденной печати да будет слово хвалы // Московские ведомости. – 1865, 3 сент.

58. [Б. а.] [Первым словом освобожденной печати да будет слово хвалы и благодарения Монарху..] // Московские ведомости. – 1865, 3 сент.

59. [Б. а.] [Вчерашний № Московских Ведомостей содержит в себе выписку из корреспонденции газеты Daily News..] // Московские ведомости. – 1865, 4–5 сент.

60. [Б. а.] Судьба народного просвещения в России // Московские ведомости. – 1865, 4 сен.

61. [Б. а.] [Северная Почта, со свойственным официальной газете лаконизмом..] // Московские ведомости. – 1865, 25 сент.

62. [Б. а.] [Мы должны протестовать не только против этого неуместного сопоставления, но и против извращения истины, которое по этому поводу дозволяет себе Рижская Газета. Она не имела права говорить..] // Московские ведомости. – 1866, 10 янв.

63. [Б. а.] Переход государственных крестьян в ведение губернских и земских учреждений // Московские ведомости. – 1866, 21 фев.

64. [Б. а.] [Пока мы находились в отчаянном положении, не зная во что верить…] // Московские ведомости. – 1866, 31 мар.

65. [Б. а.] Объяснение с Главным управлением по делам печати // Московские ведомости. – 1866, 16 апр.

66. [Б. а.] [В конце прошлого марта, над Московскими ведомостями разразились удары..] // Московские ведомости. – 1866, 19 апр.

67. [Б. а.] [Тревога и волнения последних дней были так велики] // Московские ведомости. – 1866, 22 апр.

68. [Б. а.] От издателей. [Новый устав о печати принадлежит беспорно…] // Московские ведомости. – 1866, 24 июня.

69. [Б. а.] [Новооткрытый мировой суд приобретает все более и более популярности] // Московские ведомости. – 1866, 4 июля.

70. [Б. а.] Определение выражений «мировой суд» и «мировой судья». Случай из практики мировых судов, послуживший органу «Отголоски русской печати» предлогом глумления над этим учреждением // Московские ведомости. – 1866, 4 июл.

71. [Б. а.] [Независимость суда от администрации. Мировая юстиция] // Московские ведомости. – 1866, 25 июля.

72. [Б. а.] Независимость суда от администрации. Мировая юстиция. Почему мировые судьи работают не от имени Его Величества. Распоряжение министра юстиции о зеркалах и мундирах // Московские ведомости. – 1866, 25 июл.

73. [Б. а.] [Какое положение должно быть принято русским общественным мнением..] // Московские ведомости. – 1866, 29 июля.

74. [Б. а.] [Можно сказать, что при современном состоянии военного искусства оборонительную силу государства образуют…] // Московские ведомости. – 1867, 18 дек.

75. [Б. а.] Передвижение населения // Московские ведомости. – 1868, 22 янв.

76. [Б. а.] [За несколько дней пред сим в Северной Почте (от 22-го февраля) появилась заметка…] // Московские ведомости. – 1868, 29 фев.

77. [Б. а.] Указ 13-го июня 1867 года о порядке печатания постановлений и отчетов земских собраний // Московские ведомости. – 1868, 29 фев.

78. [Б. а.] Передвижение населения // Московские ведомости. – 1868, 27 апр.

79. [Б. а.] Общественные запашки // Московские ведомости. – 1868, 2 сен.

80. [Б. а.] [Одно из главных мест в ряду наших преобразований занимает, конечно, новая организация…] // Московские ведомости. – 1868, 30 октября.

81. [Б. а.] [Партия, имеющая своим органом газету Весть, достаточно обнаружила свой характер…] // Московские ведомости. – 1868, 30 Окт.

82. [Б. а.] [Мм. гг., на днях мы прочли в NN 122 и 127 газеты Весть две передовые статьи] // Московские ведомости. – 1868, 16 ноября.

83. [Б. а.] [В сегодняшней Современной Летописи мы печатаем..] // Московские ведомости. – 1869, 18 янв.

84. [Б. а.] Успехи производительности и торговли после реформы 1861 года и следовавших за ней // Московские ведомости. – 1869, 5 мая.

85. [Б. а.] [Нельзя не жалеть что сведения о земских учреждениях, вследствие особо-установленных…] // Московские ведомости. – 1869, 10 июня.

86. [Б. а.] Судебное преследование издателя газеты «Киевлянин» // Московские ведомости. – 1869, 5 сен.

87. [Б. а.] Способ обеспечения исправного поступления вновь проектируемых налогов. Вред круговой поруки // Московские ведомости. – 1869, 6 ноя.

88. [Б. а.] Отношения губернской администрации к местному самоуправлению // Московские ведомости. – 1870, 16 янв.

89. [Б. а.] Удивительно, что все это говорится как будто против нас и людей нам единомышленных // Московские ведомости. – 1870, 18 янв.

90. [Б. а.] О городских общественных банках, свободной банковской конкуренции и проектированных земских банках // Московские ведомости. – 1870, 22 янв.

91. [Б. а.] Отношения губернской администрации к местному самоуправлению // Московские ведомости. – 1870, 5 фев.

92. [Б. а.] [Мы не будем говорить потом, насколько справедлив приговор суда относительно этих рабочих Невской мануфактуры.. Мы не сторонники мудрого правила "laissez faire, laissez passer"..] // Московские ведомости. – 1870, 7 февр.

93. [Б. а.] К вопросу о предстоящем окончании деятельности мировых судей // Московские ведомости. – 1870, 12 мар.

94. [Б. а.] Ведомость о выкупной операции // Московские ведомости. – 1870, 27 апр.

95. [Б. а.] [Всякие догадки и предположения..] // Московские ведомости. – 1870, 4 июля.

96. [Б. а.] [Военные силы Франции за последние три года получили громадное развитие] // Московские ведомости. – 1870, 12 июля.

97. [Б. а.] [Тотчас после первых успехов..] // Московские ведомости. – 1870, 19 авг.

98. [Б. а.] [Нам сообщают, что из юго-западных губерний представлены.. Земские учреждения.. не оставляют за своими дверьми никого..

подобно прежнему французскому представительному цензу, именовавшемуся легальным земством, le pays légal..] // Московские ведомости. – 1870, 2 октября.

99. [Б. а.] Значение привлечения земства к обсуждению проектов реформы подушных налогов // Московские ведомости. – 1870, 26 окт.

100. [Б. а.] [Работам по реформе подушных налогов дано направление какого еще] // Московские ведомости. – 1870, 26 окт.

101. [Б. а.] [В наше время много говорят о разоружении..] // Московские ведомости. – 1870, 4 ноября.

102. [Б. а.] [В прошлом году, при внезапности с которою была объявлена война, Пруссия впервые вдруг поставила всю свою армию на военное положение..] [о превосходстве прусской кадровой системы, Ersatz-Reserve и причинах поражения французской национальной гвардии из-за отсутствия хороших кадров, с цитатой из Монтеня] // Московские ведомости. – 1871, 22 янв.

103. [Б. а.] [В одной из последних тетрадей английского Полишинеля (Punch), на картинке, имеющей подпись vae victis..] // Московские ведомости. – 1871, 9 марта.

104. [Б. а.] [Вчера мы поспешили передать нашим читателям..] // Московские ведомости. – 1871, 15 марта.

105. [Б. а.] [В видах разъяснения такого рода затруднений ко введению общей…] // Московские ведомости. – 1871, 11 мая.

106. [Б. а.] [Напечатанный в нескольких №№ Правительственного Вестника необычайно подробный устав..] // Московские ведомости. – 1871, 8 июня.

107. [Б. а.] [В газетах недавно помещено было известие что коммиссия по переустройству французских вооруженных сил, в составе которой, как сообщают, имеется двадцать генералов и адмиралов, единогласно высказалась за установление во Франции всеобщей воинской повинности..] // Московские ведомости. – 1871, 11 июня.

108. [Б. а.] Заявление московской земской комиссии о необходимости поставить крестьян под охрану мирового суда. Недостатки волостных судов. Вопрос о телесных наказаниях для крестьянства // Московские ведомости. – 1871, 26 июн.

109. [Б. а.] [В тяжелые годины борьбы нашего отечества..] // Московские ведомости. – 1871, 10 ноября.

110. [Б. а.] [В прошедшем году, как известно, произведены были опыты…] // Московские ведомости. – 1872, 28 авг.

111. [Б. а.] Полемика с «Русским инвалидом» по поводу призыва отпускных // Московские ведомости. – 1872, 21 сен.

112. [Б. а.] [В Новостях Вечернего Издания, воспроизведено известие Русского Инвалида] // Московские ведомости. – 1872, 30 сент.

113. [Б. а.] Английская печать о переговорах между Англиею и Россией по среднеазиатским делам. Искусственная агитация общественного мнения в Англии [о панике в Лондоне из-за продвижения к Хиве] // Московские ведомости. – 1873, 29 янв.

114. [Б. а.] [Она заключает в себе две различные..] // Московские ведомости. – 1873, 13 июня.

115. [Б. а.] Несколько замечаний по поводу указаний комиссии о положении сельского хозяйства и сельской промышленности // Московские ведомости. – 1873, 25 июн.

116. [Б. а.] [Военный факт минувшего года, Хивинская экспедиция, прежде всего напоминает…] // Московские ведомости. – 1874, 3 янв.

117. [Б. а.] Новое положение о воинской повинности и предполагаемые преобразования по военному ведомству [о новом военном законе и балансе вооруженных сил в Европе] // Московские ведомости. – 1874, 9 янв.

118. [Б. а.] Говоря об утвержденном в день Нового Года (прилагаемом нами сегодня к нашей газете в виде отдельной брошюры) новом уставе воинской повинности, Русский Инвалид с особенным ударением останавливается на той готовности // Московские ведомости. – 1874, 10 янв.

119. [Б. а.] [Облегчение кассационного суда от чрезмерного накопления дел] // Московские ведомости. – 1874, 17 янв.

120. [Б. а.] Сопоставление ведомости о положении выкупной операции по 1-е февраля 1874 года и ведомости о земских расходах за 1869–1871 гг. Вопрос об управлении мировых посредников // Московские ведомости. – 1874, 21 фев.

121. [Б. а.] [В февральской книжке Журнала Министерства Народного Просвещения…] // Московские ведомости. – 1874, 9 марта.

122. [Б. а.] [В английской печати то и дело поднимается речь..] // Московские ведомости. – 1874, 25 мая.

123. [Б. а.] Упразднение должности мировых посредников // Московские ведомости. – 1874, 10 авг.

124. [Б. а.] Военно-конская повинность и проект ее применения по брошюре ген. Гребенщикова // Московские ведомости. – 1874, 17 авг.

125. [Б. а.] [С небольшим через два месяца, с 1-го ноября текущего года…] // Московские ведомости. – 1874, 24 авг.

126. [Б. а.] Неурядица и безразличие в нашем сельском быту // Московские ведомости. – 1874, 16 окт.

127. [Б. а.] [Прошлый год, — двадцатый нынешнего благополучного царствования…] // Московские ведомости. – 1875, 3 янв.

128. [Б. а.] [Полный успех в истекшем году первого призыва к исполнению всеобщей воинской повинности..] // Московские ведомости. – 1875, 4 янв.

129. [Б. а.] Комиссия стат-секретаря П.А. Валуева. Статья И.В. Кристи: «Голос сельского хозяина о рабочем вопросе» и г. Ковано «Заметка по вопросу о найме сельских рабочих и служителей» // Московские ведомости. – 1875, 14 фев.

130. [Б. а.] Община как тормоз к улучшению крестьянского быта. Благостное значение циркуляра о порядке вызова на родину крестьян, находящихся в отлучке по паспортам // Московские ведомости. – 1875, 11 июл.

131. [Б. а.] [Новое германское судоустройство, введенное в действие с 1 октября] // Московские ведомости. – 1875, 3 октября.

132. [Б. а.] [Военные силы и боевая готовность России по данным последней войны..] // Московские ведомости. – 1879, 14 янв.

133. [Б. а.] [Б. а. [В № 10 нашей газеты была воспроизведена интересная статья…] // Московские ведомости. – 1879, 16 янв.

134. [Б. а.] [Франция находится быть-может накануне кризиса…] // Московские ведомости. – 1879, 17 янв.

135. [Б. а.] [Был суд. Судили в Тифлисе, в Судебной Палате] // Московские ведомости. – 1879, 26 июня.

136. [Б. а.] [Россия в наступающем году будет праздновать двадцатипятилетие нынешнего славного царствования..] // Московские ведомости. – 1879, 17 дек.

137. [Б. а.] [В № 33 Правительственного Вестника опубликован обычный «Краткий отчет»…] // Московские ведомости. – 1880, 11 фев.

138. [Б. а.] Результаты дознания о взрыве в Зимнем дворце // Московские ведомости. – 1880, 11 фев.

139. [Б. а.] [Совершилось двадцатипятилетие славного царствования…] // Московские ведомости. – 1880, 18 фев.

140. [Б. а.] Несколько слов по поводу статьи П. В. «Крестьянское дело и его современная постановка» // Московские ведомости. – 1880, 4 сен.

141. [Б. а.] Несколько слов по поводу статьи П. В. «Крестьянское дело и его современная постановка» (продолжение) // Московские ведомости. – 1880, 9 сент.

142. [Б. а.] [Петербургские газеты сообщают, что в административных сферах рассматривается теперь вопрос..] // Московские ведомости. – 1880, 3 нояб.

143. [Б. а.] [Предполагаемая реформа Военного министерства..] // Московские ведомости. – 1880, 1 дек.

144. [Б. а.] Причина объединения крестьян заключается не в малом наделе, а в недостатке эксплуатации земли // Московские ведомости. – 1881, 14 янв.

145. [Б. а.] По поводу обвинения редактора «Московских ведомостей» в его сношениях с высокопоставленными лицами и об аренде недоимки // Московские ведомости. – 1881, 28 фев.

146. [Б. а.] [Выход в отставку графа Д. А. Милютина..] // Московские ведомости. – 1881, 25 мая.

147. [Б. а.] Наши переселенцы на Амуре // Московские ведомости. – 1881, 12 июн.

148. [Б. а.] Наши переселенцы // Московские ведомости. – 1881, 11 июл.

149. [Б. а.] Об обязательном выкупе наделов крестьянами // Московские ведомости. – 1881, 19 ноя.

150. [Б. а.] Неопределенность оснований обязательного выкупа // Московские ведомости. – 1881, 25 ноя.

151. [Б. а.] [По печати сделано распоряжение не говорить ничего ни в пользу, ни против созыва земского собора..] // Московские ведомости. – 1882, 22 мая.

152. [Б. а.] Что такое наши земские соборы // Московские ведомости. – 1882, 22 мая.

153. [Б. а.] [Поразительный контраст: с одной стороны всеобщее патриотическое одушевление народа, с другой — явления, возможные только в стране, объятой революцией! В это время, в Сенате. происходил знаменитый процесс 193..] // Московские ведомости. – 1882, 2 июня.

154. [Б. а.] [1882 год прошел, а очередные губернские земские собрания, которые должны созываться не позже декабря..] // Московские ведомости. – 1883, 17 янв.

155. [Б. а.] Недостатки нашего устава гражданского судопроизводства // Московские ведомости. – 1883, 1 июл.

156. [Б. а.] Столетняя годовщина дворянской грамоты. Статья «Московских ведомостей» о розни между дворянством и крестьянством в 1863 году // Московские ведомости. – 1885, 20 апр.

157. [Б. а.] [«Слабость России», явствующая из произведений английских «джентльменов печати»..] // Московские ведомости. – 1885, 16 авг.

158. [Б. а.] Петербургская летопись // Санкт-Петербургские ведомости. – 1856, 18 марта.

159. [Б. а.] Высочайший манифест // Санкт-Петербургские ведомости. – 1856, 21 марта.

160. [Б. а.] О крестьянском вопросе // Санкт-Петербургские ведомости. – 1857, 2 янв.

161. [Б. а.] Высочайший рескрипт Виленскому военному, гродненскому и ковенскому генерал-губернатору // Санкт-Петербургские ведомости. – 1857, 17 дек.

162. [Б. а.] Петербургская летопись // Санкт-Петербургские ведомости. – 1858, 9 дек.

163. [Б. а.] [Англия. Обзор политической повестки и британской прессы: мнения газет «Times» и др..] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1860, 19 октября.

164. [Б. а.] [О деятельности Редакционных комиссий по крестьянскому делу …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 7 февр.

165. [Б. а.] [О ходе подготовки крестьянской реформы …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 16 февр.

166. [Б. а.] [О последних приготовлениях к обнародованию Манифеста …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 21 февр.

167. [Б. а.] [Телеграммы из губерний о всенародном ликовании по случаю обнародования Манифеста …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 6 марта.

168. [Б. а.] Телеграммы из губерний о всенародном ликовании (продолжение) // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 7 марта.

169. [Б. а.] [Телеграммы из губерний о всенародном ликовании (продолжение) …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 8 марта.

170. [Б. а.] [Об оглашении Манифеста и благоговейном поведении народа …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 10 марта.

171. [Б. а.] [Описание сцены оглашения Манифеста в церкви …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 15 марта.

172. [Б. а.] [О символизме реформы и роли Императора-Освободителя …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 17 марта.

173. [Б. а.] [О росте воскресных школ и общественной инициативы в духе преобразований …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 15 мая.

174. [Б. а.] [О юридических казусах и конфликтах в губернских присутствиях по крестьянским делам …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 21 сент.

175. [Б. а.] [О действиях помещика Остолопова в Ярославской губернии и противоречии его уставной грамоты «Положению» …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861, 12 дек.

176. [Б. а.] О ходе выкупной операции и финансовых отчетах // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 4 марта.

177. [Б. а.] О борьбе против принципа неотчуждаемости крестьянских наделов // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 6 марта.

178. [Б. а.] О дискриминационном положении государственных крестьян // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 7 марта.

179. [Б. а.] [Земское дело. О ходе земского дела в Самарской губернии..] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 8 марта.

180. [Б. а.] О свободе передвижения крестьян и критике общинных ограничений // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 8 марта.

181. [Б. а.] [Земское дело. Об открытии костромского губернского земского собрания..] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 24 марта.

182. [Б. а.] Земское дело. Продолжаем отчет о заседаниях Костромского губернского собрания // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 24 марта.

183. [Б. а.] Земское дело в Ярославской губернии. Корреспонденция «Спб. Ведомостей» // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 25 апрел.

184. [Б. а.] [Крепостная зависимость наша от цензуры, от личной воли и личного усмотрения постороннего лица — кончилась …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 4 сент.

185. [Б. а.] О продолжении выкупных операций и земельных делах // Санкт-Петербургские ведомости. – 1865, 4 сент.

186. [Б. а.] [Судебная реформа и вопрос о векселях…] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1866, 19 марта.

187. [Б. а.] [О неотчуждаемости крестьянских наделов как тормозе экономического развития …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1866, 22 марта.

188. [Б. а.] Об экономическом положении пореформенного дворянства и выкупных платежах // Санкт-Петербургские ведомости. – 1866, 26 апр.

189. [Б. а.] О деятельности земских собраний // Санкт-Петербургские ведомости. – 1866, 2 мая.

190. [Б. а.] Внутренние известия // Санкт-Петербургские ведомости. – 1869, 11 апрел.

191. [Б. а.] Внутренние известия // Санкт-Петербургские ведомости. – 1869, 23 мая.

192. [Б. а.] О свободе миграции как ключе к преодолению отсталости // Санкт-Петербургские ведомости. – 1869, 23 мая.

193. [Б. а.] О необходимости отмены подушной подати и барьеров для переселения // Санкт-Петербургские ведомости. – 1869, 21 июня.

194. Слетов, Н. Логика тамбовского губернского земского собрания // Санкт-Петербургские ведомости. – 1869, 21 июля.

195. [Б. а.] О роли дворянства в проведении реформы и его «великом гражданском подвиге» // Санкт-Петербургские ведомости. – 1869, 29 июля.

196. Слетов, Н. [О роли дворянства в проведении реформы и его «великом гражданском подвиге» …] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1869, 29 июля.

197. [Б. а.] Об итогах почти десятилетней реализации крестьянской реформы // Санкт-Петербургские ведомости. – 1870, 17 янв.

198. [Б. а.] О финансовых результатах выкупной операции // Санкт-Петербургские ведомости. – 1870, 20 янв.

199. [Б. а.] О состоянии пореформенной деревни // Санкт-Петербургские ведомости. – 1870, 28 янв.

200. [Б. а.] Об экономических последствиях реформы для крестьянства // Санкт-Петербургские ведомости. – 1870, 10 февр.

201. [Б. а.] О проблемах «второго действительного освобождения» крестьян // Санкт-Петербургские ведомости. – 1870, 12 февр.

202. [Б. а.] О необходимости углубления экономических реформ // Санкт-Петербургские ведомости. – 1870, 20 февр.

203. [Б. а.] [О недостатке земских средств на народное образование в условиях нового устава о воинской повинности] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1874, 14 марта.

204. [Б. а.] [О проектах открытия новых учебных заведений в связи с введением всеобщей воинской повинности] // Санкт-Петербургские ведомости. – 1874, 17 марта.

205. [Б. а.] О подведении итогов выкупной операции // Санкт-Петербургские ведомости. – 1875, 23 дек.

206. [Б. а.] Данные предостережений // Северная почта. – 1865, 21 сен.

Британские издания

207. [W. a.] The State of the Continent // The Times. – 1854, 27 March.

208. [W. a.] [The State of the Continent..] // The Times. – 1854, 28 March.

209. [W. a.] [Express from Paris …] // The Times. – 1856, 3 Apr.

210. [W. a.] Russia [From Our Own Correspondent, St. Petersburg …] // The Times. – 1856, 3 Apr.

211. [W. a.] Foreign Intelligence. Russia // The Times. – 1856, 23 April.

212. [W. a.] Russia [From Our Own Correspondent, St. Petersburg …] // The Times. – 1856, 23 Apr.

213. [W. a.] The Coronation of the Emperor // The Times. – 1856, 15 Sept.

214. [W. a.] Police and Censorship in Russia // The Times. – 1856, 18 Oct.

215. [W. a.] Russia // The Times. – 1858, 5 Jan.

216. [W. a.] [From Our Own Correspondent …] // The Times. – 1858, 6 Jan.

217. [W. a.] Russia // The Times. – 1858, 6 Jan.

218. [W. a.] [The experiment, however, is one of the grandest which any Sovereign has ever attempted..] // The Times. – 1858, 6 Jan.

219. [W. a.] [The social and political state of Russia..] // The Times. – 1858, 6 Jan.

220. [W. a.] Russia // The Times. – 1858, 26 Jan.

221. [W. a.] Russia // The Times. – 1858, 11 May.

222. [W. a.] There is no more curious problem // The Times. – 1858, 11 May.

223. [W. a.] [Money Market] // The Times. – 1859, 29 March.

224. [W. a.] Foreign Intelligence // The Times. – 1859, 13 Sept.

225. [W. a.] The press in Russia // The Times. – 1859, 13 Sep.

226. [W. a.] America // The Times. – 1860, 21 Jan.

227. [W. a.] Latest Intelligence // The Times. – 1860, 21 Jan.

228. [W. a.] Russia // The Times. – 1860, 21 Jan.

229. [W. a.] [Foreign Intelligence: France …] // The Times. – 1860, 3 Feb.

230. [W. a.] [Latest Intelligence …] // The Times. – 1860, 3 Feb.

231. [W. a.] Russia // The Times. – 1860, 3 Feb.

232. [W. a.] Russia // The Times. – 1860, 23 Feb.

233. [W. a.] Parliamentary Intelligence // The Times. – 1861, 19 Feb.

234. [W. a.] Russia // The Times. – 1861, 19 Feb.

235. [W. a.] [The 3d of March, 1861, is destined to become a memorable era in the history of the world.] // The Times. – 1861, 19 Feb.

236. [W. a.] [The intelligence from Russia..] // The Times. – 1861, 19 Feb.

237. [W. a.] [The events of which Warsaw..] // The Times. – 1861, 1 Nov.

238. [W. a.] [We should not be surprised if in a short time intelligence from Russia was to become the most interesting..] // The Times. – 1861, 1 Nov.

239. [W. a.] [The internal condition of Russia..] // The Times. – 1861, 6 Dec.

240. [W. a.] [The emancipation of the Russian peasantry..] // The Times. – 1862, 9 Jan.

241. [W. a.] Emancipation of the Serfs in Russia // The Times. – 1862, 24 Apr.

242. [W. a.] [It is now more than a year since the nobles of the Polish and Lithuanian provinces in the west of Russia..] // The Times. – 1862, 24 Apr.

243. [W. a.] Russia // The Times. – 1862, 8 Oct.

244. [W. a.] America [From Our Own Correspondent …] // The Times. – 1863, 29 Jan.

245. [W. a.] Latest Intelligence // The Times. – 1863, 29 Jan.

246. [W. a.] Parliamentary Intelligence // The Times. – 1863, 13 Apr.

247. [W. a.] Russia // The Times. – 1863, 13 Apr.

248. [W. a.] The Polish Insurrection // The Times. – 1863, 8 Dec.

249. [W. a.] Russia // The Times. – 1864, 19 Dec.

250. [W. a.] [The new judicial system..] // The Times. – 1864, 19 Декабря.

251. [W. a.] Russia and Its Nationalities // The Times. – 1865, 28 Sept.

252. [W. a.] Russia // The Times. – 1866, 24 Apr.

253. [W. a.] [From our own correspondent. Russia. St. Petersburg, Nov. 7..] // The Times. – 1866, 13 Nov.

254. [W. a.] Russia // The Times. – 1866, 13 Nov.

255. [W. a.] Russia // The Times. – 1869, 26 Oct.

256. [W. a.] [The introduction of trial by jury..] // The Times. – 1869, 26 Oct.

257. [W. a.] Free Russia // The Times. – 1870, 22 Jan.

258. [W. a.] Free Russia // The Times. – 1870, 22 April.

259. [W. a.] [Free russia. A good title is sometimes of more importance than a good book..] // The Times. – 1870, 22 April.

260. [W. a.] Free Russia [обзор института земства] // The Times. – 1870, 22 April.

261. [W. a.] [The judicial system which..] // The Times. – 1871, 26 Dec.

262. [W. a.] Russia, Khiva, and Bokhara // The Times. – 1874, 6 Jan.

263. [W. a.] Russia [о новом военном законе и всеобщем призыве] // The Times. – 1874, 23 Jan.

264. [W. a.] [The English translation of the Russian Military law..] // The Times. – 1874, 23 Янв.

265. [W. a.] The new russian military law // The Times. – 1874, 23 Jan.

266. [W. a.] The russian civil service. From our own correspondent. Berlin, March 20..] // The Times. – 1875, 29 Mar.

267. [W. a.] Russian explanations of failures // The Times. – 1877, 11 Oct.

268. [W. a.] [Russia, the Congress, and the Slave Trade …] // The Times. – 1878, 11 June.

269. [W. a.] The Censorship in Russia // The Times. – 1879, 16 Oct.

270. [W. a.] The Russian Peasantry // The Times. – 1879, 31 Dec.

271. [W. a.] Alexander II // The Times. – 1881, 14 March.

272. [W. a.] The Assassination of the Emperor of Russia // The Times. – 1881, 16 March.

273. [W. a.] [The Russian Empire, in my opinion, possesses three sources of weakness..] // The Times. – 1882, 4 Jan.

274. [W. a.] The Russian Government // The Times. – 1882, 4 Jan.

275. [W. a.] [The agrarian reform of which you published an abstract a few days ago..] // The Times. – 1882, 13 January.

276. [W. a.] RUSSIA // The Times. – 1882, 17 Oct.

277. [W. a.] The russian press // The Times. – 1884, 2 Sep.

278. [W. a.] The Russian Agrarian Question // The Times. – 1886, 6 Nov.

279. [W. a.] Count tolstoi's schemes // The Times. – 1889, 12 Feb.

280. [W. a.] Latest Intelligence: Russia // The Times. – 1889, 12 Feb.

281. [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1851, 12 Nov.

282. [W. a.] [From Our Own Correspondent …] // The Manchester Guardian. – 1856, 24 Apr.

283. [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1856, 24 Apr.

284. [W. a.] [From Our Correspondent …] // The Manchester Guardian. – 1856, 12 Sept.

285. [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1856, 12 Sept.

286. [W. a.] [From the Russian Correspondent …] // The Manchester Guardian. – 1856, 15 Sept.

287. [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1856, 15 Sept.

288. [W. a.] [On the preparation of the peasant reform in Russia] // The Manchester Guardian. – 1858, 12 Nov.

289. [W. a.] Prussia // The Manchester Guardian. – 1858, 12 Nov.

290. [W. a.] [Public attention has for some time been so exclusively directed..] // The Manchester Guardian. – 1858, 12 Nov.

291. [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1858, 12 Nov.

292. [W. a.] [In spite of financial and commercial pressure..] // The Manchester Guardian. – 1861, 18 Oct.

293. [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1861, 18 Oct.

294. [W. a.] Summary of News // The Manchester Guardian. – 1861, 18 Oct.

295. Bright, J. On the American Crisis [Speech at Free Trade Hall, Manchester] // The Manchester Guardian. – 1861, 5 Dec.

296. [W. a.] Mr. Bright on the American Crisis // The Manchester Guardian. – 1861, 5 Dec.

297. [W. a.] Poland // The Manchester Guardian. – 1863, 4 March.

298. [W. a.] Poland // The Manchester Guardian. – 1863, 9 Jun.

299. [W. a.] Prussia // The Manchester Guardian. – 1863, 9 Jun.

300. [W. a.] The Progress of the Insurrection in Poland // The Manchester Guardian. – 1863, 9 Jun.

301. [W. a.] [The reports from Russia..] // The Manchester Guardian. – 1864, 10 May.

302. [W. a.] Social reforms in russia // The Manchester Guardian. – 1865, 28 Jul.

303. [W. a.] Special Reforms in Russia // The Manchester Guardian. – 1865, 28 July.

304. [W. a.] [When we mentioned the reign of the late Emperor Nicholas it was only for the purpose of contrasting..] // The Manchester Guardian. – 1865, 28 July.

305. [W. a.] [The latest intelligence from Russia..] // The Manchester Guardian. – 1869, 28 Jan.

306. [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1871, 28 Feb.

307. [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1872, 14 June.

308. [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1874, 26 Jan.

309. [W. a.] Russia [об увеличении военной мощи империи] // The Manchester Guardian. – 1874, 26 Jan.

310. [W. a.] [It is sometimes the task of a reviewer to point out the shortcomings of the work..] // The Manchester Guardian. – 1877, 9 Feb.

311. [W. a.] Russia // The Manchester Guardian. – 1877, 9 Feb.

312. [W. a.] Russia and the russians // The Manchester Guardian. – 1877, 9 Feb.

313. [W. a.] [The disturbances in the Russian Empire..] // The Manchester Guardian. – 1878, 14 Dec.

314. [W. a.] [The Eastern Question. Notes from Vienna…] // The Manchester Guardian. – 1878, 14 Dec.

315. [W. a.] The revolutionary movement in russia // The Manchester Guardian. – 1879, 5 Jun.

316. [W. a.] [To-day is the 25th anniversary..] // The Manchester Guardian. – 1880, 2 March.

317. [W. a.] The state of russia. The police and the censorship // The Manchester Guardian. – 1880, 13 Mar.

318. [W. a.] Assassination of the czar of russia // The Manchester Guardian. – 1881, 14 Марта.

319. [W. a.] The assassination of the czar of russia // The Manchester Guardian. – 1881, 17 Mar.

320. [W. a.] England and russia. The military preparations // The Manchester Guardian. – 1885, 31 Mar.

321. [W. a.] Imperial parliament // The Manchester Guardian. – 1885, 31 Mar.

322. [W. a.] The russian advance // The Manchester Guardian. – 1885, 31 Mar.

323. [W. a.] Foreign Telegrams: Russia // The Manchester Guardian. – 1885, 16 Nov.

324. [W. a.] Russia // The Daily Telegraph. – 1857, 26 Jan.

325. [W. a.] Foreign Intelligence // The Daily Telegraph. – 1858, 6 April.

326. [W. a.] [I learn, from good sources, that the French and Austrian Governments..] // The Daily Telegraph. – 1858, 6 Apr.

327. [W. a.] [There is good news to-day. The absolute possibility..] // The Daily Telegraph. – 1858, 6 apl.

328. [W. a.] Foreign Intelligence: Russia // The Daily Telegraph. – 1858, 21 Apr.

329. [W. a.] Abolition of Serfdom in Russia // The Daily Telegraph. – 1858, 1 Oct.

330. [W. a.] Russia // The Daily Telegraph. – 1859, 6 April.

331. [W. a.] [Foreign Intelligence: Russia …] // The Daily Telegraph. – 1860, 5 Apr.

332. [W. a.] Russia // The Daily Telegraph. – 1860, 5 April.

333. [W. a.] [A long letter has been addressed to the French journals …] // The Daily Telegraph. – 1860, 22 June.

334. [W. a.] [A long letter has been addressed to the French journals..] // The Daily Telegraph. – 1860, 22 july.

335. [W. a.] Russia // The Daily Telegraph. – 1860, 3 Oct.

336. [W. a.] Russia // The Daily Telegraph. – 1861, 14 Feb.

337. [W. a.] [Without the “Independence of Italy,” wrote the First Napoleon..] // The Daily Telegraph. – 1861, 19 Feb.

338. [W. a.] The Emancipation of the Russian Serfs // The Daily Telegraph. – 1861, 21 Feb.

339. [W. a.] Russia // The Daily Telegraph. – 1861, 25 Feb.

340. [W. a.] [The mystery for the abolition of serfdom is at length..] // The Daily Telegraph. – 1861, 25 feb.

341. [W. a.] Russia // The Daily Telegraph. – 1861, 21 March.

342. [W. a.] Russia. the emancipation of the russian serfs // The Daily Telegraph. – 1861, 21 Mar.

343. [W. a.] The Emancipation of the Russian Serfs // The Daily Telegraph. – 1861, 21 mar.

344. [W. a.] [The Emperor Alexander II. has won to himself..] // The Daily Telegraph. – 1861, 21 mar.

345. [W. a.] Abolition of Serfdom. Manifesto // The Daily Telegraph. – 1861, 26 March.

346. [W. a.] [Foreign Intelligence: Russia …] // The Daily Telegraph. – 1861, 28 March.

347. [W. a.] [The Government has at length informed the public..] // The Daily Telegraph. – 1862, 15 Apl.

348. [W. a.] Poland // The Daily Telegraph. – 1862, 23 Oct.

349. [W. a.] The Insurrection in Poland // The Daily Telegraph. – 1863, 17 Feb.

350. [W. a.] [I commenced my correspondence by a formal denial..] // The Daily Telegraph. – 1865, 7 jan.

351. [W. a.] Russia // The Daily Telegraph. – 1865, 7 Jan.

352. [W. a.] Russia [о новом законе о печати] // The Daily Telegraph. – 1865, 7 Jan.

353. [W. a.] [On the nineteenth of January..] // The Daily Telegraph. – 1865, 4 Feb.

354. [W. a.] [The momentous question which now..] // The Daily Telegraph. – 1865, 4 Feb.

355. [W. a.] [The Negro slave, who, as its cause, gave a certain..] // The Daily Telegraph. – 1870, 11 Nov.

356. [W. a.] [The news from Central Asia..] // The Daily Telegraph. – 1873, 28 Jan.

357. [W. a.] [Editorial] // The Daily Telegraph. – 1874, 13 May.

358. [W. a.] Russian and Central Asia // The Daily Telegraph. – 1874, 13 May.

359. [W. a.] [To-day his Imperial Majesty..] // The Daily Telegraph. – 1874, 13 May.

360. [W. a.] [To-day His Imperial Majesty Alexander II., Emperor of all the Russias, arrives..] // The Daily Telegraph. – 1874, 13 May.

361. [W. a.] Russia and central asia // The Daily Telegraph. – 1875, 22 Apr.

362. [W. a.] Russia // The Daily Telegraph. – 1877, 2 Nov.

363. [W. a.] Russo-turkish war // The Daily Telegraph. – 1877, 2 Nov.

364. [W. a.] Trials in russia // The Daily Telegraph. – 1877, 2 Nov.

365. [W. a.] Russia // The Daily Telegraph. – 1878, 12 Feb.

366. [W. a.] [Assassination of the Emperor of Russia. The Late Emperor …] // The Daily Telegraph. – 1881, 14 mar.

367. [W. a.] Emperor of Russia // The Daily Telegraph. – 1881, 14 March.

368. [W. a.] Foreign opinion on the assassination // The Daily Telegraph. – 1881, 14 Mar.

369. [W. a.] Assassination of the Emperor of Russia // The Daily Telegraph. – 1881, 16 March.

370. [W. a.] The Assassination of the Emperor of Russia // The Daily Telegraph. – 1881, 16 Mar.

371. [W. a.] The assassination of the emperor of russia. Nihilist manifesto // The Daily Telegraph. – 1881, 16 Mar.

372. [W. a.] Russian press censorship // The Daily Telegraph. – 1881, 5 Jul.

373. [W. a.] Ruin in russia // The Daily Telegraph. – 1888, 26 Apr.

374. [W. a.] Death of the Czar // The Daily Telegraph. – 1894, 2 Nov.

375. [W. a.] The Russian Emperor's Serf-Emancipation Manifesto // The Spectator. – 1861, 30 March.

376. [W. a.] The Continent // The Morning Post. – 1856, 17 Oct.

377. Боборыкин, П.Д. За полвека: (Мои воспоминания) / ред., предисл. и примеч. Б.П. Козьмина. – М. ; Л. : Земля и фабрика, 1929. – 383 с.

378. Герцен, А.И. С того берега // Герцен А.И. Собрание сочинений : в 30 т. – Т. 6. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – С. 374.

379. Герцен, А.И. Через три года // Колокол. – 1858. – № 21 (1 июля); Герцен А.И. Собрание сочинений : в 30 т. – Т. 13. – М. : Гослитиздат, 1958. – С. 49.

380. Ключевский, В.О. Дневники и дневниковые записи // Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. – Т. IX : Материалы разных лет. – М. : Мысль, 1990. – С. 341.

381. Кошелев, А.И. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы) : с семью приложениями. – Берлин : B. Behr's Verlag (E. Bock), 1884. – XII, 272, 232 с.

382. Никитенко, А.В. Дневник : в 3 т. / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. И.Я. Айзенштока. – М. : Гослитиздат, 1955–1956. – Т. 1 : 1826–1857. – 1955. – XLIV, 543 с. ; Т. 2 : 1858–1865. – 1955. – 652 с. ; Т. 3 : 1866–1877. – 1956. – 582 с.

383. Ленин, В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. – Т. 3. – М. : Изд-во политической литературы, 1971. – С. 21–23.

384. Ленин, В.И. Пятидесятилетие падения крепостного права // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 20. – М. : Изд-во политической литературы, 1973. – С. 173–177.

385. Покровский, М.Н. Русская история с древнейших времен : в 5 т. / при участии Н.М. Никольского и В.Н. Сторожева. – М. : Мир, 1910–1913. – Т. 1. – 1910. – 259, 56, 6 с. ; Т. 2. – 1910. – 306, 43 с. ; Т. 3. – 1911. – 232, 72 с. ; Т. 4. – 1912. – 336 с. ; Т. 5. – 1913. – 390 с.

386. Покровский, М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. 1 и 2 : (От древнейших времен до второй половины XIX столетия). – М. : Государственное издательство, 1920. – 224 с.

387. Достоевский, Ф.М. Ряд статей о русской литературе // Время. – 1861. – № 1. – С. 1–24.

388. Некрасов, Н.А. Свобода // Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем : в 15 т. – Т. 2. – Л. : Наука, 1981. – С. 127.

389. Самарин, Ю.Ф. Собрание сочинений : в 5 т. / сост., подгот. текста, коммент. А.Н. Николюкина и Т.Ф. Прокопова ; под общ. ред. А.Н. Николюкина ; РАН, ИНИОН. – СПб. : Росток, 2013– . – Т. 4 : Крестьянское дело. – 2017. – 701 с.

390. Конец крепостничества в России : Документы, письма, мемуары, статьи / сост. В.А. Федоров. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 527 с.

391. Россия под надзором : Отчеты III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и Корпуса жандармов. 1827–1869 гг. / сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 848 с.

392. Санкт-Петербургские ведомости // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – Т. XXVIII. СПб., 1900. – С. 271–272.

393. Black's Law Dictionary. 11th ed. St. Paul, MN : Thomson Reuters, 2019. – P. 1284.

394. Chenery, Thomas // Dictionary of National Biography. – Vol. X. – London : Smith, Elder & Co., 1887. – P. 193–194.

2. Литература

1. Адоньева, И.Г. Дискуссия о европейском опыте при обсуждении судебной реформы в русской журнальной периодике (1857–1864) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2019. – Т. 18, № 6: Журналистика. – С. 18–29.

2. Алилуева, Н.А. Итоги и последствия для Российской империи по окончании Крымской войны 1853–1856 гг. // Гуманитарные науки на службе развития сельского хозяйства и АПК : материалы национальной научно-практической конференции. – Воронеж : Воронежский ГАУ им. Императора Петра I, 2021. – С. 3–7.

3. Балуев, Б.П. Либеральное движение в России: 1902–1905 гг. – М. : ИРИ РАН, 2001. – 254 с.

4. Блохин, В.Ф. Российская периодическая провинциальная пресса 1860-х годов: факторы становления // Вестник Брянского государственного университета. – 2019. – № 4. – С. 34–44.

5. Бугров, А.Ю. Амнистия декабристов 1856 г. в освещении российской и английской газетной прессы // Litera. – 2025. – № 12. – С. 116–131.

6. Бугров, А.Ю. Земская реформа 1864 г. в освещении российской и английской газетной прессы // Коммуникология. – 2025. – Т. 13, № 4. – С. 43–56.

7. Бугров, А.Ю. Крестьянская реформа 1861 г. в освещении российской и английской газетной прессы // Филология: научные исследования. – 2025. – № 12. – С. 303–320.

8. Бугров, А.Ю. Цензура и освещение судебной реформы в английской и русской прессе эпохи Великих реформ Александра II // Litera. – 2026. – № 5. – С. 66–77.

9. Власов, Н.А. «Панслависты сейчас задают тон в России»: образ Российской империи в германской либеральной прессе начала 1880-х годов //

Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 5. – С. 89–101.

10. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права. – СПб. : Издание книгопродавца Н.Я. Оглобина, 1905. – 714 с.

11. Володин, Т.А., Юдин, С.С. От Крымской войны к военным реформам: предпосылки реорганизации российской армии, 1856–1862 гг. // Былые годы. – 2023. – Т. 18. – № 3. – С. 1219–1226.

12. Воробьева, Л.В. Пореформенная русская крестьянская община как юридический феномен, 1861–1905 гг.: историко-правовое исследование : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. – М., 2002. – 193 с.

13. Готовцева, А.Г. «Словом милости как Божьей благодатью»: амнистия декабристам в российской периодической печати и общественном сознании // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2016. – № 4 (13). – С. 9–23.

14. Грезнева, А.А. «Итак, все настоящее дело есть детская игра»: речь присяжного поверенного Н.М. Соколовского на политическом процессе «193-х» // Мультикультурная и многонациональная Россия : материалы III Международной междисциплинарной конференции. – Ч. I. – М. : РУДН, 2010. – С. 484–508.

15. Громова, Л.П., Бадалян, Д.А., Жирков, Г.В. и др. История русской журналистики XVIII–XIX веков. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. – 528 с.

16. Деревягина, Е.В. «Московские ведомости» М.Н. Каткова (1863–1887) в русском литературном процессе : дис. … канд. филол. наук : 10.01.01. – Великий Новгород, 2004. – 250 с.

17. Динерштейн, Е.А. Фабрикант читателей: А.Ф. Маркс. – М. : Книга, 1986. – 256 с.

18. Евдокимова, М.В. Полемика в русской прессе о свободе слова и цензурных постановлениях, 1857–1867 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. – СПб., 1994. – 18 с.

19. Ерохина, В.И. К вопросу о применении habeas corpus act в современном законодательстве // Актуальные вопросы государства и права на современном этапе развития общества : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конференции. – Т. 1. – Пермь : Пермский институт ФСИН, 2022. – С. 127–129.

20. Есин, Б.И. История русской журналистики (1703–1917). – М. : Изд-во МГУ, 2000. – С. 85–89.

21. Жирков, Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 368 с.

22. Завгородний, Т.А. Крымская война и ее итоги как проявление кризиса Венской системы международных отношений // Чтения памяти профессора А.А. Сидоренко. – 2023. – № 10. – С. 52–64.

23. Западов, А.В. (ред.) История русской журналистики XVIII–XIX веков. – М. : Высшая школа, 1973. – С. 296–312.

24. Захаров, В.Ю., Иванова, А.Н. Проект «конституции» М.Т. Лорис-Меликова: была ли возможна его реализация после прихода к власти Александра III // Гуманитарный вестник. – 2024. – № 4 (108). – С. 1–17.

25. Захарова, Л.Г. Александр II // Вопросы истории. – 1992. – № 6–7. – С. 58–79.

26. Захарова, Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. – М. : РОССПЭН, 2011. – 719 с.

27. Захарова, Л.Г. Великие реформы в России, 1856–1874 / под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. – М. : Изд-во МГУ, 1992. – 334 с.

28. Захарова, Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861. – М. : Изд-во МГУ, 1984. – 256 с.

29. Захарова, Л.Г. Самодержавие и реформы в России. 1861–1874 // Великие реформы в России, 1856–1874 / под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. – М. : Изд-во МГУ, 1992. – С. 24–43.

30. Зайончковский, П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. – М. : Изд-во МГУ, 1952. – 368 с.

31. Зайончковский, П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. – М. : Изд-во МГУ, 1964. – 511 с.

32. Зайончковский, П.А. Отмена крепостного права в России. 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1968. – 368 с.

33. Зайончковский, П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М. : Мысль, 1978. – 288 с.

34. Зайончковский, П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. – М. : Соцэкгиз, 1958. – 470 с.

35. Зайончковский, П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. – М. : Мысль, 1970. – 452 с.

36. Зайончковский, П.А. Советская историография реформы 1861 г. // Вопросы истории. – 1961. – № 2. – С. 85–104.

37. Зубков, К.Ю. Просвещать и карать: функции цензуры в Российской империи середины XIX века. – М. : Новое литературное обозрение, 2023. – 520 с.

38. Казанина, Л.Ю., Шурухнов, Н.Г. От сельской общины к аграрно-крестьянской реформе 1906–1911 гг.: концепция П.А. Столыпина // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – Т. 15. – № 5. – С. 213–218.

39. Киянская, О.И. «Суд сей окончить в 24 часа». Полтавский пехотный полк после восстания декабристов // Россия и современный мир. – 2024. – № 2 (123). – С. 7–24.

40. Киянская, О.И. Декабристы. Пленники свободы. – М. : Молодая гвардия, 2023. – 384 с.

41. Киянская, О.И. Религиозно-политические нарративы декабристов (историко-культурологический аспект) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2025. – № 9. – С. 39–55.

42. Корнилов, А.А. Курс истории России XIX века. – Ч. 1–3. – М. : Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1912–1914. – Ч. 1. – 1912. – 283 с. ; Ч. 2. – 1912. – 272 с. ; Ч. 3. – 1914. – 330 с.

43. Корш, В.Ф. Столетие «Московских ведомостей» (1756–1856). – М. : Университетская типография, 1857. – 156 с.

44. Косарев, С.И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в оценках российской и английской периодической печати : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. – Брянск, 2012. – 218 с.

45. Кругликова, О.С. Опыт конструктивного сотрудничества журналистики и власти в пореформенной России: публицистика и общественная деятельность М.Н. Каткова : дис. … канд. филол. наук : 10.01.10. – СПб., 2008. – 218 с.

46. Куликова, Е.Ю., Пенская, Е.Н. Литературные и эстетические парадоксы Виктора Буренина // Сибирский филологический журнал. – 2018. – № 1. – С. 152–167.

47. Курбатов, Ю.И. Польское восстание 1830–1831 гг. в освещении русской дореволюционной историографии : дис. … канд. ист. наук : 07.00.09. – М., 1984. – 173 с.

48. Латыпова, Н.С. Дискуссия о причинах гражданской войны в США (1861–1865): периодизация историографии // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 8–20.

49. Лемке, М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. – СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1904. – 460 с.

50. Лемке, М.К. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. – СПб. : тип. «Герольд», 1904. – 512 с.

51. Леонтьева, О.Б. Как реформа стала великой: отмена крепостного права как «место памяти» в исторической культуре императорской России // Диалог со временем. – 2016. – № 56. – С. 229–245.

52. Литвак, Б.Г. О некоторых спорных вопросах реализации реформы 1861 г. // Исторические записки. – 1961. – Т. 68. – С. 81–115.

53. Литвак, Б.Г. Советская историография реформы 19 февраля 1861 года // История СССР. – 1960. – № 6. – С. 99–120.

54. Макагонова, Н.М. Зарубежный опыт местного самоуправления: возможность применения в России // Вестник экспертного совета. – 2019. – № 2 (17). – С. 31–35.

55. Макушин, Л.М. Цензурная программа П.А. Вяземского и первые шаги к гласности (1855–1858) // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2007. – Т. 52. – № 22. – С. 196–210.

56. Макушин, Л.М. Цензурный режим и система русской периодической печати в эпоху Великих реформ Александра II : дис. … д-ра филол. наук : 10.01.10. – СПб., 2010. – 426 с.

57. Маркварт, Э. Организация местного самоуправления в Германии и применимость немецкого опыта к российским реалиям // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2011. – Т. 4, № 2. – С. 25–36.

58. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 1. – XL, 548 с. ; Т. 2. – 583 с.

59. Немытина, М.В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01. – М., 1999. – 403 с.

60. Орлова, Н.К. Тайные революционные организации в Литве и Белоруссии первой четверти XIX века. – Общество военных друзей : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. – М., 1984. – 285 с.

61. Очерки по истории медиакритики в России XIX–XX веков : коллект. моногр. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2021. – 256 с.

62. Патрушева, Н.Г. Пересмотр цензурного законодательства в 1862 г. и демократическая печать // Книжное дело в России во второй пол. XIX – нач. XX в. – Вып. 3. – Л., 1988. – С. 105–111.

63. Патрушева, Н.Г. Цензурная реформа 1865 года и русская периодическая печать // Буржуазные реформы в России второй пол. – XIX века : межвуз. сб. Воронеж, 1988. – С. 105–111.

64. Патрушева, Н.Г. Цензурная реформа в России 1865 г. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. – Л. : Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова, 1990. – 233 с.

65. Патрушева, Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. – СПб. : Северная звезда, 2013. – 620 с.

66. Перевалова, Е.В. «Московские ведомости» М.Н. Каткова в 1863–1864 гг. – политический официоз или орган независимого общественного мнения? // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. – 2015. – № 4 (36). – С. 163–179.

67. Перевалова, Е.В. Журнал М.Н. Каткова «Русский вестник» в первые годы издания : дис. … канд. филол. наук : 10.01.10. – М., 1998. – 287 с.

68. Перевалова, Е.В. Нечаев С.Г. и «нечаевское дело» в оценке газеты «Московские ведомости» // Медиаскоп. – 2014. – № 4. URL: http://www.mediascope.ru/1596.

69. Перхин, В.В. Из эпистолярного наследия редакторов газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (1846–1914). К научной истории газеты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История, языкознание, литературоведение. – 2003. – Вып. 4 (№ 26). – С. 104–112.

70. Писарькова, Л.Ф. Московская городская дума, 1863–1917 гг. : дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02. – М. : Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 1996. – 512 с.

71. Подлесных, С.Н. Вопросы судебной системы России 1860–1880-х гг. в работах М.Н. Каткова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 1. – С. 162–176.

72. Полунов, А.Ю. К.П. Победоносцев в начале царствования Александра III // Вестник Московского университета. – 2010. – № 4. – С. 35–47.

73. Пятковский, А.П. Из истории нашего литературного и общественного развития. – Ч. 2. – СПб., 1876. – С. 13–32.

74. Рейфман, П.С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России. – М. : Пента, 2015. – 560 с.

75. Рудник, С.Н. Всесословная воинская повинность и вопросы образования в России в 1870–1890-е годы // Социология науки и технологий. – 2016. – Т. 7. – № 2. – С. 80–91.

76. Рябцева, Е.М. Сергей Иванович Зарудный – один из главных творцов судебной реформы 1864 года // Великие юристы России : сб. статей по материалам III Всероссийской студенческой научной конференции. – М. : ВГУЮ, 2024. – С. 37–42.

77. Сартаков, Е.В. Публицистика М.П. Погодина времен Крымской войны // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. – 2015. – № 5. – С. 37–50.

78. Середа, Н.Д. Газета «Русские ведомости» в 1860-е – 1870-е гг. : дис. … канд. филол. наук : 10.01.10. – М., 2001. – 253 с.

79. Соболева, Н.А. Ю.Ф. Самарин и А.И. Герцен: два взгляда на диалог культур // Проблемы управления в социально-гуманитарных, экономических и технических системах : сб. науч. трудов. – Тверь : Тверской ГТУ, 2023. – С. 38–45.

80. Соловьев, Е.А. Очерки из истории русской литературы XIX века. – Т. 3, ч. 2. – М., 1955. – С. 130–230.

81. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен. – 3-е изд. – СПб. : Т-во «Общественная польза», [1911]. – Кн. 1–6.

82. Субботина, А.М. Крестьянская реформа 1861 года в отражении региональной печати (по материалам «Вятских губернских ведомостей») // Научный диалог. – 2021. – № 11. – С. 368–381.

83. Сурнина, И.А. Роль периодических изданий в социально-экономических преобразованиях России 1857–1861 годов («Экономический указатель» И.В. Вернадского и «Вестник промышленности» Ф.В. Чижова) // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2017. – Т. 22, № 1. – С. 156–166.

84. Таймасова, Я.В. Отношение либеральных публицистов «Русских ведомостей» к правительственным реформам 1860–1870-х гг. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. – М., 2016. – 176 с.

85. Татищев, С.С. Император Александр II, его жизнь и царствование : в 2 т. – СПб. : А.С. Суворин, 1903. – Т. 1. – XVIII, 538 с. ; Т. 2. – XX, 734 с.

86. Федоров, В.А. Крестьянское движение в России в 1826–1849 гг. // Общественные настроения в России по крестьянскому вопросу накануне реформы 1861 г. – 2013. URL: https://journals.openedition.org/ilcea/1613 (дата обращения: 19.02.2026).

87. Фетисенко, О.Л. К истории газеты «День»: неизвестные письма И.С. Аксакова Н.П. Игнатьеву (1863 г.) // Соловьевские исследования. – 2023. – № 3 (79). – С. 107–119.

88. Фролов, В.В. Судебная реформа 1864 года в России и ее отражение в правосознании российского общества середины XIX века : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. – СПб., 2003. – 178 с.

89. Ходский, Л.В. Земля и земледелец : экономическое и статистическое исследование : в 2 т. – СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1891. – Т. 2. – X, 314, 109, [1] с.

90. Чеботарев, А.М. Значение газеты «Санкт-Петербургские ведомости» в информационно-просветительной деятельности XVIII века в России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2006. – № 17 (72). – С. 123–126.

91. Чернуха, В.Г. Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е годы XIX века. – Л. : Наука, 1989. – С. 34.

92. Шарипова, А.Р. Судебная практика в уголовном и других видах судопроизводства: перспективы конвергенции // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т. 7. – № 3. – С. 73–79.

93. Шаруда, А.А., Ярмонова, В.В., Хабибулина, Е.Б. Крымская война в российской историографии. Предпосылки, повод, итоги. Анализ причин

поражения Российской империи // Инновационная наука. – 2021. – № 3. – С. 53–58.

94. Шутов, А.Ю. Земский избирательный процесс в России (1864–1917) : дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02. – М., 1999. – 403 с.

95. Щербакова, В.А., Кретинин, И.М. Влияние крестьянской реформы 1861 года на аграрный сектор экономики России // Аграрная экономика в современных условиях: проблемы и векторы развития : материалы Всероссийской (национальной) науч.-практ. конференции. – Мичуринск : ЗАО «Университетская книга», 2024. – С. 520–522.

96. Щербакова, И.К. Реформы Александра II и контрреформы Александра III: прерванная нить // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2022. – Т. 12. – № 5 (86). – С. 1577–1584.

97. Янсон, Ю.Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. – СПб. : тип. М. Стасюлевича, 1877. – VIII, 160, 26 с.

98. A Concise History of Poland. 2nd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 358 p.

99. Ayerst, D. Guardian: Biography of a Newspaper. – London : Collins, 1971. – 702 p.

100. Balmuth, D. The Origins of the Tsarist Epoch of Censorship Terror // American Slavic and East European Review. – 1960. – Vol. 19, no. 4. – P. 497–520.

101. Bartyś, J. English and Scottish Farmers in Poland in the First Half of the Nineteenth Century // Agricultural History Review. – 1967. – Vol. 15, no. 2. – P. 88–102.

102. Brown, L. Victorian News and Newspapers. – Oxford : Clarendon Press, 1985. – 303 p.

103. Burnham, E.F.L. Peterborough Court: The Story of the Daily Telegraph. – London : Cassell, 1955. – 225 p.

104. Chaloupek, G. Emancipation of the Peasantry in Lower Austria: The Economists' Views, the Role of the Estates, and the Revolution of 1848 // The

Liberation of the Serfs / ed. J.G. Backhaus. – New York : Springer, 2012. – P. 19–31.

105. Dasent, A.I. John Thadeus Delane, Editor of «The Times»: His Life and Correspondence : in 2 vols. – London : John Murray, 1908. – Vol. 1. – 328 p. ; Vol. 2. – 376 p.

106. Domar, E.D. Were Russian serfs overcharged for their land by the 1861 Emancipation? The history of one historical table // Domar E.D. Capitalism, Socialism, and Serfdom: Essays by Evsey D. Domar. – Cambridge : Cambridge University Press, 1989. – P. 280–288.

107. Figes, O. A People's Tragedy: The Russian Revolution 1891–1924. – London : Jonathan Cape, 1996. – 923 p.

108. Figes, O. Natasha's Dance: A Cultural History of Russia. – London : Allen Lane, 2002. – 728 p.

109. Figes, O. The Story of Russia. – New York : Metropolitan Books, 2022. – 348 p.

110. Firnhaber-Baker, J. The Jacquerie of 1358: A French Peasants' Revolt. – Oxford : Oxford University Press, 2021. – 307 p.

111. Firnhaber-Baker, J. The Social Constituency of the Jacquerie Revolt of 1358 // Speculum. – 2020. – Vol. 95, no. 3. – P. 689–715.

112. Fischer, H.-D. The «Deutsche Allgemeine Zeitung» (1861–1945): a portrait of a famous German newspaper // Gazette. – 1967. – Vol. 13, no. 1. – P. 35–46.

113. Grévy, J. La République des opportunistes (1870–1885). – Paris : Perrin, 1998. – P. 150–170.

114. Hammond, J.L. C.P. Scott of the Manchester Guardian. – London : G. Bell and Sons, 1934. – 365 p.

115. Hewitt, M. The Dawn of the Cheap Press in Victorian Britain: The End of the 'Taxes on Knowledge', 1849–1869. – London : Bloomsbury Academic, 2013. – 309 p.

116. History of Censorship in Russia // EBSCO Research Starters. – EBSCO Information Services, 2018. – URL: https://www.ebsco.com/research-starters/politics-and-government/history-censorship-russia (дата обращения: 10.02.2026).

117. Jenkins, T.A. Gladstone, Whiggery, and the Liberal Party, 1874–1886. – Oxford : Clarendon Press, 1988. – 328 p.

118. Klier, J.D. The Polish Revolt of 1863 and the Birth of Russification: Bad for the Jews? // Poles and Jews: Renewing the Dialogue. Polin: Studies in Polish Jewry / ed. A. Polonsky. – Liverpool : Liverpool University Press, 2004. – P. 96–110.

119. Lee, A.J. The Origins of the Popular Press in England, 1855–1914. – London : Croom Helm, 1976. – 310 p.

120. Lester, A. The realpolitik of emancipation in the British Empire, 1833–38 // Humanitarianism, empire and transnationalism, 1760–1995: Selective humanity in the Anglophone world / ed. by J. Damousi, T. Burnard. – Manchester : Manchester University Press, 2022. – P. 119–144.

121. Lewis, N.B. Magna Carta: Part I. The Constitutional Significance of Magna Carta // Parliamentary Affairs. – 1964. – Vol. XVIII, no. 3. – P. 249.

122. Liddle, D. The News Machine: Textual Form and Information Function in the London «Times», 1785–1885 // Book History. – 2016. – Vol. 19. – P. 132–168.

123. Lincoln, W.B. In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. – DeKalb : Northern Illinois University Press, 1982. – 297 p.

124. Lincoln, W.B. The Great Reforms: Autocracy, Bureaucracy, and the Politics of Change in Imperial Russia. – DeKalb : Northern Illinois University Press, 1990. – 281 p.

125. McReynolds, L. The News under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press. – Princeton : Princeton University Press, 1991. – 313 p.

126. Melischek, G., Seethaler, J. Die Wiener Tageszeitungen. Eine Dokumentation. Bd. 3: 1918–1938. – Frankfurt am Main : Lang, 1992. 263 S.

127. Mills, W.H. The Manchester Guardian: A Century of History. – London : Chatto & Windus, 1921. – 146 p.

128. Nishchymna, S. The legal institution of justices of the peace: feasibility and risks // Economics. Finances. Law. – 2025. – Vol. 5. – P. 39–43.

129. Pierce, B. The American Black Press and Late Imperial Russia // Journal of Russian American Studies. – 2025. – Vol. 9, no. 1. – P. 16–32.

130. Ruud, Ch.A. Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804–1906. – Toronto : University of Toronto Press, 1982. – 327 p.

131. Salducci, F. Un juge de paix dans la tourmente révolutionnaire (1793–1797). Honoré Claude Antiboul, juge de Saint-Tropez // Annales du Midi. – 2022. – Vol. 134, no. 319. – P. 363–380.

132. The Cambridge History of Russia. Vol. 2: Imperial Russia, 1689–1917 / ed. by D. Lieven. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – XVIII, 765 p.

133. The History of The Times. Vol. II: The Tradition Established, 1841–1884. – London : The Times, 1939. – 622 p.

134. Loué, T. La Revue des Deux Mondes, de Buloz à Brunetière : thèse de doctorat / sous la dir. d'A. Corbin. – Paris : Université Paris I, 1998. 3 vol. 1277 p.

135. Tuyev, B. The Development of Common Law // Мировая наука. – 2019. – № 11 (32). – С. 66–67.

136. Wallace, D.M. Russia : in 2 vols. – London : Cassell, Petter and Galpin, 1877. – Vol. 1. – 466 p. ; Vol. 2. – 472 p.

137. Weaver, M. Political Friendship: Liberal Notables, Networks, and the Pursuit of the German Nation State, 1848–1866. – New York ; Oxford : Berghahn Books, 2024. – 326 p.